

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского**

**ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТРНАВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ТРНАВЕ (СЛОВАКИЯ)
БОЛГАРСКИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР**

XXXIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:**

СИНЕРГИЯ СМЫСЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ

***17-20 мая 2018 г.
г. Ялта,
Республика Крым***

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018**

УДК 37
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Главный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н.А. Романович, доктор социологических наук, профессор;

Е.В. Чёрный, доктор психологических наук, доцент;

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент;

Рецензенты:

Минчо Минчев, доктор философии, профессор;

Михаэла Моравчикова, доктор теологии, профессор;

Прити Дас, доктор философии, доцент.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17 – 20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 250 с.

ISBN 978-5-907032-60-6

В сборнике размещены материалы XXXIV Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей», состоявшегося в г. Ялта 17 – 20 мая 2018 г. Раскрываются проблемы коллективной памяти, исторического времени, социального и политического пространства, соотношения смыслов и ценностей в условиях культурного и цивилизационного разнообразия, анализируются вопросы, связанные с этническими и религиозными конфликтами в условиях геополитической и геоэкономической конкуренции.

УДК 37
ББК 74.00

ISBN 978-5-907032-60-6

© Сеньюшкина Т.А., 2018
© ИТ «АРИАЛ», 2018

Аксентиевич Л.Д.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Аннотация. В статье анализируется влияние великих держав на судьбу маленькой нации, которые разделены на два враждующих лагеря более чем шесть десятилетий. Автор старается быть объективным, исторически анализировать период незавершенного процесса, используя современную литературу, как западную, так и восточную. Цель статьи - определить роль великих держав в решении корейского вопроса, который по сей день не решен.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Северная Корея, война, социалистическое движение, Сталин, Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, мир, Организация Объединенных Наций.

Aksentievich L.D.

NORTH KOREA: BETWEEN PEACE AND WAR

Abstract. The article analyzes the influence of great powers on the fate of a small nation, which are divided into two warring camps for more than six decades. I will try to be objective, historically analyze the period of the unfinished process, using outstanding literature, both Western and Eastern. The purpose of the article is to determine the role of the great powers in solving the Korean question, which to this day is definitely not resolved.

Keywords: People's Republic of China, North Korea, war, the socialist movement, Stalin, the Soviet Union, the United States of America, the world, the United Nations.

В этом году исполняется 65 лет с момента окончания Корейской войны, в результате которой миллионы жертв пострадали с обеих сторон; граница не продвинулась ни в одну сторону, и мир продолжает наблюдать вероятность эскалации на Корейском полуострове. Война в Корее также привела к значительным изменениям в американской политике в

других частях Азии. До 1949 года администрация Трумэна с презрением смотрела на армию Чан Кайши и нестабильное правительство на Тайване и поэтому США пытались, так же как и Британия, признать коммунистическое государство Мао Цзэдуна, но война в Корее привела к защите Тайваня. Поэтому Китай считался смертельным врагом, против которого, по мнению американского руководства, при необходимости можно использовать атомное оружие.

Еще в июне 1950 года Китай сосредоточил 250 тысяч военнослужащих на своей границе с Кореей, а Мао на заседании Политбюро ЦК Компартии Китая заявил, что волонтерские войска должны активизировать обучение и помогать братской социалистической стране и защищать свои собственные границы и интересы китайского народа.

Северокорейский лидер Ким Ир Сен в соответствии с принципами международного коммунистического движения стремился принести идеи социализма в Южную Корею. На основании исторических фактов, сегодня мы заключаем, что в Корейской войне важную роль играло советское вооружение, которое на первых этапах войны превосходило южнокорейское (т.е. американское). В первую очередь, бронированная тяжелая техника с танком Т-34, которая оказалась очень успешной во Второй мировой войне. Успехи северокорейского лидера Ким Ира Сена объясняются этой разницей в вооружении, об этом, в частности, рассказывает Рузеронбу в своей книге «Уроки войны в Корее».

Что касается самих танков Т-34, которые в 1939 году стали широко выпускаться в Харькове и чьи характеристики существенно не изменились даже после Второй мировой войны, именно они остановили американские войска в Корее. Еще важнее то, что стало поворотным пунктом войны, - это вхождение десятков тысяч американских войск в Корею, также как британских, и турецких, для прекращения распространения северокорейского социализма в Южной Корее.

Вашингтон проводил еще более воинственную политику не только в отношении Северной Кореи, но и в отношении Китая и Советского Союза. Что касается собственного объединения Китая с Тайванем, оно было отложено, а среди доб-

ровольцев из Китая - погиб и старший сын Мао. В связи с этой потерей и миллионами жертв Мао заявил следующее: «На войне должна быть жертва, без которой нет победы... Нет родителей в мире, которые не любят своих детей ... Есть много простых людей, чьи дети проливают кровь, и которые пожертвовали ими для победы революции».

Полный мир не был достигнут, соглашение о прекращении огня было подписано в «деревне Прими», в демилитаризованной зоне в 1953 году. С 1953 по 1991 год, согласно статистике Северной Кореи, американцы пытались неоднократно нарушить это соглашение. Обосновывая укрепление своего военного потенциала, Япония и Южная Корея, при содействии Соединенных Штатов, говорят о предполагаемой атаке с севера. Но это государство никогда не было агрессором, в отличие от тех, кто говорит о «мире во всем мире», Северная Корея не забывала уроки народа Балкан, Сирии и Ирака.

Сегодня Северная Корея останавливает поход запада на восток. Если эта оборонительная стена упадет в будущем, Российской Федерации и Китайской Народной Республике придется серьезно и значительно укрепить свои южные границы. Поэтому Северная Корея во многом определяет буферную зону для этих двух странах.

Корейский «мир» продолжается, несмотря на столкновения между двумя странами в 2010 году. Но то, что мы находимся в пропагандистской войне, которую ведут как США, так и Северная Корея, это очевидно. Станет ли эта пропагандистская война конфликтом мировых масштабов? Время покажет.

Алехина Л.Л., Легостаева С.А.

РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальность кадрового развития в организации, основные виды и составляющие характеристики в процессе развития персонала.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, развитие персонала, компетентность, трудовой и интеллектуальный потенциал.

Alekhina L. L., Legostaeva S. A.

STAFF DEVELOPMENT ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF PERSONNEL MANAGEMENT

Abstract. This article discusses the relevance of career development in the organization, principal components and characteristics in the process of staff development.

Keywords: personnel management, personnel development, competence, labor and intellectual potential.

Задачи, связанные с развитием персонала на сегодняшний день, приобретают особую актуальность не только для кадровых служб и работодателей, но и самих работников. В условиях реиндустриализации современной отечественной экономики предприятия и организации сталкиваются с необходимостью формирования и развития механизма обеспечения стратегической устойчивости хозяйствующих субъектов. Успешное функционирование и развитие предприятий и организаций, адекватное условиям внешней и внутренней среды, обусловлено не только физическим наличием ресурсов, но и знаниями, умениями и опытом сотрудников которые могут проявляться в результатах их трудовой деятельности.

Интеллектуальный и трудовой потенциал персонала и организации выступает основным нематериальным активом экономики, существенным конкурентным преимуществом организации и ее персонала, средством достижения успешных социально-экономических показателей деятельности предприятия и результатов труда сотрудников.

На сегодняшний день работодатели и администрация хозяйствующих субъектов осознают необходимость систематизированной подготовки персонала с целью обеспечения долгосрочной конкурентоспособности предприятия. Очевидно, что реализация бизнес-процессов в стратегическом контексте не возможна без мотивированных, квалифицированных и вовлеченных работников, уникальные компетенции, профессиональный и личностный потенциал которых выступает важным и доминирующим фактором повышения эффективности и результативности работы хозяйствующих субъектов в условиях динамичных и разнообразных изменений внешней окружающей среды. Сегодня не вызывает сомнений, что развитие персонала является значимой составляющей в системе кадрового менеджмента.

Компетентность как основная характеристика персонала в контексте стратегического развития организации включает знания, навыки и модели поведения, которые актуальны для выполнения трудовых функций работников. Гибкость трудового потенциала основана на профессиональных и личностных составляющих как способность быстро и адекватно реагировать на изменения и адаптироваться к ним. Вовлеченность персонала в деятельность организации способствует развитию мотивации труда. Инновационный потенциал персонала способствует участию в процессах организационного развития.

Развитие сотрудников для работодателя представляет существенный интерес в аспекте максимальной реализации имеющегося организационного потенциала. В частности, развитие персонала способствует адекватному и быстрому реагированию на возникающие из дня в день новые требования к содержанию профессиональной деятельности, повышать результативность труда и конкурентоспособность

работающих в организации сотрудников. Результатом кадрового развития непременно явится рост эффективности бизнес-деятельности.

Кадровый менеджмент различает групповое, индивидуальное и организационное развитие.

Так, индивидуальное развитие сотрудников означает процесс самоактуализации личностного потенциала для достижения персональных целей и конкурентного превосходства в трудовой деятельности. В результате индивидуальное развитие персонала позволяет сформировать устойчивую систему взглядов, качеств, принципов и убеждений, что дает возможность сотруднику выборочно преобразовывать индивидуальные личностные и профессиональные позиции и интересы в меняющихся условиях существования и трудового функционирования. Считается, что индивидуальное развитие сотрудника осуществляется на трех ступенях:

- уровень индивида;
- уровень личности;
- уровень профессионала.

Групповое развитие персонала является процессом достижения синергии в преобразованиях позиции отдельных работников на рынке труда, что обусловлено взаимодействием и взаимоотношениями членов группы друг с другом и внешним (внеорганизационным) воздействием на данную группу. Групповое развитие персонала предполагает оптимальную интеграцию сотрудника в трудовой коллектив, а его интеллектуальный потенциал интеграцию в кадровый потенциал структурного подразделения либо организации в целом.

Организационное развитие персонала означает совокупность усилий, скоординированных единой общеорганизационной целью. При помощи данных усилий сотрудники вовлекаются в трудовую деятельность, в результате чего растет общий уровень организации труда, улучшается способность планировать деятельность самостоятельно и разрешать возникающие проблемы различного характера.

Итак, между вышерассмотренными уровнями развития персонала прослеживается логическая взаимосвязь. А именно, индивидуальное развитие сотрудника выступает основой

для последующего развития группового управления и перехода на командное управление, что будет способствовать организационному развитию и повышению эффективности функционирования организации.

Литература

1. Пугачев, В.П. Стратегическое управление человеческими ресурсами организации: учебное пособие / В.П. Пугачев, Н.Н. Опарина. – М.: КНОРУС, 2016. – 208 с.
2. Управление персоналом в России: история и современность: монография. Кн. 1 [Текст] / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 240 с.
3. Управление персоналом в России: новые функции и новое в функциях: монография. [Текст] / Под ред. И.Б. Дураковой. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 242 с.

Алтынникова Л.А., Степанова О.А., Кузнецова И.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация. В данной статье рассматриваются предпосылки, задачи и функции национальной платежной системы, современное развитие и возможности интеграции платежной системы в мировом пространстве.

Ключевые слова: платежная система, национальная система платежных карт, банковская карта, современные технологии.

**ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS OF THE
INTEGRATION OF RUSSIA'S NATIONAL PAYMENT
SYSTEM IN THE WORLD**

Abstract. This article examines the prerequisites, tasks and functions of the national payment system, modern development and the possibilities of integrating the payment system in the world space.

Keywords: payment system, national payment card system, bank card, modern technologies.

Попытки создания собственной платежной инфраструктуры в России предпринимались конце двадцатого века, но активизировалась работа в этом направлении только в 2014 году, когда международные платежные системы Visa и MasterCard приостановили обслуживание российских банков «Россия» и СМП Банка, акционеры которых попали под санкции США, а с конца 2014 года — обслуживание карт на территории Крыма. Причиной приостановления обслуживания стали политические события, происходящие как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

В связи с этим, в марте 2014 года для обеспечения интересов страны, президент России аргументировал необходимость развития национальной платежной системы. Куратором данного проекта выступил Банк России. В результате оперативно проведенных экономических ситуаций в мае был подписан приказ о создании в России национальной системы платежных карт (НСПК). Также в 2014 году было зарегистрировано акционерное общество «Национальная система платежных карт» (АО "НСПК"), оператор национальной платежной системы, где 100% акций принадлежат Центральному банку Российской Федерации.

Разработка, внедрение и продвижение национальной системы имеет свои особенности, начиная со своего названия и логотипа, для определения которых был объявлен всероссийский конкурс на лучшую их разработку. Таким образом,

первая национальная платежная система России получила название «Мир» и логотип в виде земного шара, символизирующего мир и крыла, символизирующего взгляд на мир «с высоты птичьего полета».

В декабре 2014 года Национальная система платежных карт приступила к тестированию собственной платформы для обработки банковских операций, включая транзакции международных платежных систем, через созданный операционный и платежный клиринговый центр (ОПКЦ). Тестирование системы проводилось в партнерстве с крупнейшими российскими банковскими группами.

В конце 2015 года Банком России и Национальной системой платежных карт (НСПК) было объявлено о начале эмиссии первых карт «Мир» семью российскими банками, в число которых вышли такие банки, как: Газпромбанк, МДМ банк, Московский индустриальный банк, Связь-банк, работающий в Крыму РНКБ, а также попавшие под санкции банк «Россия» и СМП банк.

Основными задачами создания платёжной системы «Мир» являются:

- предоставление надежной услуги денежных переводов с использованием национальных платежных инструментов;
- повышение доверия населения к безналичным способам оплаты;
- создание российского платежного пространства, не зависящего от иностранных компаний;
- эмиссия национальных платежных инструментов - банковских карт «Мир»;
- представление платёжной карты «Мир» на международном рынке.

Таким образом, национальная система платежных карт — это важный государственный проект, который должен обезопасить держателей банковских карт и сделать все платежные операции внутри страны бесперебойными.

Правила платежной системы «Мир» предусматривают широкий перечень продуктов, в рамках которого клиентам банков-участников предлагаются различные виды пластиковых карт.

Для гарантии безопасности карт применяются планируются использовать современные технологии. Оформление карты осуществляется в соответствии со всеми современными требованиями, предъявляемыми к пластиковым картам: современный чип, голограмма «Мир», логотипы платежной системы и банка, выпустившего карту. Сеть приема банковских карт «Мир» постоянно расширяется. Количество банков, выпускающих карту «Мир», постоянно увеличивается. Для обеспечения удобства пользования картой ведется постоянная работа над расширением географии присутствия и приема карты. В рамках российской платежной системы «Мир» проходят различные бонусные программы и специальные возможности для держателей карт.

В настоящее время число банков-участников — более 380, и более 100 банков из них на сегодняшний день выдают карты национальной платежной системы. На начало июня 2017 года российские банки выпустили около 8 миллионов карт «Мир», до конца года планируется выпустить 20 миллионов карт «Мир». К концу 2020 года количество выпущенных карт может достигнуть 65-70 миллионов штук. Однако, необходимо отметить, что данные показатели достигнуты только в результате принятия закона о поэтапном переводе бюджетников и пенсионеров на платежные карты «Мир». Документ обязал банки до начала второй половины 2017 года обеспечить прием национальных платежных инструментов, то есть карт «Мир», во всех своих предназначенных для осуществления расчетов с использованием платежных карт устройствах, включая банкоматы.

С этой даты при обращении бюджетников за открытием нового счета, предусматривающего использование платежных карт для получения денежных выплат, банки будут обязаны выдавать карту «Мир».

Работники бюджетной сферы должны быть переведены на карту «Мир» до 1 июля 2018 года. Пенсионеры смогут получить карты «Мир» взамен карт, не являющихся национальными платежными инструментами, которыми они сейчас пользуются, по истечении срока их действия. Контрольным сроком является 1 июля 2018 года.

Планируется, что платёжная карта «Мир» получит максимальное распространение в России, но для этого она должна обладать рядом преимуществ по сравнению с картами других платёжных систем.

На сегодняшний день карта национальной платёжной системы «Мир» обладают следующими преимуществами:

- на базе карты «Мир» реализуется ряд информационных, платёжных и идентификационных сервисов, которые позволят держателям карт получать государственные, муниципальные и социально значимые услуги в электронном виде;

- карта «Мир» — это национальный платёжный инструмент, работа которого не зависит от внешних экономических и политических факторов;

- карта «Мир» дает возможность снимать крупные суммы наличных денег по сравнению с конкурентами;

- возможность осуществления зарплатного проекта на основе классической карты «Мир»;

- возможность оплаты картой «Мир» более чем в 45 крупнейших предприятиях торговли. Список торговых точек, в которых принимают оплату картой «Мир», постоянно расширяется, а также увеличивается количество торговых предприятий, устанавливающих терминалы, поддерживающих национальную платёжную систему;

- обеспечение высокого уровня безопасности операций;

- низкая стоимость обслуживания для держателя карты, обусловленная тем, что в случае оформления пенсионной карты - расходы берет на себя пенсионный фонд, а в случае с зарплатной картой — работодатель. Стоимость обслуживания личных карт системы «Мир» дешевле Visa и Mastercard. Так, годовое обслуживание классической карты «Мир» составляет 740 рублей в первый год и 450 рублей в последующие годы. Для сравнения: обслуживание классических карт Visa и MasterCard составит не менее 750 рублей в год;

- возможность работать в системе мобильный банк.

В отличие от международных платёжных систем, операции по банковским картам «Мир» не могут быть приостановлены, никакие внешние экономические и политические

факторы не могут повлиять на совершение платежей по картам российской платёжной системы «Мир».

Наряду с преимуществами, которыми обладает карта «Мир», есть и недостатки, которые могут их нивелировать. Это в первую очередь невозможность использования карты национальной платёжной системы в зарубежных странах и интернет-магазинах.

В связи с этим, необходимо продумывать возможность использования карты «Мир» за рубежом с помощью кобейджинговых программ с международными платёжными системами. Банки могут эмитировать кобейджинговую карту как с чипом, так и с магнитной полосой. Такая карта сможет работать в инфраструктуре двух платёжных систем.

Кобейджинговые программы, реализуемые платёжной системой «Мир» в сотрудничестве с международными платёжными системами, могут позволить использовать карту «Мир» без ограничений за границей.

Так же необходимо отметить, что в современных условиях ведения расчетов все большее внимание уделяется современным технологиям. Оплата с помощью мобильных платёжных сервисов быстро набирает популярность в нашей стране. Количество токенизированных операций в России с января по ноябрь 2017 года увеличилось в 9 раз.

Один из распространенных сервисов – это Samsung Pay. Почти 80% пользователей устройств, поддерживающих Samsung Pay, начинают использовать сервис сразу после покупки, а каждый второй покупатель совместимых устройств назвал поддержку мобильного платёжного сервиса в качестве одного из ключевых факторов для принятия решения о покупке.

На сегодняшний день, после проведения пилотных испытаний, существует техническая возможность подключения карт «Мир» к данному мобильному сервису. С использованием Samsung Pay держатели карт «Мир» смогут проводить оплату даже в тех терминалах, которые не поддерживают бесконтактные платежи. Это значит, Samsung Pay принимается к оплате везде, где можно осуществить покупку по обычной банковской карте.

Таким образом, можно сделать вывод, что карты национальной платежной системы «Мир», несмотря на их обязательность сегодня, благодаря техническим инновациям и технологиям могут стать одним из самых востребованных платежных инструментов на рынке.

Литература

1. Национальная система платежных карт. URL: www.nspk.ru (дата обращения: 12.12.2018).
2. Мир бизнеса. URL: www.mironline.ru (дата обращения: 12.11.2017).

Баранецкий А.Н.

К ВОПРОСУ О РОЛИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Национальная безопасность зависит от эффективности кадровой политики. Проникновение бездарных в высшие эшелоны власти рано или поздно приводит к войнам. «Цветные революции», «экспорт» искусственных революций, локальные конфликты являются доказательством присутствия бездарных политиков в высших эшелонах власти. На этом фоне патриоты любой страны заинтересованы в исчезновении бездарных политиков на вершине власти в своей стране. В тезисах названы имена классических ученых, чьи работы должны быть оценены выше, чем вчера.

Ключевые слова: талантливость, креативность, рефлексия, классическая философия, кадровая безопасность, национальная безопасность, революция менеджеров в государственном управлении.

Baranetsky A.N.

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE TALENTED AND UNTALENTED MANAGERS IN THE ENSURING OF NATIONAL SECURITY

Abstract. National security depends on the effectiveness of personnel policy. Penetration of the talentless into the highest echelons of power sooner or later leads to wars. «Color revolutions», «export» of artificial revolutions, local conflicts are proof of the presence of talentless politicians in the highest echelons of power. Against this background, patriots of any country are interested in the disappearance of talentless politicians at the top of power in their country. The abstracts named the names of classical scholars whose works should be valued higher than yesterday.

Keywords: talent, creativity, reflection, classical philosophy, personnel security, national security, revolution of managers in public administration.

Поскольку кадровая безопасность имеет исключительную важность для прочности государства и защиты интересов народа, то и технологии обеспечения кадровой безопасности приобретают не меньшее значение, чем технологии модернизации стратегических вооружений. Часто многие авторы книг и сценариев создают детективные сюжеты о создании «технологии», которая обеспечивает интеллектуальное превосходство над врагом или даже просто конкурентом. Однако прогресс человечества столь многогранен, что значение реально сделанных открытий часто открывается обществу через несколько десятилетий после смерти учёного.

В данном материале (в силу краткости текста) подразумевается, что:

1. Проблема талантливости и бездарности не может быть решена во многих сферах инициативности людей сразу, она сначала решена только в одной плоскости. Эта плоскость известна под названием «рефлексия» - умение понимать сущ-

ность того, что ты делаешь. Рефлексия в академических справочниках классифицируется на методологическую, научную, моральную, философскую и обыденную. Обыденная рефлексия имеет одиозную славу, поэтому вся рефлексия не стала самостоятельной дисциплиной ВУЗов. (К счастью для нас авторы Ф.Г.О.С. активно используют это понятие). Мы будем называть эту способность «способность осмысливать сущность процессов».

2. «Способность осмысливать сущность процессов» в любом деле очерчивает пропасть между профессионалом и дилетантом, между талантом и бездарностью. В силу огромного значения этой проблемы она отличается высокой сложностью. Поэтому ОТВЕТ на главные вопросы очень масштабен. Но зато описание решения вопроса об освобождении от бездарности в «способности осмысливать сущность процессов» весьма впечатляет. Это весь корпус литературы философской классики, - несколько сотен книг. Их обязан прочесть и понять любой студент любого элитного вуза. Ведь именно философы описывали процессы рефлексии очень подробно. Получается как бы парадокс, - словно для усвоения разгадки секрета талантливости нужен особый талант. Мол, - якобы, надо иметь мифический «философский склад ума». Это миф. Умение осмысливать формируют с 5 или 6 лет ещё до школы, благодаря моральной поддержке детишек почему-то. Не менее важна привычка за любым утвердительным предложением видеть веер вопросов, на которые отвечает это утверждение. А на это способны даже дети в начальных классах. Но взрослые не поощряют ни почему-то, ни пытливых, а потом прикрываются мифом о «философском складе ума». Для осмысления способности осмысливать нужен только здравый смысл и привычка задавать вопросы косяками ежеминутно.

3. Загадка талантливости разгадана была в XX веке ещё раз заново. И это её описание уже немного меньше по объёму, чем полноценный курс истории философии. Это описание — книги советских психологов и великих педагогов СССР. Там уже больше статей, чем книг. Если философская классика — более 500 работ, то эта классика — около 200 ис-

следований. При этом более половины исследований посвящены детям. Это – одна из причин того, почему этот корпус литературы не вызывал жгучего интереса. Конечно, - и первый и второй корпус литературы надо перечитывать с особой установкой читателя. Проблему талантливости вычитает только тот, кто будет последовательно придерживаться сказанного выше: он будет сам инициативно задавать вопросы и конспектировать выборочно. Разумеется – читателю придётся привыкнуть к терминологии психологов и педагогов.

Поскольку философская классика всемирно известна, то я просто отсылаю читателя к истории европейского рационализма, вообще, и немецкой классической философии, в частности.

Но обзор ряда работ отечественных авторов сделан в отдельной статье. Рабочее название «Как именно модернизировать тесты на креативность». Её фрагменты уже опубликованы под разными названиями. Там указывается, что понятие «креативность» и понятие «талантливость» надо осмысливать в их связи заново. Для этого типа осмысления требуется синтез подходов. Образцом такого синтеза в истории отечественной психологии стала работа Василиюка Ф. Е. «Психология переживания» (первое издание – 1984 год).

4. В текущем веке на разных континентах теми или иными способами тесты на креативность будут модернизировать и уже модернизируют. И в процессе этой модернизации проблему освобождения от бездарности поставят и решат уже третий раз в истории человечества. Все эти достижения можно приблизить, если для модернизации тестов на креативность использовать широкий круг понятий о формировании навыков рефлексии из истории философии и не менее основательный круг понятий о психических процессах внимания, умственных действий, переживания, установок, мышления, речи, психологии образа, психологии мышления и ряда иных профессиональных категорий из истории отечественной классики.

ПОЭТОМУ: Модернизация тестов на креативность ускоряет решение проблем всех великих держав человечества. Хотя она не нужна горстке «супер-олигархов», которые за-

интересованы в смерти хоть даже половины жителей планеты ради своего покоя и сохранения своего влияния. (Генри Форд: «Изолируйте 50 самых богатых американцев и все войны на Земле прекратятся»).

В этом контексте впервые в истории человечества сложилась уникальная ситуация, когда чужой патриотизм может помогать патриотизму своему, отечественному.

Так – мировая война выгодна исключительно горстке безмерно циничных супер-олигархов, но ни русскому, ни американскому, ни китайскому народу.

Образно говоря, миллионеры и профессионалы могут найти общий язык друг с другом, а мульти-миллиардеры оказываются в оппозиции к своим народам.

В своих статьях 2013 года, которые опубликованы в солидных сборниках Таврического Национального Университета имени В.И. Вернадского я называю как конкретные открытия, которые надо использовать для модернизации тестов на креативность, так и причины высочайшей эффективности использования этих открытий. Мной дан перечень десятка барьеров на пути прогресса, которые перестают существовать или становятся совершенно не существенными после модернизации тестов на креативность. Назовём это «Кадровая политика повышенного уровня эффективности» далее - аббревиатурой КППУ. Нигде в мире ещё не осмыслили взрывной эффект наследия советских психологов XX века. Критерий научности – проверяемость. Мой концептуальный подход легко модифицируется, интерпретируется и конкретизируется, он выдержит проверку у профессорского корпуса, - как России, так и Америки, Англии или Германии или Китая, Японии.

Важно быстро поднять интерес к данной теме у нескольких сотен профессоров в сфере психологии управления, у специалистов по государственному управлению. Тогда получится, что очень быстро назреет «революция менеджеров» новой эпохи, которая мгновенно смягчит зловещую геополитическую ситуацию. (Думается, что именно революцию менеджеров государственного управления без лишнего шума

начал покойный Евгений Примаков в России между 1999 и 2001 годами).

Благодаря КППУ найденные новыми методами люди очень быстро возьмут под контроль СОЦИАЛЬНУЮ КОММУНИКАЦИЮ во всей своей цивилизации. И пусть огромным моральным авторитетом у них останутся те люди, которые помогли им создать на свой лад КППУ в своей стране.

Классика советской психологии давно переведена на английский, там много лет профессионально работали реферативные журналы о психологии в СССР, так что задействовать её в технологиях КППУ они смогут мгновенно – года не пройдёт.

Революции менеджеров приводили к эффекту эмерджентности и росту КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ, организованности. А «цветные» революции – это доказательство того, что управление ряда сверхдержав находится в руках одиозных, бездарных, акцентуированных и гиперактивных субъектов.

Важно заинтересовать зарубежных управленцев открытиями советских учёных в оригинале, таких как Выготского, Гальперина, Теплова, Узнадзе, Шаталова, Макаренко, Сухомлинского, Станиславского, Лотмана, Лосева, Бахтина на русском языке. Использование технологий КППУ внутри страны ещё интереснее, но это иной вопрос.

Баранов А.В.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И
ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
СООБЩЕСТВЕ КРЫМА
(НА МАТЕРИАЛАХ СТУДЕНЧЕСТВА)**

Статья выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Аннотация. В статье раскрыты параметры межэтнических отношений в Крыму, установленные в результате пилотажного опроса студенческой молодёжи (2017 г.). Определён потенциал формирования доверия между полиэтничной молодёжью региона и органами государственной власти.

Ключевые слова: межэтнические отношения, доверие, формирование, Крым, полиэтничное сообщество.

Baranov A.V.

**THE INTER-ETHNIC RELATIONS AND FORMING
OF TRUST IN THE CRIMEAN MULTIETHNIC COM-
MUNITY
(ON MATERIALS OF STUDENT YOUTH)**

Abstract. The article reveals the parameters of inter-ethnic relations in the Crimea, established as a result of a pilot survey of a student's youth (in 2017). The potential for building trust between multi-ethnic youth of the region and state authorities is defined.

Keywords: interethnic relations, trust, formation, Crimea, multiethnic community.

В условиях воссоединения Крыма с Россией важно выявить возможности интеграции полиэтничного сообщества. Молодёжь является группой, ещё не освоившей практики позитивных межэтнических отношений, восприимчивой к ра-

дикальным ориентациям и установкам поведения. Поэтому выяснение восприятий межэтнических отношений студенческой молодёжью Республики Крым, измерение потенциала их конфликтности и возможностей формирования доверия злободневно.

Цель статьи – раскрыть параметры межэтнических отношений в Крыму и потенциал формирования доверия между полиэтнической студенческой молодёжью региона и органами государственной власти.

Воссоединение Крыма с Россией – сложный, многоаспектный процесс, далёкий от завершения. Проявляются новые факторы дестабилизации межэтнических отношений: и внутригосударственные, и международные. Этнополитический конфликт в Крыму, который сформировался за время украинского правления, преобразуется. Меняются его параметры: факторы, сравнительная значимость аспектов, интенсивность.

Начнём исследование с интерпретации результатов работ предшественников. По итогам опроса ВЦИОМ (июнь – июль 2016 г., выборка 2000 чел. старше 18 лет, погрешность не более 3,1%), на вопрос «Были ли за последний год в республике или населённом пункте, районе, где Вы живёте, ссоры или конфликты на национальной почве?», 83% крымчан ответили отрицательно, а лишь 10% – положительно. 90% опрошенных крымчан оценивают межэтнические отношения как «скорее доброжелательные» и 4% – как конфликтные [1]. Но восприятие межэтнических взаимоотношений асимметрично в этнических группах. При одновременном анкетном исследовании, проведённом Независимым содружеством социологов «Открытое мнение», задан вопрос: «Приходилось ли Вам за последний год в Крыму сталкиваться с недоверием или неприязнью к себе, нарушением прав или ограничением возможностей из-за вашей национальности?». Доминирующее большинство русских (96%) ответили, что не приходилось, 4% встречались с данными явлениями (по самооценке) однажды или редко. Опрошенные украинцы назвали близкое соотношение (92% – не сталкивались и 4% встречались однажды либо редко), а 3% утверждали, что с подобными явле-

ниями они сталкиваются постоянно или часто. В числе опрошенных крымских татар 74% не имели отрицательного опыта в межнациональных отношениях, 17% сталкивались с недоверием, неприязнью или неравноправием редко, а 7% по самооценке испытывали эти девиации часто или постоянно [2, с. 33]. Анализ итогов анкетного опроса крымских татар, проведённого ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г., доказывает, что более негативное восприятие межэтнических отношений проявляют жители г. Симферополя и его пригородов, мужчины, лица с повышенной религиозностью, воспринимающие экономическое положение как ухудшающееся [3, с. 60-67]. Риски конфликтного восприятия межэтнических отношений сосредоточены в крымскотатарском сообществе и пролегают по линии «славяне – крымские татары».

Пилотажный анкетный опрос проведён под руководством проф. В.А. Чигрина в октябре 2017 г. по анкете, совместно разработанной специалистами Кубанского государственного университета и Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Выборка составила 92 чел. студенческой молодёжи городов Республики Крым (пропорциональная по этническому составу, учащиеся высших и средних профессиональных образовательных учреждений).

Важно, что 20% опрошенных не указали свою этническую самооценку либо сформулировали её неопределённо: «славянка», «россиянин» и т.д. Декларируемый уровень значения этнической принадлежности в повседневном общении невысок. Считают этничность значимой 21,2% опрошенных, а не считают – 70,6%. В ситуациях, требующих доверия и риска, значение этнической принадлежности повышается до 29,4% [4]. Данные соотношения слабо различаются по этническим подвыборкам.

Итоги опроса подтвердили, что ощущают себя защищёнными в финансовом аспекте 28,2% респондентов. Чувствуют себя в имущественной безопасности 45,9%, в физической – 51,8%, в правовой безопасности – 24,7% опрошенных [4].

Доверяют в большей мере действующей власти, чем политической оппозиции, 29,4% опрошенных в Крыму. Абсолютно преобладает нейтральное отношение – недоверие ни власти, ни оппозиции (65,9% ответов). Оппозиции в большей мере доверяют 4,7%. Допускают возможность личного участия в каких-либо акциях протеста 35,4% респондентов, и различий позиций по этническим подвыборкам нет. [4].

Характер межэтнических отношений в Республике Крым оценивается относительным большинством респондентов как «доброжелательность, мирное сосуществование» (43,5% ответов) либо «терпимость» (30,6% ответов). Напряжённость отношений признали 17,6% и конфликтность – 1,2% [4].

Вероятность реальных межэтнических столкновений в республике оценивается опрошенными студентами в среднем на 36 баллов из 100 максимальных. В крымскотатарской подвыборке эта оценка возрастает до 47,8 баллов, а в русской снижена до 27,9 баллов [4].

Перспективы развития межэтнических отношений в регионе воспринимаются крымскими студентами неопределённо. Считают, что через 5 лет характер отношений, «скорее, улучшится», 10,6% опрошенных; «не изменится» - 32,9%; «скорее, ухудшится» - 18,8%; затруднились с ответом 37,7%. Характерно, что молодые украинцы избрали ответы о неизменности либо неясности межэтнических отношений. Среди крымских татар прогнозировали постоянство межэтнических отношений 26,7%, ухудшение – 20%, улучшение – 6,7%, а затруднились с ответом 46,6% [4].

Молодые крымчане скептически оценивают наличие трудовой конкуренции между местными жителями и мигрантами в республике. Признают данную конкуренцию реальной проблемой 28,2% респондентов, считают её «надуманной проблемой» 35,3% и уклонились от ответа 36,5%. В подвыборке крымских татар уровень признания трудовой конкуренции с мигрантами повышается до 33,3%, а в подвыборке украинцев – до 44,4% [4]. Предположим, что уровень конкуренции на рынке труда Крыма ниже, чем в соседних регио-

нах Юга России, и миграция воспринимается не столь конфликтно.

Разумеется, изложенные итоги пилотажного опроса нуждаются в перепроверке после проведения исследований с массовой выборкой. Предстоит расширить рамки анализа, включив в число респондентов работающую молодёжь и старшеклассников средних школ. Полезно будет также сравнение ориентаций и установок межэтнических отношений молодёжи города Севастополя и Республики Крым, поскольку два субъекта федерации обладают качественно различной этнической структурой населения.

Таким образом, в восприятии крымской студенческой молодёжи этнические отношения считаются преобладающим фактором незащищённости и рисков безопасности. Установки поведения этнических групп по преимуществу демонстрируют стратегию избегания открытого конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Но налицо латентная конфликтность, связанная с восприятием социального неравенства этнических групп, их повседневного бытового поведения, возможных притязаний на повышенный коллективный статус. Результаты пилотажного анкетного опроса подтвердили близость ориентаций и установок межэтнических отношений студентов – русских и украинцев, равно как и обособленность ориентаций и установок крымскотатарской подвыборки, частое уклонение респондентов в ней от отчётливых ответов.

Приоритетны ценности мира, межэтнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей должна быть направлена государственная политика, деятельность научных и педагогических учреждений, этнокультурных объединений, этнических элит. Необходима научно обоснованная политика интеграции Крыма и России на основе укрепления российской гражданской идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных групп. Залог её прочности – интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание процедур согласования и представительства групповых интересов.

Литература

1. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (дата обращения: 01.11.2016).
2. Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. М., 2016. С. 33.
3. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51-68.
4. Личный архив автора.

Баранов Н.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Аннотация. Национальный популизм рассматривается как разновидность политической деятельности, основанная на эксплуатации национальных чувств людей и использовании популистских методов в политической борьбе. В статье сравнивается национализм и национальный популизм как сходные стратегии в борьбе за власть.

Ключевые слова: национализм, национальная идея, национальный популизм, правый популизм, правопопулистские партии.

NATIONAL POPULISM AS POLITICAL STRATEGY IN RACE FOR POWER

Abstract. National populism is considered as the kind of political activity based on operation of national feelings of people and use of populist methods in political struggle. In article the nationalism and national populism as similar strategy in race for power is compared.

Keywords: nationalism, national idea, national populism, right populism, right populist parties.

В конце XX века в качестве широко распространенной политической технологии в борьбе за власть стал применяться национальный популизм. Распад Югославии и Советского Союза, создание новых национальных государств происходило на основе доминирования принципа этнонационализма, ставящего в центр внимания государствообразующий этнос, противопоставляющий себя национальным меньшинствам. Предприимчивые политики стали стремиться достичь вершин власти в своих национальных государственных образованиях благодаря консолидации людей с помощью национальной идеи, пробуждению чувств к национальному самосознанию. Подталкивание людей к национализму, поиск возникших проблем за счет другого народа, заведомо невыполнимые обещания благополучия на этой основе, игра на национальных чувствах - все это характерные признаки национальных политиков-популистов.

Национальная идея как никакая другая понятна народу и потому притягательна. Поэтому ее использование, особенно в переломные моменты истории, наиболее эффективно. Недаром в XXI веке национальный популизм возрождается не только в странах, в которых не завершены социально-политические трансформации, но и в стабильных государствах консолидированной демократии, сталкивающимися с потребностями народов в самоопределении и вытекающими из них сепаратистскими тенденциями.

Национальное в психике людей, отравленное чувством превосходства и недоверия к другим нациям, сознанием собственной исключительности, становится атрибутом националистической идеологии. В обыденном сознании определенной категории людей могут дать о себе знать элементы националистического восприятия, хотя их носители субъективно не ощущают себя националистами. По мнению Э. Геллнера, «национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать. Националистическое чувство – это чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением [1, с. 23]». Национализм является мощным источником социальной энергии, обладающей как созидательным, так и разрушительным потенциалами. Жизненная сила каждой нации, каждого народа уменьшается или прирастает в зависимости от того, насколько они способны и умеют использовать социальную энергию объективно неизбежных противоречий в качестве источника собственного развития или, наоборот, саморазрушения.

Поэтому в основе националистического противостояния лежит не только стремление к национальному самоутверждению, накопившиеся и не решавшиеся годами социальные, экономические и прочие проблемы, но и сознательное стремление некоторых политиков использовать национальные чувства народа для удовлетворения своих политических амбиций.

Нация не может успешно развиваться без политических лидеров, которые в своем сознании способны фокусировать проблемы и интересы ее развития и благополучия. Для того чтобы заручиться поддержкой значительной части населения, политики обращаются к национальному популизму, под которым понимается разновидность политической деятельности, основанная на эксплуатации национальных чувств людей и использовании популистских методов в политической борьбе.

Характерными чертами национального популизма является политическая, экономическая, культурная дискримина-

ция этнических меньшинств, распространение правовых и социальных привилегий титульной нации, жесткие законы о гражданстве и иммиграции, запрет на создание национальных общественно-политических организаций, прославление несуществующего всеобщего национального единства.

К методам национального популизма относятся обращение к национальным чувствам людей; использование религии как характерной особенности данного этноса; апелляция к лестному для этноса историческому прошлому; восхваление обычаев, традиций, реликвий; возвеличивание национальных символов: флага, герба, гимна, героев; использование психологических особенностей этноса; определение статуса родного языка как единственного государственного на территории проживания этноса; опора на творческую интеллигенцию как выразителя национальных идей; спекуляция на национальной гордости людей; поиск «врагов нации» и борьба с ними; создание иллюзии, что национальное государство - панацея от всех бед.

Сопоставление популизма и национализма выявляет как сходные черты, так и существенные различия. Общая природа того и другого связана с наличием консолидируемой общности, когда определенный тип общественных связей начинает наделяться исключительным значением, подчиняя себе все остальные принципы общественной группировки. И в национализме, и в популизме наиболее сильной мотивационной функцией, устойчивой ориентацией наделяется базовая общность. Однако в обоих случаях имеются специфические особенности, качественно отличающие один рассматриваемый феномен от другого.

Национализм обозначает декларирование собственного объекта в качестве высшей формы коллективности, которая, являясь надсоциальной, безоговорочно главенствует по отношению ко всему остальному. Этот объект - нация - становится главным приоритетом в жизни людей, способным спланировать лишь только фактом своего соотнесения с данной общностью.

Национальный популизм - тоже национализм, но социально ангажированный, «социально озабоченный», прони-

занный обостренным вниманием к проблематике справедливости внутри спланиваемой общности. Национализм самоопределяется по отношению ко всему «другому», ко всему инациональному, иноэтническому, при этом образ конкретного внешнего врага не обязателен. Национальный популизм в качестве непеременимого атрибута должен иметь образ внешнего врага. Этот противник пребывает не только вовне, но и в рамках базовой общности. То есть к образу внешнего врага добавляются мощные мотивы борьбы с внутренними отступниками. Таким образом, национальный популизм делит народ на этнически лояльное большинство и некое внутреннее меньшинство. В роли последнего могут оказаться самые разные группы, обвиняемые в своеобразном этническом и социальном перерождении.

Национальный популизм оставляет мало шансов для развития нации, этнических групп. Пришедшим к власти национальным и политическим элитам выгодна полная самостоятельность или получение от центра как можно больше прав, ибо это создает благоприятные условия для молниеносных карьер, удовлетворения личных амбиций, возможности использовать материальные средства в частных целях путем приватизации и т.д.

С национальными аспектами популизма связан правый популизм, среди характерных признаков которого следует выделить следующие: врагом является «мигрант», «чужой», «другой»; приоритет в политической и экономической жизни имеют представители титульной нации; распространены требования прекращения помощи другим странам; борьба за сохранение своей культуры; в странах Европы широкое распространение получил евроскептицизм.

В ряде европейских стран правопопулистские партии стали появляться вследствие волн миграции и экономических проблем, связанных с социально-ориентированной политикой ведущих политических сил. Наибольших успехов такие партии добились в Австрии («Австрийская партия свободы» - в 1999 г. под руководством Йорга Хайдена на парламентских выборах добилась второго результата, а 15 октября 2017 г. партия, возглавляемая Хайнц-Кристианом Штрахе,

заняла третье место и вместе с Австрийской народной партией сформировала коалиционное правительство), во Франции («Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пен и Марин Ле Пен). Правопопулистские партии функционируют с разной степенью успешности в различных европейских государствах, время от времени заявляя о себе всплесками митинговой активности и, все чаще, успешными предвыборными кампаниями. Так, греческая националистическая политическая организация «Золотая Заря» выступает против политики мультикультурализма и западной глобализации, является сторонницей массовых депортаций нелегальных иммигрантов, активно использует социальную повестку в своих интересах. С 2012 года имеет стабильное представительство в греческом парламенте, подтвердившееся в ходе нескольких выборных кампаний, а с 2014 года – в Европарламенте. Немецкая «Альтернатива для Германии», созданная в 2013 г., по итогам парламентских выборов 2017 г. стала третьей по численности партией в ФРГ. Ее лозунги – «Ислам не является частью Германии», «Отказ от евро», «Ограничение партийной власти», «Германия обязана стать членом Совбеза ООН», «Возврат к атомной энергетике» - все больше находят поддержку среди немецкого населения. Националистическая популистская Партия свободы в Нидерландах, занимающая жёсткую позицию в отношении иммиграции и связанных с ней социальных и культурных процессов, по итогам парламентских выборов в 2017 г. заняла второе место. В Великобритании правые популисты, ассоциирующиеся с выходом из ЕС, побеждают на соответствующем референдуме.

Популистские лозунги находят отклик и в постсоциалистических странах. Так, в Румынии и Болгарии эксплуатируются национальные и социальные проблемы в политических целях: востребовано сочетание социальных обещаний, антипатий к этнически «чужим» и потребность в сильной личности во главе государства. В Сербии, Хорватии и Словакии широкий отклик получили идеи великого национального государства. В Польше - осознание особой роли поляков в восточноевропейской политике и историческими обидами за прошлое на соседей — Германию и Россию. Однако ввиду

особой роли Германии в Европейском союзе негативный акцент был перенесен на Российскую Федерацию. Популисты (например, партия «Право и справедливость») акцентируют внимание на значимости национального суверенитета, исходя из идеи европейской солидарности, полагая, что богатые страны должны помогать бедным. В Венгрии с 2010 г. у власти находится правопопулистская партия ФИДЕС, выступающая под лозунгами национального суверенитета, для чего была проведена конституционная реформа, объявлена политика «открытости на Восток», снижены тарифы на энергоносители, национализированы пенсионные фонды и ограничена деятельность иностранных банков в стране.

На американском континенте не только в странах Южной Америки востребованы популистские лозунги. В США неожиданную победу на президентских выборах одерживает правый популист Дональд Трамп с призывом «Сделаем Америку снова великой».

Таким образом, популистские идеи в совокупности с националистическими и в XXI веке выступают в качестве политических стратегий, направленных на достижение власти при поддержке определенной социальной общности.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 126 с.

Барматова С.П.

МИР «МНОЖЕСТВЕННЫХ ПРАВД» ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИФFUЗНОГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В попытке осмысления тех новаций, изменяющих базовые характеристики социального мира, которые стали результатом развития информационных технологий, а также в попытке осмысления реалий особого уровня гибридной войны – войны нелинейной, сформировано ряд тезисов,

отражающих основные реалии диффузного состояния социального пространства общества.

Ключевые слова: информационные технологии, гибридная война, нелинейность, диффузное состояние социального пространства.

Barmatova S.P

THE WORLD OF «MULTIPLE TRUTHS» OR INFORMATION PECULIARITIES OF DIFFUSE STATE OF SOCIAL SPACE

Abstract. In an attempt to comprehend those innovations that change the basic characteristics of the social world, which were the result of the development of information technologies, as well as in an attempt to comprehend the realities of a special level of hybrid war – the nonlinear war, a number of theses reflecting the basic realities of the diffuse state of the social space of society were formed.

Keywords: information technologies, hybrid warfare, non-linearity, diffuse as social space.

Нелинейность как особое состояние процессов раньше описывалась только «в привязке» к процессам (или явлениям) материального мира, где эта нелинейность объяснялась, например, такой характеристикой процессов как дискретность. В рамках особого уровня гибридной войны – войны нелинейной – нелинейность означает такое состояние, при котором каждый отдельный, не связанный внутренней причинно-следственной зависимостью с другими (на первый взгляд), информационный «эпизод» заканчивается определенным результатом (прежде всего – поведением-откликом индивида), который, в свою очередь, уже «встроен» в последовательную, логически обусловленную систему, логика которой, при этом, абсолютно непонятна индивиду, находящемуся «внутри» этой системы.

Таким образом, основной задачей современного «диффузного» подхода к работе с информацией является разру-

шение устойчивой, линейной логики, разрушение причинно-следственной природы социального мира, разрушение критической (рациональной) логики восприятия информации. Диффузное (или нелинейное) установление информационной повестки дня означает, что внезапно возникающие «потерянные» или спрятанные «изображения» и смыслы, которыми наполнено информационное пространство, разрушают («разрывают») существующие нарративы прошлых и сегодняшних событий. «Изображения» объединяются с нарративами и представлениями индивида, при этом «изображения» из одного «жанра» могут сознательно использоваться в рамках другого, искажая и изменяя представления и социальные установки индивида, восприятие индивидом социального события или явления. Таким образом, информация формируется по принципу пазлов, но при этом в основе такого информационного «пазла» лежит не обусловленная причинно-следственными закономерностями, логическая и законченная картина действительности, а сюрреалистический «набор» нераспознаваемых и не складывающихся в единую картинку событийных единиц, что позволяет формировать у потребителя информации ощущение «разорванности» социальной реальности.

Разорванный и несистемный мир описывает себя таким же несистемным образом, формируя пространство «множественных правд». Формирующиеся в этом пространстве (или – в следствие наличия данного пространства) информационные технологии позволяют усиливать или сдерживать когнитивную или эмоциональную реакцию индивида на действие вне зависимости от самого действия. Это означает, что получаемая индивидом информация начинает влиять на глубинные пласты сознания, минуя уровень рационального восприятия информации, в котором получаемая информация «подтверждается» социальным опытом индивида и не диссоциирует с его субъективной картиной мира. Получаемая информация – это уже не «магическая пуля» Г.Д. Лассуэлла, а информационная матрица, которая, достигая определенного (заранее заданного) сегмента мозга, передает ему заданную

команду и программирует соответствующее поведение индивида.

Одним из главных результатов применения технологии «множественных правд» является разрушение межличностных связей, т.е. формирование такой социальной ситуации, при которой происходит «перенос» ответственности за разорванность и несистемность социального мира на единичных социальных субъектов (практика локального «давления» на наиболее уязвимые или проблемные «точки» межличностного взаимодействия) – не сумев убедить друг друга в своей правоте социальные субъекты (индивиды) проецируют свои обиды на своих оппонентов, а не на «кукловодов» (заказчиков и разработчиков информации) извне. Таким образом, применение технологии «множественных правд» позволяет создать множество локальных «точек давления» на индивида, что способствует созданию эффекта, при котором индивид теряет возможность оценить как достоверность информации, так и степень угрозы, которую эта информация (или ее применение для оценки окружающей социальной реальности) в себе содержит.

Литература

1. Lasswell H. D. Propaganda technique in the world war. L.-N. Y., 1927. - 268 p.

Гайдошова Мартина

САМОУПРАВЛЕНИЕ АДВОКАТУРЫ И СМЫСЛ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЪЕДИНЕНИИ АДВОКАТОВ В СЛОВАКИИ – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ

Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта VEGA 1/0172/17 - „Združenia ako prvok demokracie a prejav slobody združovania vo verejnoprávnych a súkromnoprávných vzťahoch“ („Associations as the element of democracy and the expression of freedom of association in the public and private legal relations“)

Аннотация. Статья посвящена вопросам самоуправления адвокатуры в Словакии, в теоретико - историческом сравнении в периоды Австро-Венгрии 1875 – 1918 гг., Чехословакии 1918 – 1939 гг., Словацкой республики 1939 – 1945 гг., Чехословакии после 1945 г., отдельно рассматривается период 1948 – 1989 гг. и в современной Словакии. Уделяется внимание принципам самоуправления свободных профессий - самостоятельность, независимость, собственные органы, собственные внутренние нормы, контроль над реестром адвокатов и кандидатов на должность адвоката, дисциплинарная ответственность, а также их ограничения.

Ключевые слова: адвокатская палата, самоуправление, объединение адвокатов в Словакии, адвокат, дисциплинарная ответственность.

Gajdosova Martina
Gajdošová Martina

SELF-GOVERNMENT OF ADVOCACY AND THE IMPORTANCE OF SELF-GOVERNMENT IN THE ASSOCIATIONS OF ADVOCATES IN SLOVAKIA – THEORETICAL AND HISTORICAL CONFRONTATION

Abstract. The article is focuses to self-government of advocacy in Slovakia in the theoretical and historical confrontation, in periods Austria-Hungary 1875-1918, Czechoslovakia 1918-1939, Slovak Republic 1939-1945, Czechoslovakia after 1945, specially 1948-1989 and present in Slovakia. Attention is focusing to the principles of self-government of free-lance basis professions – autonomy, independence, self-voted authorities, self-voted legislature, supervision over the list of advocates and clerks, disciplinary power and responsibility, and also their limitations.

Keywords: Bar Associations, Self-Government, Associations of Advocates in Slovakia, Advocate, Attorney, Disciplinary Responsibility

Самоуправление адвокатуры в Словакии имеет богатую историю. Появилось и укрепилось это явление еще в Венг-

рии в последней четверти 19-ого века, приблизительно также как и в близлежащих странах. В это время укрепились все атрибуты самоуправления свободной профессии. Адвокатская палата состоит из членов, имеет часть общественных полномочий, как общественный юридический орган, основанный на законе, но адвокатская палата является субъектом права независимым, самодостаточным и самообеспеченным на основе своих членских взносов.

Адвокаты избирают свои органы и голосуют по вопросам своих внутренних правил и норм, сами организуют свою жизнь. Органы палаты контролируют право поступления в адвокатуру после выполнения законных условий и в индивидуальном порядке решают вопросы о дисциплинарной ответственности по причине нарушения обязанностей адвокатом или кандидатом на должность адвоката.

Во время Венгрии в 1875 году возникло 28 адвокатских палат, и в том числе на территории сегодняшней Словакии 4 адвокатские палаты - в городах Братислава, Банска Быстрица, Кошице, Прешов. От палаты не требовалась апробация правительства, но апробация министерства правосудия должна была применяться по отношению к внутренним нормам. Согласно закону об адвокатуре № XXXIV/1874 каждая палата оформляла подробно условия избрания, органов, дисциплинарного процесса, администрации, обязанностей адвоката по отношению к палате, к другим адвокатам и к клиентам. На общем собрании адвокаты голосовали за этот внутренний распорядок, но кроме этого надо было обеспечить апробацию министерства правосудия.

Функционеры палаты в этот период исполняли свои должности в несколько сроков полномочий (один срок полномочий составлял 3 года). Это значит, что были адвокаты, подтвержденные многократно в своих позициях, так как существовало взаимное доверие. Почти все функции были бесплатными. Эти функционеры занимали также и другие должности, например депутат, член парламента города, мэр, основатель банка, владелец издательства. В Словакии эти функционеры принадлежали к таким национальностям – венгерская, немецкая и словацкая, по религиозной принадлеж-

ности они были католиками, евангелистами, иудеями, по политическим предпочтениям представляли весь партийный спектр. Из всех источников следует, что в этом разнообразии адвокаты сотрудничали в соответствии с принципами коллегияльности, взаимодоверия и уважения. Некоторые адвокаты и функционеры были дворянского происхождения, некоторые были из семей адвокатов, судей, нотариусов.

Самоуправление и самостоятельность адвокатской палаты означало, что принцип *numerus clausus* уже не действует, суды и министерство правосудия уже не решали, кто будет адвокатом и где он будет работать. Свободная профессия адвоката означала, что адвокат сам может решать, где будет место его пребывания и в соответствующую палату он предлагал себя в список адвокатов.

Роль адвокатской палаты означала, что она была одним из деятелей юстиции. Адвокатская палата должна была своевременно информировать министерство правосудия – о своих членах, о переменах в реестре адвокатов (кто переселился, кто умер, кто был наказан дисциплинарно, тоже самое касалось и кандидатов на должность адвоката). Палата ежегодно присылала годовой отчет об администрации, о дисциплинарных процессах, о своих экономических условиях. Палата также осуществляла анализ законодательных разработок почти по всем отраслям права, готовила жалобы на законодательную деятельность, на практику судов всех степеней на своей территории, на деятельность государственных органов страны (правительство), на проблемы адвокатов в обществе (страхование доходов, оплата адвокатов, образование, нелегальная деятельность, связанная с обеспечением юридических услуг, переполнение в адвокатуре и другие).

Большие перемены произошли после окончания первой мировой войны. Австро-Венгерская монархия распалась и возникло несколько новых государств, в том числе и Чехословакия (1918 г.). В этих условиях свободная адвокатура не изменилась, но изменилась организация адвокатуры, только в словацкой части республики. Новый чехословацкий национальный акцент и политические причины привели к тому, что 4 адвокатские палаты в Словакии были отменены и воз-

никла одна объединенная новая адвокатская палата в Словакии, расположенная в городе Турциянски Св. Мартин, где располагался влиятельный словацкий центр интеллектуалов, в том числе и адвокатов (1921 г.). Согласно законодательству в Словакии органы и функционеры палаты уже не избирались из числа своих коллег, а назначались министерством правосудия по договоренности с министерством унифицирования законодательства и организации администрации в Чехословацкой республике. Общие собрания уже не проводились, все компетенции были в руках назначенных функционеров. Совместные интересы адвокатов в этот период отстаивались в больших адвокатских объединениях или объединениях юристов в Словакии, в добровольных объединениях частного права. Мартинская адвокатская палата исполняла дисциплинарные компетенции также для адвокатов Подкарпатской Руси, потому что здесь не возникла адвокатская палата, а реестр адвокатов и кандидатов на должность адвоката обеспечивал председатель областного суда в Ужгороде.

Ограничение автономии адвокатуры в Словакии продолжалось во время Чехословакии (1921 – 1939 гг), Словацкой республики (1939-1945 гг) и после мировой войны, во время объединенной Чехословакии, хотя оппозиция стремилась восстановить полное самоуправление палаты, таким же образом смену организации адвокатуры – с центром адвокатуры в Братиславе. В 1936 г. возникла адвокатская палата в Братиславе и мартинская палата была уменьшена. Компетенции по назначению и снятию функционеров палат в Словакии были сосредоточены в руках министерства правосудия. Следует отметить, что номинации адвокатов - функционеров в многом зависели от уважения коллег адвокатов, адвокатских объединений, а также от доверия министерства. Назначенные функционеры имели опыт работы в адвокатской палате венгерского периода, и позже, во время Словацкой республики функционеры имели опыт из прошлого (чехословацкого) периода. Например, они были также членами дисциплинарного сената в верховном суде Чехословакии, и позже Словакии, (апелляционный суд в дисциплинарных про-

цессах адвокатов), или членами комиссий, которые создавались для экзаменов адвокатов и судей.

Государственно-правовые изменения 1938/1939 годов, территориальные потери и анти-еврейское законодательство Словацкой республики привели к негативным тенденциям в адвокатуре (в начале 20-х годов 20-го века в Словакии, включая Подкарпатскую Русь, насчитывалось приблизительно 1000 адвокатов, в 1937 году приблизительно 1400 адвокатов, и в 1940– 1944 гг. приблизительно 430 адвокатов). Эти перемены привели к изменениям в персональном составе палат и с 1944 года уже функционировала только братиславская палата для целей Словацкой республики.

После окончания войны (1945 г.) была восстановлена Чехословакия и снова произошли перемены в назначенных органах братиславской палаты. Произошли перемены в реестре адвокатов, т.к. адвокаты и кандидаты на должность адвоката должны были направить заявление в реестр. Проверка была направлена на побежденных в войне, в частности, венгров, немцев и на коллаборационистов. Первый раз законодательным образом была ограничена свобода исполнения адвокатуры. Адвокатской палате была предоставлена возможность определить пункт (место пребывания) и переселение адвокату, в общих интересах. Совершенно осознанно лимитирование суверенной свободы адвоката было форсировано общественными интересами.

Все общественные перемены в 1945 – 1948 гг. были сведены к огосударствлению всех отраслей общественной жизни, в том числе и адвокатуры. Долго готовился унифицированный общегосударственный закон для адвокатов. В Чехословакии для адвокатов действовали австрийские законы (для адвокатов в чешской части республики) и венгерские законы (для словацкой части республики). Чехословацкие законы и инструкции касались условий приобретения гражданства, образования, адвокатских экзаменов, продолжительности адвокатской практики во всей Чехословакии, организации адвокатских палат и лимитирования самоуправления адвокатуры в Словакии. Общегосударственный закон об адвокатуре готовился с 1918 года, но был завершен только в 1948

году. Новому образу мировоззрения уже не было необходимо самоуправление. Все адвокатские палаты в Чехословакии были ликвидированы, и организация адвокатуры достигла полу-огосударственного состояния. На сорок лет (1948-1989 гг) было приостановлено развитие самоуправляющейся организации адвокатуры и свободной адвокатуры. Адвокаты приблизились к статусу государственных служащих, зависимых работников.

Изменения, произошедшие в Чехословакии после 1989 г., привнесли возвращение к принципам свободы адвокатуры. Уже в 1990 году был принят закон об адвокатуре, который вернул свободную словацкую адвокатскую палату, основанную на самоуправлении, на избираемости органов палаты, на собственных внутренних проголосованных правилах и нормах, на отделении от государства, на независимости, самодостаточности и самообеспечении на основе своих членских взносов. Словацкая адвокатская палата имеет часть общественных полномочий как общественный юридический орган, надзирает над правом поступления в адвокатуру после выполнения законных условий и в индивидуальном порядке решает вопросы о дисциплинарной ответственности по причине нарушения обязанностей адвокатом или кандидатом на должность адвоката.

Литература

1. Kerecman, P., Manik. R. História advokácie na Slovensku, Eurokódex. - Bratislava, 2011. (История адвокатуры в Словакии).

2. Gajdošová, M., Kerecman, P.: Prvé ženy v slovenskej advokácii. Veda. - Bratislava, 2015. (Первые женщины в словацкой адвокатуре).

3. z. č. 167/1920 Sb. z. a n. o prozatímní úpravě činnosti advokátů a notářských komor na Slovensku (закон о временном устройстве действии адвокатских и нотариальных палат в Словакии).

4. z. č. 144/1936 Sb. z. a n., ktorým sa menia a doplňujú niektoré ustanovenia o advokátoch (внесение дополнений к закону об адвокатуре).

5. zák. čl. XXXIV/1874 o advokácii (закон об адвокатуре).

6. z. č. 322/1948 Zb. o advokácii (закон об адвокатуре).

7. z. SNR č. 132/1990 Zb. o advokácii (закон об адвокатуре).

8. z. č. 568/2003 Z. z. o advokácii (закон об адвокатуре).

Гаффаров И. З.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПЛЮРА- ЛИЗМА

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что в условиях острого кризиса глобального мироустройства, попытки пересмотра фундаментальных основ существующего миропорядка несут определенные концептуально-методологические риски и угрозы обществу.

Ключевые слова: глобализм, статус-кво, бифуркация, мировое правительство, релятивизм, ревизионизм.

Gaffarov I. Z.

THE MAIN TRENDS OF GLOBALIZATION IN MODERN CONDITIONS OF PHILOSOPHICAL AND PHILOSOPHICAL PLURALISM

Abstract. In the conditions of the acute crisis of the globally order, attempts to revision the fundamental foundations of the existing world order bear certain conceptual and methodological risks and threats to society.

Keywords: globalism, the status quo, bifurcation, world government, relativism, revisionism.

В свете последних событий 2017 года невольно возникает вопрос, связанный с общим состоянием процессов глобализации. Для начала надо понимать, что идет явное смещение глобального. Процесс этот начался не вчера. Процесс начался в конце 80-х годов и получил ускорение в конце 90-х годов 20 века. Перефразируя другими словами, США начали терять свою доминирующую глобалистскую роль. С уходом СССР с политико-пространственной арены, США на короткий промежуток получили эксклюзивное право быть модератором основных трендов глобализации. Но в то же время надо отметить, что удержать положение статус-кво на более долгое время не удалось. Причины лежали в нескольких плоскостях: 1. США на миг упустили из виду динамичное и стремительное развитие Китая и всей юго-восточной Азии, не считая нескольких союзников в регионе. 2. Постепенное перетекание капиталов из США на Тихо-Азиатский регион. 3. Неурегулированность Ближневосточных проблем. 4. Недостаточное внимание к Американско-Индийским отношениям. Таким образом, США быстро оказались в ситуации 11 сентября 2001 года, когда для подкрепления статуса-кво уже требовалось военные акции. Конечно, США на сегодня остаются, и будут оставаться единственной в мире сверхдержавой имеющей неоспоримое военно-стратегическое превосходство, мощное разведсообщество и уникальный научно-технический потенциал.

Кризис глобализма показывает кризис системы ценностей глобального общества с которой США столкнулись в последние годы. Посредники и социальные слои, которые раньше как бы отделяли общество от глобального понимания мироустройства и отсюда вытекающими запросами материального и духовного плана ушли в прошлое, оставляя сильно размытую систему прежних отношений государство и общество, построенную на своего рода негласном «Пакте» [5, с.193]. Отсюда и многократное увеличение запроса на что-либо, порожденная всеобщей доступностью.

Глобализация по идее должна была вести к росту ресурсов и соответственно удовлетворять все запросы общества. Сформировавшийся мировой порядок в итоге не смог пре-

одолеть барьер старого классического мышления. В связи с этим именно сейчас возник вполне вопрос: Есть ли альтернатива глобализации? По поводу этого существует множество точек зрения. Глобализация способна создавать альтернативы в идеологической, государственной, общественной и культурной сферах. С точки зрения теории науки теория глобализации вполне проработана. В теории считается, что глобализация в территориально-пространственном выражении не может базироваться на отдельно взятой стране или группе стран, так как это уже противоречит самой идее глобализации и сильно вредит сложившейся системе глобальных связей.

Как мы уже говорили, реально существующая глобализация – это качественно новая система отношений всех акторов, главная черта которых – «глобальность», то есть возможность получить доступ к глобальным процессам и сетям. В нарождающемся глобальном сообществе взаимоотношения Востока и Запада кардинально меняются в сторону тесного переплетения взаимозависимостей, сопровождающимся глубоким, затяжным кризисом общественных сфер. Что касается общественного капитала, важно упомянуть еще один момент, связанный с социальным капиталом, а именно существенное её сокращение, а порой полное сведение финансирования к нулю. Почему это происходит? Ответ неоднозначен. С одной стороны глобализация культивирует открытые рынки, но отсутствие регламента движения капитала и ресурсов с другой стороны в итоге, приводят к неуправляемому движению денежного эквивалента и материальных ресурсов, игнорируя тем самым социальный фактор. Такое положение вещей не может длиться вечно. Возможно, мы даже приближаемся к некой точке бифуркации, за которой глобальное регламентирование движения капитала и других ресурсов однозначно будет введено. Гарантом реализации глобальной регламентации движения ресурсов могло бы стать мировое правительство, наделенное особыми полномочиями. В то же время нельзя забывать, что глобализация реализуется в мире постмодернистских ценностей. Сам постмодерн не является до конца оформленной научной школой, а скорее всего это

оформляющееся мировоззрение, активно проявляющееся в жизни людей. Можно с полной уверенностью сказать, что модерн сосуществует с постмодерном, но при этом происходит автоматическое усиление постмодерна обладающего кроме того способностью к «мутации» в сложные многоуровневые политико-экономические, социальные, культурные рецидивы. Постмодерн проявился в распаде грандиозных идеальных целостностей, тотальных идеологий, духовных монолитов. Наука в целом исчерпала себя в качестве универсального мировоззрения, претендовавшего на монопольное право в толковании и интерпретации мира. Глобализация же не отказывается от попыток выстраивания истории человечества в последовательную линейную схему. Несомненно, с одной стороны это решило бы методологическую проблему герменевтики, культивирующей плюрализм мировоззрений, верований, мировосприятий. С другой стороны возрастает риск фрагментации мира на множественное количество с архаичным мироощущением. Эта дилемма носит научно-концептуальный характер и требует последовательного своего решения. Таким образом, смена парадигм, переход на точку зрения мировоззренческого плюрализма разрушает всю систему стратификации общества в глобальном масштабе. Как отмечает в связи с этим А.С. Панарин: «Глобализм, опирающийся на не имеющую отечества диаспору международного финансового хищничества, грозит миру откатом: в экономике — от производительного принципа к спекулятивно-перераспределительному, ростовщическому; в политике — от плюралистической системы международного равновесия, базирующейся на принципе национального суверенитета, к беззастенчивому диктату носителей «однополярности» [3, с.4]. Безусловно, это жёсткая оценка, требует дальнейшего рассмотрения. Другими словами глобализация 21 века должна строиться на совершенно другом уровне, нежели это было в 20 веке. Это - либо общество движется по линейной траектории, исчерпывая не только природные, но и технологические ресурсы, что, скорее всего, приведёт к неопервобытному (возврат к неким примитивным, разнородным по морально-физиологическому облику сообществам —

И.Г.), строю. Либо же у общества есть альтернатива – в точке бифуркации выбрать такую стратегию развития, которая позволит развиваться по правилам живой природы, применяя при этом весь арсенал новейших технологий.

Мир не поддается произвольным человеческим воздействиям, и не может быть систематизирован. Из этого следует «вероятностный» подход к мышлению, основанный на принципах, описывающих открытые, многомерные, неравновесные, эволюционирующие, самоорганизующиеся системы (И.Пригожин, Ф.Хайек, К.Поппер, В.Налимов). «Достаточно правильно судить, чтоб правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага», — считал Декарт [1, с. 266]. Это утверждение косвенно указывает на ограниченность самого рационального суждения и умозаключения. Это в свою очередь порождает гносеологический и эпистемологический релятивизм, с точки зрения которого объективное есть иллюзия, истина — догма, связанное, причинно-следственное описание миропорядка — вымысел и орудие власти, насилие разума над природой и обществом. Признается возможность бесконечного числа картин мироздания, ни одна из которых не может претендовать на истинность, ибо не существует способов и методов постижения действительности, которые были бы свободны от воздействия человеческих желаний, потребностей, мотиваций. Хотелось бы еще отметить общую когнитивную значимость теории множественности миров. В жизни человек вынужден иметь несколько идентичностей. А по выражению некоторых ученых — антиидентичностей [6, с. 113]. Т.е. в этом случае человек вынужден придерживаться абсолютно чуждых ему идентичностей. Это, несомненно, вызывает определённый дискомфорт, а в некоторых случаях даже психологические отклонения хронического или временного характера [2]. Множественность идентичности в современном мире позволяет по-новому взглянуть и объяснить саму природу завлечения человека в другой мир [4, с.103]. В этой связи интересным является теория множественности миров философа Д. Льюиса. Он мыслит другие миры как где-

то существующие реальности. По мнению Д. Льюиса обманчивый мир вполне конкретен и действует по тем же законам, что и мир исходный (6, с.5). Однако критики Д. Льюиса в частности философ Ч.Чинара утверждает, что теория множественности миров противоречит здравому смыслу. В современном мире человек часто теряет базовую идентичность. И он в постоянном поиске постоянно скрывающейся среди других псевдоидентичностей той самой базовой идентичности, заложенной в нем изначально. В нарождающемся глобальном мире человек как элементарная составляющая, лишён неких каркасных нравственно-смысловых установок в силу слабой спаянности членов общества. Более того сформировался тип экономического человека, напрочь лишённого идейно-гуманистических установок. Он не ощущает себя самодостаточным: у него нет уже опоры в настоящем. У него нет оснований доверять будущему, ибо его «завтра» стало непредсказуемым, угрожающим, опасным. Он не может больше опереться на прошлое, весь прошлый опыт человечества в новой ситуации «гроша ломанного не стоит», ибо не содержит рецептов спасения. Впервые вся жизненная ситуация (человека и человечества) предстала в виде открытой системы, застывшей в точке бифуркации. Человек Постмодерна — это человек «озабоченный» проблемой выживания, не ведающий, что его ждет. Этим загадочным и емким понятием «Постмодерн» выражается новая экзистенциальная ситуация и ее отражение в искусстве, типе ментальности, типе мышления, типе научного дискурса, типе культуры, типе религиозных верований, способе решения моральных и политических проблем, способе философствования и даже в образе жизни. Новый человек ориентируется не на будущее, а на настоящее — время, в котором он ест, потребляет, наслаждается. Но главным составным элементом глобализации является деперсонализация, которая сопровождался подавлением личности в крайних тоталитарных системах или в более мягких формах западной демократии.

Литература

1. Декарт Р. Сочинения в 2 тт., М., 1989, т.1. – 653 с.
2. Множественная личность. Наука. URL: <http://ru.science.wikia.com>.
3. Панарин А. С. Испытание глобализмом. – М.: Эксмо, 2003. – 415 с.
4. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс. - Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
5. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости/Джон Кампфнер; пер. с англ. Станислава Львовского. – М.: Астрель: Corpus, 2012. – 414 с.
6. Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. - Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 352 с.

Гелих О.Я.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАТАХ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Более чем тысячелетняя история России наполнена множеством славных и героических дат. Эти даты представляют собой нравственную, духовную ценность для современного российского общества. Автор рассматривает только три из них сквозь «спектральный анализ» философской аксиологии.

Ключевые слова. Россия, народ, история, православие, ценности, Рождество, единство.

Gelich O. Ya.

ABOUT HISTORICAL DATES AS THE VALUES OF MODERN RUSSIA

Abstract. More than the thousand-year history of Russia is filled by set of nice and heroic dates. These dates are the unconditional represent moral, spiritual value for a modern Russian socie-

ty. The author considers only three of them through «the spectral analysis» philosophies of values.

Keywords. Russia, the people, history, Orthodoxy, values, Christmas, unity.

История России наполнена множеством славных и героических дат. Эти даты представляют собой нравственную, духовную ценность для современного российского общества. Рассмотрим три из них сквозь призму «спектрального анализа» философской аксиологии.

День Народного Единства. Как бы ни был противоречив и молод праздник этот, установленный в 2005 году, он, во-первых, при пристальном рассмотрении не совсем и молод, ибо день 4 ноября 1613 года стал стартовой отметкой восхождения на престол рода Романовых, начиная с Михаила, и в 1913-м был грандиозно отпразднован в России как 300-летие правления этой династии. И надо сказать, что эти 300 лет были действительно важны в укреплении и расширении, утверждении в мире Российской державы, русского языка и влияния нашей культуры.

Во-вторых, новое название его – День Народного единства – несет в себе сильный манифестирующий смысл. Как 400 лет назад русские, объединившись против интервентов всеми социальными силами, смогли оружием не только выпроводить поляков из Москвы, но и год за годом оттеснять шляхту, османов и прочих с территорий, освобождение которых создавало благоприятные условия для развития русской и в последующем в целом всей российской культуры, как материальной так и духовной. Именно в этом движении родились и Ломоносов, и Державин, и Пушкин, и многие, многие наши достижения, включая подвиги советского периода и советского народа в развитии России.

Достаточно ли едина российская нация сегодня? И не в многообразии этносов суть ответа. Достаточно ли едины мы в смысле классово-социальном? Думаю, немало скрепов тому есть и создано в последние годы. Но расслоение социальное также в России еще велико. Жирующий класс (рупором которого являются Навальный и Собчак), не создавший ни-

чего позитивного экономике и культуре России (ибо извращения вроде «Дома-2» к культурным достижениям отнести язык не повернется), – считает себя почему-то «передовым» и пр.

Миллионы людей в то же время находятся за пределами достойного существования. Потому к общему духовному и иному единству нам еще идти и идти. И не сказать совсем, что не идем. Движемся все ж таки. И время покажет, насколько правилен наш путь.

Рождество Христово. Календарь Русской Православной Церкви ориентирован, как известно, на летоисчисление Юлианское. И от Григорианского он «отстает» на 13 дней, тех самых, что не учтены были когда-то как «дополнительные» в т.н. високосные годы. По сути, это отставание достигло бы значительных размеров, не пояись календарь Григорианский, на который Россия как государство перешла, «присоединившись» к Европе, в феврале 1918 года. Но церковь наша осталась на «собственном» календаре, хотя дополнительный день в високосные годы в нем теперь также учитывается. Отсюда и получилось, что мы встречаем сначала Новый год, и это у нас главный, по сути и торжеству приготовлений праздник. Рождество 7 января отмечается уже более спокойно, в наступившем году. Как говорится, «в Европе» всё наоборот. По сути, в Западной Европе, ибо больше половины этой самой Европы занимает Россия.

Что же мешает и Рождество отмечать всем христианам в один день? Ведь название «католическое Рождество» есть название условное, ибо 25 декабря отмечают этот праздник все протестантские церкви, а не только католики, а также 12 из 16-ти православных церквей также встречают рождение Христа 25 декабря. Ответ, исторический ответ, лежит в позднем Средневековье, в церковном споре между Римом и Константинополем. Споре, который шел первоначально мирно, потом достиг непримиримости, правда, сперва лишь словесной. Константинополь пал в начале XV века, как известно, под ударами не Османской империи, нет, – его сожгли и разграбили те самые западные «партнеры», как мы их сейчас почти ласково называем. Тогда это были крестоносцы-

католики, которых гостеприимно приняли в Византии. Так пала Византия «благодаря» «добрым» католикам. Превратилась она сначала в Никейскую империю по ту сторону Босфора, а потом и вовсе исчезла с лица земли, уже добитая «партнерами» с Востока.

Молодые европейские государства, Флоренция, Венеция, Франция, прежде всего, сами не осознали, что натворили. Мощь Византии сдерживала турок-османов, сельджуков в их экспансии на запад. И только когда встали те самые османы у стен Вены, блокировав и осадив ее, тогда только и поняли в Западной Европе, что произошло и что они натворили по жадности своей. С тех пор нет им прощения, ни в политическом, ни в богословском смыслах. Нет фактически общения между Папой и Патриархом Русской Православной церкви. Потому у нас собственная гордость и собственная традиция, как встречать Рождество. Исторически сложившаяся.

Поэтому празднуем мы Рождество Христово 7 января и по-своему. Ибо честь Православия сданной и поруганной Византии, а теперь и испоганенного «новейшими крестоносцами» Киева, только мы можем отстоять-защитить – исторически, политически и духовно. В том и состоит нравственная ценность нашего Рождества.

О веках и веках России. Самый странный праздник из всех наших российских торжественных дней 12 июня. Рождение его амбициозно нелепо. Нелепо и амбициозно по-елцински. Впрочем, как почти всё, что связано с Б.Н. Ельциным и его биографическим движением.

С большим уважением и надеждой воспринял его фигуру в 1985-м, осенью, когда он стал фактическим главой Москвы. По тогдашним меркам назывался пост – первый секретарь Московского горкома КПСС. Вставал Ельцин ранним утром, ездил в общественном транспорте. Конечно, партийная бюрократия насторожилась и огорчилась этим его манерам и стилю, но не смела перечить явно, подтачивала изнутри и дождалась, пока Ельцин перешел границу дозволенного – покусился на самое «неприкосновенное» – ее эту самую бюрократию, да еще в лице высших сановников. И с какой ра-

достью ей, бюрократией, была выполнена команда «фас», последовавшая от первых тогдашних лиц – Лигачева и, конечно же, самого Горбачева. С каким наслаждением стенографически прописана была процедура осуждения и снятия Ельцина на заседании Московского горкома партии. Сочувствовал тогда ему. И еще в 1990-м симпатизировал.

Настороженность, а вслед за ним недоверие и неверие пришли в какие-то месяцы после.

И если был еще позитивный интерес к избранию его Председателем Верховного Совета РСФСР в тот самый день 12 июня 1990 года, то за избрание Ельцина Президентом России (все той же еще по-прежнему РСФСР) уже не голосовал. Мерзость самолюбования стала сочтаться из него каким-то самым безобразным образом. Президент РСФСР стал борцом с Россией в том ее огромном географическом объеме, каким был тогда «великий и могучий», как в гимне справедливо пелось, Советский Союз. Главное для Ельцина было свернуть (свергнуть) М.С. Горбачева и его окружение, олицетворявшее правление большой Советской страны.

Горбачёв, в своем перманентном лукавстве, аморфности и предательстве той самой большой страны, во главе какой оказался по иронии и даже насмешке судьбы, не понимал, кто он, зачем он, какая миссия на него возложена. «Миссию» Горбачеву подсказали с Запада. За ту «миссию» мы расплачиваемся до сих пор. Верно и точно произнесена была фраза в балабановском фильме «Брат-2» об этом одним из эпизодических героев картины: «Продал твою родину Горбачев, чтобы красиво тусоваться!» Потому Горбачёв, пожалуй, еще более отвратителен, чем Ельцин. Но Ельцину это сравнение чести совсем не делает. Оба «борца», один «аморфный», другой «решительный», рушили страну в межличностной, междоусобной «борьбе» за право царствовать. Рушили и разрушили. Так родился ельцинский «День независимости России», превращенный в силу своей бессмысленности позднее в сегодняшний День России. «Независимость» та с 1990-го по нарастающей воплощалась только во всё большую противоборствующую обособленность Ельцина от Горбачева, на

чем умело играли и сыграли наши западные «партнеры», как иронично, с едва скрытым сарказмом, называет их Президент России В.В. Путин. Непростое «наследство» досталось ему 18 лет назад. Много сделано, чтобы поднять Россию за эти годы. Ошибок тоже произведено-наделано не мало. И вообще трудно выбираться из положения, столь незавидного, в каком оказались Путин и возглавляемая им страна на рубеже 2000-го года. И как понимать День России в том кратком историческом пространстве, в котором появился этот праздник, вырастая из 1990-го, воспринимавшийся мной как самодовольный ельцинский рубеж «День имени Меня!».

И все же: должен ли быть у России такой день? Конечно, да. Но где он?

Не двадцать же семь лет назад мы «независимо» родились?

Был тем днем по сути несколько десятков лет Седьмое ноября – тоже «независимого рождения» «нового мира» «без эксплуатации человека человеком». Не устоял он как торжественный миг в нашей истории. Столетие его заставляет думать о том, что эксплуатации в созданном тогда обществе было все же много и много. Стыдливо перетянули день тот к праздничному Четвертому ноября как символу независимости от польского ига, сбросить которое с Мининым и Пожарским в действительном православном народном единстве удалось в тот 1612-й год, символизировали который не только изгнание поляков из Кремля и Москвы, но и восхождение на престол новой царской династии – Романовых. Но и до Романовых у России история была, в несколько веков и совсем нешуточная.

Трудно найти в итоге действительный День Рождения России. Был он и Первомайским днем борьбы за освобождение трудящихся, начавшийся с маевки уже в конце XIX века, и Днем Октябрьской революции – и оба они отмечались с 1918 года торжественными парадами и демонстрациями, начиная от Красной площади в Москве, завершая небольшими районными городками в самых дальних губерниях-областях огромной Советской державы. И 9 Мая, День Великой нашей Победы – тоже славный и большой праздник подлинной не-

зависимости страны от злейшего напавшего на нее врага. Но сошлось всё как-то в сегодняшнем 12-м июня, с не самой веселой историей этого дня.

Какой будет Россия не столько в конкретной праздничной дате, но в историческом движении своем? – Вот вопрос вопросов «от 12 июня» и всех последующих наших дней. Кем быть нам завтра в том много-недружественном окружении, в котором силой воли и мысли, силой борьбы и нового созидания идем мы историческим суверенным путем своим не только ото дня ко дню, но и от века к веку!?!

Горин А. А.

ЗАМЕНА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РЕЛИГИОЗНУЮ, КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Автор поднимает вопрос практического подтверждения гипотезы о механизмах радикализации религиозных вероучений и их приверженцев через механизм замещения этнокультурной идентичности – религиозной идентичностью.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, религиозная идентичность, ислам, НРД, социология религии.

Gorin A. A.

REPLACEMENT OF ETHNOCULTURAL IDENTITY BY RELIGIOUS AS AN INSTRUMENT OF MODERN GEOPOLITICS IN THE TERRITORY OF RUSSIA

Abstract. The author raises the issue of practical confirmation of the hypothesis about the mechanisms of radicalization of

religious dogma and their adherents through the mechanism of substitution of ethno-cultural identity - religious identity.

Keywords: ethno-cultural identity, religious identity, Islam, NRM, sociology of religion.

В настоящее время одним из механизмов распространения религиозно-экстремистской идеологии становится внедрение в структуру ряда религиозных вероучений или их отдельных направлений системы разрушения этнокультурной идентичности неофитов.

То, что система этнокультурной идентичности является не только механизмом консолидации общества, но и насущной потребностью человека констатировали и Э. Эриксон [1, с. 30, 182-183], и Н. А. Бердяев [2, с. 72-73], и А. П. Садохин [3, с. 50], и многие другие отечественные и зарубежные исследователи.

Критерии единства этнокультурной общности, принимаемые автором как система координат, сформулированы в европейской классической философии ещё в XIX веке и подтверждены многими современными исследователями. Речь идёт об общности территории проживания, языка и культуры [4, с. 140].

Именно на таком понимании этнокультурной общности и построена система её разрушения и замены религиозной составляющей. Такая система была отработана с XIX – начала XX веков в рамках различных вероучений. Одним из наиболее успешных фактов применения данной технологии мы можем ознакомиться на примере формирования Северо-Кавказского имамата (XIX в.) и идеологии «аль-Ваххабиййа» (салафия).

Говоря о Северо-кавказском имамате, при описании технологии замены этнокультурной идентичности его населения на религиозную идентичность «мусульман-мюридов», можно опираться на ряд источников. В частности, записи полковника А. Руновского (надзиравшего за имамом Шамилем во время его нахождения в г. Калуга) [5, с. 1478], работу «Три имама», которую написал личный секретарь имама Шамиля - Мухамед-Тахир аль-Карахи, участвовавший в про-

цессе создания и функционирования Северо-Кавказского имамата [6, с. 4-7] и др. Руководство Северо-Кавказского имамата целенаправленно ставило вне закона практически все составляющие этнокультурной идентичности народов Северного Кавказа. Под запретом оказались традиционные: музыка, танцы, эпос, национальные игры. Велось повсеместное насаждение арабского языка, не только как языка делопроизводства, но и как языка общения. Причём под «репрессии» попадали не только христиане и язычники, но и мусульмане, не согласные с политикой Северо-Кавказского имамата.

Сходные признаки в движении «аль-Ваххабийя» (салафия) описали в своих работах Д. А. Шагавеев [7, с.249-250] и Р. Силантьев [8, с. 40-41]. Салафиты не признают в качестве правоверных мусульман суфиев, к числу которых принадлежали имамы Северо-Кавказского имамата, но технология замены этно-культурного сознания на религиозное использовалась одна и та же.

Вопрос об использовании механизма разрушения этнокультурной идентичности личности с её последующей заменой на религиозную идентичность личности в современном обществе автор предпочёл рассмотреть в рамках практического исследования.

На момент подготовки материала, автором и его волонтерами в период с марта по декабрь 2017 года был проведён целевой опрос.

Области проведения опроса: 1. Республика Татарстан – города Казань, Нижнекамск, Набережные Челны, Менделеевск. 2. Свердловская область – города Екатеринбург, Ревда, Каменск-Уральский, Первоуральск. 3. Астраханская область – Астрахань, Камызяк. 4. Города: Саратов, Саранск, Йошкар-Ола.

Выборка: на 10 ноября 2017 г. – 1317 человек.

Возрастная группа: 18 – 35 лет. Самая многочисленная возрастная группа исследуемых имеет возраст 18-22 лет – 1007 человек (76,46% от общего числа), возрастная группа 23-26 лет – опрошено 272 человека (20,65 %), и группа 27-35 лет - 38 человек (2,89%).

Гендерная выборка: Преобладают женщины (876 человек – 66,51%).

Принцип выборки: Лица, систематически и активно позиционирующие себя, как представители следующих религиозных течений. А). «Чистый ислам» (салафия) (810 человек – 61,50 % от общего числа); Б). Свидетели Иеговы (317 человек – 24, 07%), В). Международное общество сознания Кришны (174 человека – 13,21%); Г). Церковь Саентологии (8 человек – 0,61%); Д). Иные конфессии (8 человек - 0,61%).

Целевой аудитории было предложено участие в опросе для определения приоритета этнокультурной либо религиозной самоидентификации индивидов. Среди респондентов религиозная идентичность преобладает в следующих пропорциях. Представители «Чистого ислама» – 622 человека (76,79% от общей численности сегмента). Представители «Свидетелей Иеговы» – 151 человек (47,63%). Международное общество сознания Кришны – 105 человек (60,34%). Церковь Саентологии – 3 человека (37,51%). Иные конфессии – 2 человека (25,00%). В этих случаях в качестве основной характеристики самоидентификации респонденты назвали принадлежность к религии.

Кроме того, респондентам было предложено определить носителя наивысшего авторитета в их отношении к жизни, формировании повседневной этики и политических взглядов. Были получены следующие результаты. Наибольшее число респондентов - в общей сложности 988 человек (75,02% от общего числа) в качестве высшего авторитета выбрали пункт - «глава религиозной общины / личный духовный наставник». Представители «Чистого ислама» – 790 человек (97,53% от общей численности сегмента). Представители «Свидетелей Иеговы» – 106 человек (33,44%). Международное общество сознания Кришны – 91 человек (52,30%). Церковь Саентологии – 1 человек (12,50%). Иные конфессии – таковых не выявлено.

Вторым по частоте носителем высшего авторитета стали священные тексты – 276 человек (20,96% от общего числа респондентов). Представители «Чистого ислама» – 18 человек (2,22%); «Свидетелей Иеговы» – 173 человека (54,57%).

Международное общество сознания Кришны – 79 человек (45,40%). Церковь Саентологии – 5 человек (62,50%). Иные конфессии – 1 человек (12,50%).

Столь высокий процент лиц, для которых определяющим фактором является мнение духовного лидера общины среди представителей «Чистого ислама», по мнению автора, может объясняться особенностями преобладающей возрастной категории, её неспособностью самостоятельно анализировать религиозные тексты ислама.

В целом же, результаты исследования показывают, что в исследуемом сегменте с высокой степенью эффективности происходит процесс замещения этнокультурной самоидентификации человека – религиозной идентичностью. Кроме того, нравственно-этические и политические ориентиры лиц исследуемого сегмента не систематизированы, а в значительной степени подвержены влиянию «человеческого фактора» - мнения духовного лидера их общины. Ориентация же на светские законы, а также – на государственное законодательство в ответах практически отсутствует. Обращает на себя внимание обстоятельство, что признаки разрушения этнокультурной идентичности и её замена на религиозную идентичность присутствуют и среди представителей НРД (окончательные выводы по данному сегменту делать рано по причине численной недостаточности выборки).

На основании исследования автор предлагает поднять вопрос о внесении такого признака, как «сохранение этнокультурной идентичности индивида» в состав определения «традиционной религии» в отечественном религиоведении.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: «Прогресс», 1996.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – Берлин: ОБЕЛИСКЪ, 1923. – 246 с.
3. Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. М. : Омега-Л, 2009. – 189 с.
4. Морзавченков Г. А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации. - Вестник Нижегород-

ского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, - 2010, - № 1 (17). С. 139-142.

5. Руновский А. Дневник полковника Руновского //Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. - Тифлис, 1904.
6. Тахир М. Три имама. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1990.
7. Шагавеев Д. А. Исламские течения и группы. – Казань: Казанский федеральный университет, 2015. – 336 с.
8. Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. – М.: Аглоритм, 2007. – 576 с.

Докучаева С.В.

РОЛЬ ПРОПАГАНДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ФАКТОРА, СНИЖАЮЩЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда (проект №16-18-10213)*

Аннотация. Автор статьи разработал модель реализации культурной дипломатии, выделив модель подавления и узнавания. В подавляющей модели основным методом осуществления культурной дипломатии является пропаганда. Пропаганда в культурной дипломатии преследует цель внедрить свою идеологию, поглощая и уничтожая самобытность других государств и лишая их собственного пути развития. В итоге этот метод приводит к снижению эффективности культурной дипломатии как способа расширения влияния государств на мировой арене.

Ключевые слова: Культурная дипломатия, политическая пропаганда, имидж государства, политический режим.

Dokuchaeva S.V.

ROLE OF THE PROPAGANDA IN THE PROCESS OF REALIZATION CULTURAL DIPLOMACY AS A FACTOR DECREASING ITS EFFECTIVENESS

Abstract. The author of this article developed a model of cultural diplomacy's realization. This model contains two types of realization: suppression and recognition. In the model of suppression, the main method of the cultural diplomacy is propaganda. The main goal of propaganda in the cultural diplomacy is introducing its own ideology. As a result, other countries are losing their originality and way of development and this method, in our opinion, reduces the effectiveness of the cultural diplomacy as instrument of influence's expansion on the world arena.

Keywords: cultural diplomacy, political propaganda, state image, political regime.

Культурная дипломатия является одним из самых активно используемых методов транслирования государствами своей культуры, создания положительного и притягательного имиджа. И так же как сама культурная дипломатия является средством реализации определенных доктрин и программ государств, для ее осуществления применяются различные техники и средства политической коммуникации, среди которых особое место занимает политическая пропаганда.

Чтобы понять, как реализуется культурная дипломатия и какую роль в этой реализации играет пропаганда, мы разработали авторскую модель культурной дипломатии, основываясь на исследованиях зарубежных и отечественных ученых, занимающихся изучением данного социально-политического феномена [5, 6].

Под моделью культурной дипломатии в данном случае мы подразумеваем, схематическое изображение системы взаимодействия между ведущими мировыми державами и странами, входящими в сферу их интересов, которое включает в себя анализ целей, каналов коммуникаций, субъектов и объектов, временного и иерархического факторов [1-3, 7].

Мы предлагаем модель культурной дипломатии, включающую в себя два типа ее реализации: подавление и узнавание. Нами был введен ряд критериев, среди которых есть базовые, определяющие суть явления – это ценности, или идеология, цель взаимодействия, характер отношений между участниками, стиль взаимодействия и методы реализации. Остальные критерии, могут быть одинаковы для обоих типов, так как все определяется именно целями, отношениями и методами культурной дипломатии. При этом модель «узнавания» в целом строится на уважительном отношении к иным культурам и ее цель – не подавить чужую культуру через навязывание своей, а осуществить взаимный культурный обмен с целью приращения культурного богатства и лучшего понимания особенностей других государств, наций, народов.

Таблица 1 – Модели взаимодействия в рамках культурной дипломатии.

Критерии	Модель подавления	Модель узнавания
Ценности (идеология) политического режима	Авторитарные/тоталитарные	Демократические
Цель взаимодействия	Навязывание своей/уничтожение чужой культуры	Взаимное культурное обогащение, изучение культуры партнера
Характер отношений между участниками	Субъект-объектные отношения	Субъект-субъектные отношения
Стиль взаимодействия	Монологическая форма общения или диалог для выяснения наиболее эффективного способа воздействия	сотрудничество
Позиция во взаимодействии	Активная/реактивная	проактивная

Методы реализации	пропаганда	Информирование, предоставление полной и достоверной информации
Длительность	Краткосрочное/среднесрочное/долгосрочное	долгосрочное
Роль государства	Государство жестко формулирует принципы взаимодействия, в директивном порядке формулирует программы, является инициатором и исполнителем любых проектов	Государство, негосударственные организации, отдельные граждане
Основные способы реализации	Культурные, академические обмены, гастроли, визиты, делегации, открытие обществ дружбы и центров изучения стран, обмен произведениями литературы и искусства, работа через СМИ	Культурные, академические обмены, гастроли, визиты, делегации, открытие обществ дружбы и центров изучения стран, обмен произведениями литературы и искусства, работа через СМИ
Источники финансирования	Государство	Государство, частные лица, организации, благотворительные фонды и т.д.

Как мы видим из Таблицы 1, пропаганда – это метод реализации культурной дипломатии в ее подавляющей модели.

Мы в своей работе используем следующее определение пропаганды. Это распространение идеологических и политических воззрений на аудиторию с целью формирования взглядов, ценностей, представлений, эмоций, идеоло-

гии, оказания влияния на поведение человека или общества [4].

Политическая пропаганда занимается работой с массовым сознанием или с сознанием определенной аудитории, лидеров общественного мнения с целью популяризации идеалов, целей, желаний. Фундаментом пропаганды является идеология, которую определяют, как систему взглядов и идей, выражающих интересы различных социальных классов, групп, обществ. Одна из основных задач пропаганды – переубеждение идейных политических противников и увеличение числа сторонников и последователей.

Культурная дипломатия СССР в период Холодной войны осуществлялась по принципу модели подавления, так же, как и культурная дипломатия США. И именно поэтому основными методами ее распространения была пропаганда: культурная, идеологическая, научная и т.д. В отчетах ССОД все виды мероприятий, проводимых на разные страны мира, назывались мерами пропаганды и каждый год разрабатывались планы по повышению эффективности пропагандистской деятельности отделов этой организации. Культура использовалась как инструмент установления господства своей идеологии на как можно большем пространстве, привлечение и удержание как можно большего числа сторонников и последователей. Примерно теми же методами действовали Соединенные Штаты. И именно это, по нашему мнению, и снижало в итоге эффективность культурной дипломатии. Потому что культура – это результат производства человеком духовных и материальных ценностей, в ней заключена самобытность народов, стран, цивилизаций и только культура позволяет людям узнавать друг друга, понимать и строить взаимодействие на принципах уважения и признания взаимной ценности друг друга. В этом ее основная задача – сближать людей через узнавание и понимание отличий особенностей. Уважение к своей и чужой культуре является залогом конструктивного развития общества, приращения не только материального знания, но и духовного, это позволяет обществу развиваться эволюционно.

Использование же культуры в пропагандистских целях теряет свою эффективность в тот самый момент, когда от этапа знакомства и узнавания носитель культуры переходит к навязыванию и подавлению. Если культурное наследие богато и многообразно, то этап узнавания может быть длителен и эффективность культурной дипломатии будет высокой. Но когда все будет показано, понято, оценено и реципиент начнет проявлять желание вступить в равный диалог, а субъект-носитель начнет навязывать свою культуру, применяя средства пропаганды, начнется этап отторжения, и эффективность культурной дипломатии резко упадет.

И в настоящее время изучение возможностей культурной дипломатии как инструмента расширения влияния отдельных государств в мире, вновь пытается совершить ту же ошибку: использовать культуру не по назначению, подавлять иные культуры, бороться за господство с помощью культурного наследия методами политической пропаганды.

Результатом подобных процессов может стать очередной всплеск антиглобалистских настроений, культурный сепаратизм и культурно-ценностные конфликты, относящиеся к категории наиболее трудно разрешаемых.

Литература

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Теоретические аспекты проблемы внешней культурной политики // Америка и мир. История и современность. Сб. статей в честь 70-летия профессора Б.А. Ширяева. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 267-279

2. Журавлева Н.Н. Коммуникативные стратегии в сфере культурной дипломатии: современные дискуссии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 2, (ч. 2). С. 161.

3. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.

4. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2003. – 368 с.

5. *Mark Leonard, Catherine Stead, Conrad Smewing.* Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002.

6. *John Robert Kelley.* Between «Take-offs» and «Crash Landings»: Situational Aspects of Public Diplomacy. // Routledge Handbook of Public Diplomacy. / Nancy Snow, Philip M. Taylor. NY: Routledge, 2009.

7. *R.S. Zaharna.* Mapping out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks // Routledge Handbook of Public Diplomacy. / Nancy Snow, Philip M. Taylor. NY: Routledge, 2009. Pp. 91-92.

8. *Cummings Milton C.Jr.* Cultural Diplomacy and the United States Government. Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003 P. 1.

Лазаренко А.Л., Минакова Е.И., Думнова Н.А.

РОЛЬ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНО- СТЬЮ

Аннотация. В статье рассматривается финансовая отчетность, которая может использоваться в качестве аналитической базы заинтересованными пользователями финансовой информации, к которым относятся как внутренние пользователи, так и внешние пользователи. Результаты анализа финансовой отчетности позволяют проводить финансовый мониторинг в целях оценки экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: финансовая отчетность, финансовый анализ, финансовое положение, внешние и внутренние пользователи информации.

Lazarenko A.L., Minakova E.I., Dumnova N.A.

THE ROLE OF FINANCIAL REPORTING IN THE ECONOMIC SAFETY MANAGEMENT SYSTEM

Abstract. The article considers financial statements that can be used as an analytical base by interested users of financial information, which include both internal users and external users. The results of the analysis of financial statements allow carrying out financial monitoring in order to assess the economic security of the enterprise.

Keywords: financial reporting, financial analysis, financial position, external and internal information users.

Финансовая отчетность является отчетностью компании для внешних пользователей с целью ознакомления с общим финансовым состоянием компании, которая составляется согласно требованиям отечественного законодательства и российских стандартов бухгалтерского учета. Она состоит из таких элементов информации: бухгалтерский баланс, который сообщает об общей сумме активов, пассивов (обязательств и капитала собственников) на конкретный момент времени, например, на 31 декабря; также известный как отчет о финансовом положении; отчет о финансовых результатах - сообщает о доходах, расходах, прибыли и убытках, а также о чистой прибыли в течение периода времени, указанного в шапке документа; также известный как отчет о прибылях и убытках; отчёт о движении денежных средств сообщает об изменении суммы денежных средств и их эквивалентов в течение определенного периода времени в разрезе трех видов деятельности: операционной, инвестиционной и финансовой; отчёт об изменениях капитала сообщает об изменениях в компонентах собственного капитала акционеров, в том числе из-за чистой прибыли, прочего совокупного дохода, дивидендов, исполнения опционов на акции и т.д.; пояснения к бухгалтерской отчетности.

В процессе финансового анализа стоит использовать не только бухгалтерскую отчетность компании, формы которой перечислены выше, но также все доступные дополнительные данные об особенностях деятельности компании, конкурентах, поставщиках, покупателях, отрасли, экономике и т.д.

В соответствии с ФЗ от 06.12.2011 N 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», «бухгалтерская (финансовая) отчетность -

информация о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, систематизированная в соответствии с требованиями, установленными настоящим Федеральным законом» [1].

К.В. Мамашов указывает, что в качестве аналитической базы бухгалтерская финансовая отчетность используется заинтересованными пользователями финансовой информации, к которым относятся как внутренние пользователи (менеджмент, экономисты, финансисты), так и внешние пользователи (акционеры, инвесторы, конкуренты). Так, финансисты организации используют данные отчетности в оперативном текущем режиме для целей оценки результатов деятельности, оперативного планирования, обоснования конкретных управленческих решений производственного, инвестиционного характера [4, с. 442-444].

Инвесторы оценивают не только текущее финансовое положение организации и результаты деятельности, но и используют информационную базу отчетности в динамике для прослеживания тенденций деятельности и построения обоснованного прогноза финансовых результатов.

Э.В. Крум полагает, что отчетность предприятия в рыночной экономике базируется на обобщении данных финансового учета и является информационным звеном, связывающим предприятие с обществом и деловыми партнерами-пользователями информации о деятельности предприятия [3, с.75].

Собственники анализируют финансовые отчеты для повышения доходности капитала, обеспечения стабильности положения фирмы. Кредиторы и инвесторы анализируют финансовые отчеты, чтобы минимизировать свои риски по займам и вкладам. Можно твердо говорить, что качество принимаемых решений целиком зависит от качества аналитического обоснования решения.

О.И. Волков указывает, что наиболее информативной формой для анализа и оценки финансового состояния предприятия является бухгалтерский баланс. Бухгалтерский баланс служит основным источником информации для обшир-

ного круга пользователей. По балансу определяют конечный финансовый результат работы организации в виде наращивания собственного капитала (чистых активов) за отчетный период [2, с. 148].

Как указывает Э.С. Шварц, главная цель составления баланса – это анализ соотношения вложенных средств, отражаемых в пассиве, с тем, что получено в результате, т. е. активами организации. Если получено больше, чем вложено, активы организации превышают ее пассивы, то результат – прибыль. Если вложено больше, чем получено, т. е. пассивы больше, чем активы, то результат – убыток [5, с. 1033-1036].

Отправной точкой для анализа финансового положения компании, как правило, является именно баланс. Кредиторы, инвесторы и аналитики признают значение баланса, а также его ограничения.

Баланс предоставляет пользователям информацию о ресурсах компании (активах) и его источниках капитала (его собственный капитал и обязательства / долг). Как правило, он также предоставляет информацию о способности получать доход в будущем, а также о движении денежных потоков, которые могут возникнуть из-за изменения суммы дебиторской задолженности и объема товарно-материальных запасов. Тем не менее, баланс имеет ограничения, особенно в отношении того, как активы и обязательства оцениваются.

Отчет о финансовых результатах отражает доходы и расходы, о которых предприятие сообщает по методу начисления независимо от периода, в котором денежные средства получены и товар оплачен. Различия между начисленными доходами/ расходами и денежными потоками приведет к изменению активов и обязательств.

Отчет о движении денежных средств (или отчет о денежных потоках) обобщает существенные причины изменения денежных средств и их эквивалентов в компании в течение определенного периода времени. Элементы представлены в следующих категориях: операционная деятельность инвестиционная, финансовая деятельность, а также дополнительная информация. Отчет о движении денежных потоков содержит информацию о денежных поступлениях компании

и ее денежных выплатах в течение отчетного периода, показывая, как эти денежные потоки связывают конечный остаток денежных средств на балансе со значением на начало периода. Информация в отчете, составленная на кассовой основе, контрастирует с информацией в отчете о финансовых результатах, которая составлена по методу начислений. Например, отчет о финансовых результатах отражает доходы в момент совершения сделки, а не после получения денежных средств; в отличие от него, отчет о денежных средствах отражает поступление денег в тот момент, когда они непосредственно получены предприятием (на расчетные счета или через кассу). Процесс сопоставления указанных в отчетности доходов и потоков денежных средств от операционной деятельности дает полезную информацию о том, когда и как компания способна генерировать денежные средства от операционной деятельности. Хотя доход является важным показателем результатов деятельности компании, движение денежных средств также имеет важное значение для аналитика. Таким образом, некоторые аспекты составления и представления отчетности зависят от отрасли, в то время как другие отражают различия в учетной политике и практике той или иной компании. В процессе проведения анализа отчета о финансовых результатах стоит обращать внимание на такие различия, что позволит сформулировать более корректные выводы о способности компании генерировать прибыль.

В целом можно сделать вывод, что утверждение и опубликование бухгалтерской (финансовой) отчетности осуществляются в порядке и случаях, которые установлены федеральными законами. В случае опубликования бухгалтерской (финансовой) отчетности, которая подлежит обязательному аудиту, такая бухгалтерская (финансовая) отчетность должна опубликовываться вместе с аудиторским заключением. В отношении бухгалтерской (финансовой) отчетности не может быть установлен режим коммерческой тайны. Результаты анализа финансовой отчетности позволяют проводить финансовый мониторинг в целях оценки экономической безопасности предприятия.

Литература

1. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О бухгалтерском учете» [Текст] // Российская газета. - N 278. – 2011.
2. Волков О.И. Экономика предприятия [Текст]: учебное пособие / О.И. Волков, В.К. Скляренко. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 264 с.
3. Крум Э.В. Экономика предприятия: учебное пособие / Э.В. Крум. - Мн.: ТетраСистемс, 2013. - 192с.
4. Мамашов К. А. Совершенствование форм финансовой отчетности в современных условиях // Молодой ученый. - 2016. - №4. - С. 442-444.
5. Шварц Э. С. Особенности формирования и анализа консолидированной финансовой отчетности [Текст] / Э.С. Шварц // Молодой ученый. - 2015. - №11. - С. 1033-1036.

Jovanovich L. M.

AN ATTEMPT OF SO-CALLED «REPUBLIC OF KOSOVO» TO JOIN UNESCO IN 2015

Abstract. The article discusses the attempts of entry self-proclaimed “Republic of Kosovo” in UNESCO. The aim is to show the illegitimacy of the self-proclaimed independence of Kosovo, as well as the action of this country to gain international recognition of entry into UN institutions. At the same time, showing the diplomatic efforts of the Republic of Serbia and its foreign partners on the way to prevent it. The article was written based on available literature and published announcements and decisions.

Keywords: Serbia, «Republic of Kosovo», Kosovo and Metohia, UNESCO, heritage, politics.

Иованович Л.М.

ПОПЫТКА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «РЕСПУБЛИКИ КОСОВО» ВОЙТИ В ЮНЕСКО В 2015 ГОДУ

Аннотация. В статье рассматривается попытка вхождения так называемой «Республики Косово» в Юнеско. Цель статьи - продемонстрировать несостоятельность самопровозглашенной независимости Косова, а также усилия этой страны по завоеванию международного признания путем присоединения к учреждениям ООН. В то же время анализируются дипломатические усилия Республики Сербии и ее зарубежных партнеров для предотвращения этого. Статья написана на основе анализа доступной литературы и официальных заявлений и решений.

Ключевые слова: Сербия, Республика Косово, Косово и Метохия, ЮНЕСКО, наследие, политика.

Introduction. Serbs and Albanians till 21st century

In the region of autonomous provinces of Kosovo and Metohija, the interests of Serbs and Albanians have been in conflict for centuries. Starting from the early Middle Ages, when the territory of Kosovo and Metohija was dominated by the Serbian population, through the late Middle Ages and the collapse of the Serbian state in 1459, in the territory of today's territory of Kosovo and Metohija, there is no Albanian significance in any context. During the 1st 6th century, when the Turkish Ottoman Empire consolidated its power in Serbian territories, the conversion into Islam (Islamization) of the Christian population in Albania at the time that inhabited the mountainous regions of the province, began. The Islamic population, having received the Turks' religion, became more privileged than the population of the Serbian, Greek and Bulgarian nationalities who remained Christian. But among the Albanians the strong Christian community remained, divided into the Orthodox community in the

south and the Catholic community that was held in the north, mostly in the coastal areas. Islamic community was the dominant one and it strengthened at the expense of the subordinate Serbian and Greek population, which began with the blessing of the Turks to expel from its territory, to convert to Islam and forcibly abducting them and usurp the property. Over time, the Albanians began to cross the Prokletija mountain range, crossing into the territory of Metohija, of course primarily for looting, but they stayed there longer and from there it was easier to break into an accessible territory of Kosovo. Having experience in robberies and looting, the Albanians were the backbone of an irregular part of the Turkish army, which included the Cherkesses and the Kurds, which was called "basibozuk". This army of robbers was in charge of robberies, violent incursions, intimidation and devastation, and their crimes have so far remained in the national memory of all Christian peoples in the Balkans. When the Turkish military forces began to decline and when central government began to weaken, Albanians began to become more independent in the territories they occupied, and only nominally recognized the supreme Turkish government, which was not effective in defending the Christian population, although it was even obliged by international treaties. And then, during the 19th century, the Serbs were an ethnic majority in Kosovo and Metohija, but in constant decline. The awakening of Serbian statehood in the 19th century gave hope of returning Kosovo and Metohija to Serbia. Opportunity for this was missed at the Berlin Congress in 1878, but in 1912, the armies of the Kingdom of Serbia and the Kingdom of Montenegro waged victoriously in Kosovo and Metohija, thus achieving a long dream of liberation. With the influence of the Austro-Hungarian state, then the state of Albania was created, just to prevent Serbia from reaching (expanding the border) to sea, and to reduce its war successes. Austria-Hungary collapsed in 1918, and Albania still exists. By that time, the Albanians had already managed to expel a large part of the population from Kosovo and Metohija and became the majority population. The creation of Yugoslavia in 1918 did not change the situation. The period during the Second World War, as well as the period that followed, further aggravated the situation. Albanians, as

associates of Italian fascists and German Nazis, got full power in Kosovo and Metohija, and their crimes at that time committed against Serbs are unprecedented in the history of the world. The liberation and the founding of socialist Yugoslavia in 1945 did not bring any better in life for the Serbs in Kosovo and Metohija. The leadership of the Communist Party of Yugoslavia was guided by the idea of annexation of Albania to Yugoslavia, initially acquitted all the crimes they did, then they and then gave them the additional motivation to get even more population to migrating from Albania to the territory of communist Yugoslavia, mainly in the area of Kosovo and Metohija and Western Macedonia. The fact remains that the Albanians in the SFRY had more freedom (rights) than in their home state of Albania, and the 1974 Constitution of the SFRY is proof of that claim. Such a situation lasted until the breakup of Yugoslavia, when the Albanians guided by the idea of the creation of Greater Albania, found new mentors abroad, and were one of the main destabilizing factors for the government. They have established(created) a terrorist organization KLA (the Kosovo Liberation Army), which began with terrorist acts in Kosovo and Metohija starting from 1996, inspired by Islamic fundamentalism, and financed from abroad. The peak of the Serbian-Albanian conflict came in 1999, when, under the protection of the NATO Pact, they first attempted the land invasion from Albania, in which they were defeated. Air strikes, called "Mercyful Angel", were launched, aimed on destroying of Serbia and the Serbian people. By signing peace in Kumanovo, the bombing stopped, but the condition was for the Serbian army and police to withdraw from Kosovo and Metohija so that KFOR's international forces can enter(take over) the territory. The Albanians thought they had won [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Self-proclaimed independence of so-called «Republic of Kosovo». As we have seen from the above, on the grounds of the crimes, both ethnic and cultural, a strong, and majority Albanian ethnic community developed in Kosovo and Metohija. It should be noted now that the Albanians never wanted an independent Kosovo, nor did they ever think about it, their goal was that Kosovo and Metohija became part of the ethnically pure Albanian

creation of "Greater Albania" , more often called "Natural Albania" . The path to that goal was certainly leading by destabilizing Yugoslavia, and then Serbia, but with the help of foreign factors, Kosovo and Metohija was supposed to directly join(merge) Albania. Although since 1999 there has been international forces in Kosovo and Metohija, which could enforce rule of law and maintain order and peace, they did not. Expulsion of Serbs from Kosovo and Metohija continued, their property was usurped, and cultural heritage destroyed. These attacks escalated in March 2004, when a great attack by Albanian extremists took place on Serbian cities, settlements and villages, but also on Orthodox churches and cemeteries. A large number of people were expelled from their homes, and Serbian cultural heritage was devastated. The international forces, which were supposed to provide security and provide security for cultural monuments, stood aside without wanting to interfere in the conflict. They described this action by Albanian extremists as a "series of actions a", then as "organized action", and ultimately as a "spontaneous reaction". Since then, the term "March pogrom" has been established , in which the word "pogrom" is only understandable to the Serbian people, and cannot be translated into the any of the world languages, but it signifies a combination of persecution, expulsion, destruction and killing of the helpless population. The Albanian element in Kosovo and Metohija thus gained an even stronger foothold, and decided that through the bodies of the Autonomous Province of Kosovo and Metohija , that is, the Assembly of Kosovo and Metohija on February 17, 2008 unilaterally declares the secession and independence of Kosovo from Serbia , under the name "Republic Kosovo " . The same night the decision was annulled by the Government of the Republic of Serbia as an unlawful act of the provisional authorities in Pristina, and the decision of the Government was unanimously supported by the Parliament of the Republic of Serbia. Soon the awards of the main creators of this idea, that is, members of the NATO alliance, arrived. At the UN Security Council, Serbia and its allies, Russia and China, then tried to challenge the legitimacy of this unilateral act, but the countries that created the "Republic of Kosovo" sabotaged every attempt by Serbia, Russia and China. The

Albanians got what they did not want but they were grateful for the gift [8. 9. 10, 11, 12, 13, 14].

An attempt to join UNESCO. Even with the support of the NATO alliance and the majority of the European Union, Kosovo to date (2018) and 10 years after the declaration of independence is not an internationally recognized state. It does not have the support of a majority of the countries, which is needed to make one territory internationally independent. The Republic of Serbia did not recognize the so- called "Republic of Kosovo". The so-called "Republic of Kosovo" then tried to gain independence in various ways, and one of the ways was membership in international organizations, as in this case UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) . The eventual reception(addmition) of Kosovo in UNESCO would also mean joining the UN, which would force Serbia to, against its own will, recognize the imposed self-proclaimed independence of the “Republic of Kosovo”. For the Republic of Serbia, it was incomprehensible that membership could be given to someone who destroyed the cultural heritage of the Serbs in Kosovo and Metohija , that is, to those who committed such a crime against civilization. For the " Republic of Kosovo” the 'cultural heritage did not matter, only its international recognition, and how much they care about the Serbian and Christian, material cultural heritage in Kosovo and Metohija is also indicated by the fact that all the security for the significant monasteries are provided by international forces. Thus, the Decani Monastery from the 14th century, which has been on the UNESCO World Heritage List since 2004, is guarded by members of the Italian contingent of KFOR, from the Albanians living in the area. As soon as it became known to the public and to the state leadership of Serbia the desire of "Kosovo" to become a member of UNESCO, a broad diplomatic action was launched, both from the Government and from scientific institutions and all layers of society. The Government of the Republic of Serbia started lobbying with UNESCO members to vote against the destroyers of cultural property, and in that it had the great support of its most important foreign partners of Russia and China. At the invitation of

the Government of the Republic of Serbia to engage in the fight against the admission of Kosovo to UNESCO, the SPC (Serbian Orthodox Church) and SANU (Serbian Academy of Sciences and Arts), as supreme spiritual and scientific institutions in Serbia, first responded. Apart from them, the institutions of the Republic of Serbia in Kosovo and Metohija, even they faced the greatest danger, stood by. Significant action was carried out by students of the University of Kosovska Mitrovica who, with the action called " NO Kosovo in UNESCO " managed to make a great contribution and to launch young people in the country and diaspora, but the Institute for Serbian Culture - Pristina / Leposavic, a letter addressed to UNESCO headquarters in Paris as well as a regional headquarters in Sofia, made a big contribution, citing that *"the admission of Kosovo to UNESCO will open the way to culture and destruction of Serbian cultural heritage"* . Diplomatic actions of all the institutions of the Republic of Serbia led to the refusal of the self-proclaimed state's request for the admission of Kosovo into UNESCO on Nov. 9, 2015 . The media reported this as a great victory of Serbian diplomacy, but also the great support provided by Russia. The result of the vote of 142 voting members was: 89 votes were cast for, 59 members were against 22 States were abstained. The attempt of the " republic Kosovo" that by joining UNESCO gain the place in the UN, as well as to show Serbian cultural heritage as its own, has failed [15, 16, 17, 18, 19].

Conclusion. Attempts to appropriate the cultural heritage of another nation, and presenting it as their own represents a dangerous cultural crime. With the help of Russia and China, Serbia has managed to preserve its material and non-material heritage in Kosovo and Metohija and at the same time demonstrate the illegitimacy of the unilaterally declared independence of the "Republic of Kosovo". In this attempt to receive(admit) Kosovo to UNESCO, all the hypocrisy of Albanians and their NATO allies was expressed, even in case if "Kosovo" would have become a member of UNESCO, that is, terrorists were given the right to protect cultural property in Kosovo and Metohija, it would not be surprising if the same countries that suggested that Kosovo become a UNESCO member, afterwards send the proposal that the

Terrorist "Islamic State" become the protector of the ancient city of Palmira, which it destroyed and leveled with ground by the same.

References:

1. Leften Stavrijanos, *Balkans after 1453*, (Belgrade : Equilibrium, 2015).
2. Đoko Slijepčević, *Serbian - Arbanistic relations through centuries with a special focus on recent times*, (Himelstir: Ostrog 1983).
3. Dimitrije Bogdanović, *Book on Kosovo*, (Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, 1985).
4. Teodora Toleva, *The influence of the Autarchic Empire on the creation of the Albanian nation: 1896 - 1908*, (Belgrade: Filip Višnjić, 2016).
5. Miloš Jagodić, *Serbian - Albanian relations in the Kosovska vilajet (1878 - 1912)*, (Belgrade: Institute for Textbooks, 2009).
6. *History of the Serbian people, I - VI* 2, office. Radovan Samardzic (Belgrade: Serbian Literary Co-operative, 1994).
7. Dragiša Keserović, *Kosovo and Metohija: Terror against Serbs*, (Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2005). Paulin Kola, *The Search for Greater Albania*, (London: Hurst and Company, 2003).
8. Branko Jokic, *March Pogrom*, (Belgrade: Center for Preservation of the Legacy of Kosovo and Metohija, 2014).
9. Peter Bouckaet, *Failure to Protect: Anty-minority Violence in Kosovo, March 2004*, (Human Rights Watch: 2004).
10. Nenad Lj. Stefanovic, " Kosovo, March 17, 2004" , in *Nedeljnik Vreme* (Belgrade: NP: Vreme, January 13, 2018).
11. Information and news on the website of the Government of the Republic of Ser-

- bia: <http://www.srbija.gov.rs/vesti/specijal.php?id=558> .
12. Mirjana Čekerevac, "*Kosovo declared independence*", in daily newspaper "*Politika*" on February 18, 2008. available at: https://www.b92.net/info/vesti-/index.php?yyyy=2008&mm=02&dd=17&nav_id=285184 .
 13. "*Serbian Parliament Declares Nineteenth Decision on Kosovo's Independence*", in *Politika* daily, February 18, 2008 available at: <http://www.politika.rs/scc/clanak/33433/Skupstina-Srbije-glasla-programom-odluku-o-nezavisnosti-Kosova> .
 14. Dragutin Minic, "*The process that divided the world*", in the newspaper "*Politika*" 12.12.2009. dostupno na: <http://www.politika.rs/scc/clanak/115565/Proces-koji-je-podelio-svet> .
 15. Cultural Heritage in South-East Europe: Kosovo (UNESCO, 2014).
 16. "*Kosovo admission to UNESCO leads to admission to the UN*", on the Internet portal "*Sputnik*", October 1, 2015, available at: <https://rs-lat.sputniknews.com/analize/201510014942768/> .
 17. "*Serbian Leposaviq Institute for Serbian Culture sent a letter to UNESCO*" on the Internet portal "*KoSSev portal*", 09/11/2015. , available at: http://kossev.info/strana/arhiva/institut_za_srpsku_kulturu_uputio_pismo_unesco_u_6143?fb_comment_id=1015888965128709_1432795663438035#f2a9ddb818cb0c .
 18. "*Kosovska Mitrovica: Students re-ordered: NoKosovoUNESCO*" on the Internet portal '*KoSSev portal*' , 9/8/2015. , available at: <http://gradjanskastrana.kossev.info/strana/arhiva/studenti/6771> .

19. "Voting finished in UNESCO, Kosovo rejected " on the Internet portal "B92", November 9, 2015, available at: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2015&mm=11&dd=09&nav_category=640&nav_id=1060970.

Ковальска-Стус Ханна

ПОЛЯКИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ. ИДЕЙНАЯ И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ

Аннотация. Доклад будет посвящен проблеме позиции поляков по отношению к Крымской войне: на стороне России и на стороне Турции. Выясняется также генезис оценки поляками роли России в межгосударственных конфликтах с конца XVIII в.

Ключевые слова: отношения Польши и России в XVIII-XIX вв.; Крымская война; поляки в оттоманской армии, польские офицеры в Царской армии; польское освободительное движение в XIX ст.

Kowalska-Stus Hanna

POLES IN THE CRIMEAN WAR. IDEOLOGICAL AND PERSONAL MOTIVATION

Abstract. The article is discussing the problem of the ratio of Poles to the Crimean war: in the alliance with Russia and in the alliance with Turkey. The text is explaining the genesis of the evaluation through Poles of role of Russia in the international politics in the 19th century.

Keywords: Polish-Russian relationships in XVIII - of the 19th century; Poles in the Ottoman army; Polish officers in the Russian army; Polish liberation move in the 19th century.

Крымская война, как связанная с местом конференции, является зеркалом, отражающим важную проблему сложных

отношений поляков к России в XIX ст. В ней сосредоточиваются многие контексты: польско-русских государственных отношений на протяжении истории, геополитической ситуации после Наполеона, революционных настроений в Европе и межконфессиональных сношений.

Ко времени Крымской войны польско-русские отношения стали крайне сложными. XVIII столетие подытожило историческое прошлое Речи Посполитой. Ее сложную внутриполитическую, общественную и конфессиональную ситуацию с одной стороны использовали соседи для защиты своих интересов, а с другой сама Речь Посполитая не сумела выработать инструментов для защиты своего будущего существования. Екатерина воспользовалась политическим устройством свободных выборов, чтобы продвинуть своего кандидата Сигизмунда Августа на польский престол. Но когда он начал необходимые для государства реформы (таких как ликвидация права вето, политическое равенство всех конфессий) тогда польская шляхта применила против монарха барскую конфедерацию (1768-1772). Конфедераты боролись под лозунгом защиты свободы и веры. Однако эти убежденные сарматы (Михаил Вельхорский) в 1770 г. обратились за помощью к французским идеологам Просвещения. Программу для реформ Речи Посполитой написал Жан Жак Руссо. В связи с этим конфедераты объявили о свержении с престола короля, объявили нелегальными все его постановления, связанные с реформами: финансовой, хозяйственной, ограничения права вето, равноправия всех конфессий, что совпадало с программой конвекционного (элекционного сейма). Шаги конфедератов были с одной стороны регрессивные, а с другой, как антимонархические, не одобрялись монархической Европой. После французской революции эти события воспринимались как предвещавшие революцию. Конфедераты разожгли гражданскую войну, которая стала предлогом для раздела Речи Посполитой. У конфедератов не было регулярной армии, только черносотенные части, поэтому они не имели никаких шансов на победу с королем и помогавшими ему русскими войсками. Конфедераты рассчитывали на помощь Франции, Австрии и даже Турции. Особенно удивляет

готовность к союзу с мусульманской Турцией, против которой Речь Посполитая состояла 200 лет в антитурецкой лиге. Многие священники сопротивлялись конфедерации.

Гражданская война привела к ослаблению государства, результатом этого был первый раздел Речи Посполитой в 1772 году. С тех пор конфедератов стали почитать как героев, миф конфедерации оживлял польскую литературу, политическую идею, патриотизм. Все конфедераты выступали против Сигизмунда Августа, но далеко не все они были антимонархистами. Однако их позиция среди соседей воспринималась как антимонархическая.

После вспышки французской революции многие влиятельные поляки, в том числе также масоны, стали возлагать надежду на французов. В 1793 году Тадеуш Костюшко, герой американской войны и масон, ездил в Париж с миссией представить революционному правительству планы восстания в Речи Посполитой против России, Австрии и Пруссии. Французская революция была первой социалистической революцией, с применением геноцида, подготовленной масонами. Её успеху угрожал договор России, Пруссии, Австрии, Испании и Голландии, которые, опасаясь революционной идеологии, готовились к интервенции во Францию. Потому Французы одобрили вспышку польского восстания, усматривая в нем положительную для французской революции блокаду русских и прусских военных сил, сами не намеревались помогать полякам. Влиятельных сторонников восстания: Гуго Коллонтая и Игнатия Потоцкого называли польскими якобинцами. В ответ на эти намерения король опубликовал указ о прекращении сношений с Францией. Рассматривая все аспекты этого вопроса, надо признать, что результат восстания Костюшко удовлетворил якобинцев.

Этот пролог служит тому, чтобы показать почву, на которой вырастали очередные польские восстания. Основа оставалась та же, менялся только антураж. В XIX в. он был романтическим и позитивистским, корни уходили в идеологию XVIII в. Речь идет о вождях и учителях. Остальные участники - это, как обычно: молодежь, патриоты, втянутые или принужденные. Резня солдат русского гарнизона, осуществ-

лѣнная поляками в Варшаве, взятого в плен Килинским и убийство в ответ многих жителей варшавского района Прага Суворовым в 1794 г. посеяли вражду между двумя славянскими народами. Вспоминая объединение славян под Грюнвальдом, невольно задумываешься над вопросом, кому выгодна была ненависть и братоубийственная война между поляками и русскими, начатая в XVIII ст., которая продолжается до сих пор на разных полях.

Союз Костюшко с французской революцией привел к третьему разделу Речи Посполитой и ее уничтожению в 1795 г.

После раздела наступило сотрудничество части поляков с Наполеоном, участие в его революционно-завоевательских действиях и поход на Москву. Под командой Наполеона поляки завоевывали христианские государства, уничтожали церкви и монастыри, покорили Ватикан (Легионы Домбровского в 1798 г.). На стороне России боролось тогда в два раза больше поляков, чем во французских войсках под Москвой.

После победы над Наполеоном наступил короткий период возрождения польской государственности. Это было королевство со словом Польша в названии, с конституцией, армией, правительством, бюджетом и университетом, чего Польша не дождалась от Наполеона. Королем и учредителем был Александр I-й. Королевство просуществовало до 1930 г., когда вспыхнуло ноябрьское восстание, которое совпало с французской революцией 1830 года, что помешало в его погашении. Молодые повстанцы убили многих польских и русских генералов, сопротивлявшихся восстанию. Восстание было подготовлено польскими, французскими и американскими масонами, удовлетворяло интересам русских и прусских масонов. Особенно проявились: Лелевель, Высоцкий, Скжынецки, Хлопицки, Жозеф де ля Файетт. Деньги шли из Америки. В результате Польское королевство было уничтожено и наступили жестокие репрессии при Николае I. Стоит вспомнить также эпизод сотрудничества польских диссидентов с декабристами, которые выросли на той же почве масонской идеологии.

Ноябрьское восстание и Крымскую войну разделяет почти двадцатилетний период идейной и логистической подготовки польской эмиграции к войне с Россией в сотрудничестве с: русской эмиграцией (Герцен), Францией, Великобританией и, прежде всего, с Турцией. При этом большинство населения вписывалось в государственный режим империи. Среди них были аристократы, политики, торговцы, промышленники и большое количество офицеров царской армии. Этот последний путь избирала и шляхетская молодежь.

Революционно настроенные поляки надеялись на поражение России и восстановление Польши на республиканских началах. Богатая шляхта, аристократия, буржуазия и часть интеллигенции с победой России связывали возрождение Польши. За участие в Крымской войне надеялись получить для Польши прежние свободы. Характерна судьба поляков, которые, как Ромуальд Траугутт, были высокими офицерами царской армии, воевали против венгерского восстания 1848 г., получили ордена за успехи в обороне Севастополя. Траугутт потом стал диктатором январского восстания. Другой поляк, Михаил Чайковский, стал мусульманином и садык-пашой в турецкой армии. На стороне турок он воевал с Россией и сумел уговорить старообрядцев -некрасовцев участвовать против России в Крымской войне, войти в состав Славянского легиона.

Основная часть доклада будет посвящена объяснению причин поведения избранных поляков по отношению к Крымской войне.

Коловский Д.И.

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСКАЖЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Аннотация. Автор проводит параллель между методами ведения холодной войны, а также приемами формирования общественного мнения при освещении конфликта на Юго-Востоке Украины.

Ключевые слова: информационная война, холодная война, конфликт идеологий, приёмы искажения и замещения информации, конфликт на Юго-Востоке Украины.

Kolovsky D.I.

TECHNIQUES AND METHODS OF DISTORTION AND SUBSTITUTION OF INFORMATION ON THE EX- AMPLE OF THE CONFLICT IN THE SOUTH-EAST OF UKRAINE

Abstract. The author draws a parallel between the methods of waging the cold war, as well as the methods of forming of public opinion in the coverage of the conflict in The South-East of Ukraine.

Keywords: information war, cold war, conflict of ideologies, methods of distortion and substitution of information, conflict in The Southeast of Ukraine.

С развитием новых компьютерных технологий, а также повышения роли информации, в мире появился еще один вид вооруженного конфликта – информационная война. По сути, этот вид «боевых» действий ничем не отличается от привычных нашему пониманию войн. Те же армии, те же генералы и маршалы, практически идентичные вооруженные бойцы, такие же скрупулезные проработки стратегий и операций.

В условиях информационной войны ряды «военнослужащих» пополняют представители вполне мирных профес-

сий: журналисты, политологи, социологи, политики, блогеры.

Наиболее известным и ярким примером такой войны принято считать «Холодную войну», которая длилась с 1947 по 1991 год и включила в себя несколько знаковых событий, как для стран участниц, так и для мировой истории в целом.

Однако решающую роль в ней играла, безусловно, война информационная. Конфликт идеологий произвел информационную революцию, отразившись практически на каждом человеке в той или иной степени.

Прошло около 15 лет, и мы вновь видим, как машина информационной войны вновь набирает обороты, окрашивая мир красками недомолвок и искажения действительности. Только теперь это еще более совершенная и более смертоносная техника.

В данном докладе речь пойдет о приемах искажения и замещения информации, которые были изобретены человеком, а также наглядные исторические примеры их использования в период холодной войны.

Кроме того, в докладе мы постараемся провести параллель между методами «ведения» холодной войны, а также приемами формирования общественного мнения при освещении конфликта на Юго-Востоке Украины, выявить точки соприкосновения и на основе этого сделать выводы.

Кузнецова Л.М.

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОЛГОВ В РОССИИ

Аннотация. В условиях турбулентно изменяющейся рыночной среды перед регионами остро встают проблемы выхода из кризисного состояния, восстановления платежеспособности, достижения уровня финансовой устойчивости. Одним из способов финансового оздоровления регионов является реструктуризация их задолженности.

Ключевые слова: программа реструктуризации, бюджетные кредиты, реструктурируемый долг, федеральные займы, закредитованный регион.

Kuznetsova L. M.

ANALYSIS AND PROSPECTS OF RESTRUCTURING OF RETAIL DEBTS IN RUSSIA

Abstract. In conditions of a turbulent changing market environment, the regions face acute problems of getting out of the crisis, restoring solvency, and achieving financial stability. One of the ways of financial rehabilitation of the regions is to restructure their debts.

Keywords: restructuring program, budget loans, restructured debt, federal loans, a credited region.

В современных условиях процесс реструктуризации становится объективной необходимостью, обеспечивающей конкурентоспособность и выживание. Таким образом, в зависимости от типа структурного среза системы возникают и задачи проведения соответствующих им изменений [5].

Долги регионов давно обсуждаются в российской экономической повестке. Налоговая политика в стране построена таким образом, что редкий субъект федерации способен выполнять свои обязательства без поддержки федерального центра [4]. Часты случаи, когда под повышенные социальные обязательства приходится брать в долг. Это очень опасная практика, ведь впоследствии только единицы способны их погасить, чаще долги нарастают. С каждым годом у регионов уходит всё больше средств на обслуживание долгов и все меньше денег остаётся на развитие [3].

С 1 января 2018 года в России запущена программа реструктуризации бюджетных кредитов регионов. Ожидается, что срок ее действия составит 12 лет. В первые два года по программе будут предоставляться «максимально льготные условия», когда регионам нужно будет выплачивать каждый год только 5% своего долга. Таким образом, субъекты Феде-

рации смогут за два года «вызволить» 438 миллиардов рублей. Разница между действующей программой погашения регионами кредитов и предлагаемым графиком реструктуризации в 2018 г. составит 250 миллиардов рублей, а в 2019 г. она достигнет 117,6 миллиардов рублей. Например, Калужская область при новой программе погашения долга сможет высвободить дополнительно 15,7 миллиардов рублей в 2018 - 2019 годах, Смоленская область - 12 миллиардов рублей, Краснодарский край - 10,7 миллиардов рублей, Ульяновская область – 3,8 миллиарда рублей [6].

Реально это дополнительные деньги, дополнительная помощь регионам со стороны федерального бюджета. Российские субъекты смогут высвободить деньги и, таким образом, у них будут дополнительные ресурсы, с помощью которых они могут выполнить социально-экономические задачи, связанные с созданием новых рабочих мест, повысить уровень жизни граждан и решить вопросы транспортного обслуживания населения [2].

Однако у программы, которая фактически еще не заработала, уже нашли изъяны.

Во-первых, она касается только кредитов из федерального бюджета. Они будут реструктурированы, но не займы банков. Во-вторых, некоторые обязательства кажутся непосильными. Запрет на привлечение новых кредитов заставит задуматься о том, где брать деньги. Для ряда регионов заимствование - единственная возможность латать бюджетные дыры. Видимо, придется потуже затянуть пояса и искать резервы.

Размер государственного долга Орловской области составляет 16,03 миллиарда рублей, верхний предел установлен в размере 18,3 миллиарда рублей. В ближайшее время он не изменится, и кредиты в 2018-2020 годах привлекаться не будут. В Орловской области госдолг за последние четыре года вырос вдвое. Власти брали займы на погашение дефицита бюджета. Задолженность достигла объема собственных доходов. И это далеко не местная проблема. По данным правительства, рыночный долг, то есть взятые в банках коммерческие кредиты, уже превысил один триллион рублей. Он со-

ставляет почти половину совокупного госдолга субъектов РФ.

В некоторых регионах задолженность перед банками превышает 50 % обязательств, а порой и годовой доход. К таковым относятся Костромская и Орловская области, где рыночный долг составляет 121 и 66 % объема собственных доходов. Схожие трудности испытывают Астраханская и Волгоградская области, а также Кабардино-Балкария. Им решено помочь в первую очередь. Объем кредита составит порядка 60 миллиардов рублей. Он необходим для того, чтобы коммерческая задолженность находилась на уровне не более 50 % от собственных доходов [6].

Правительство направит в нуждающиеся регионы целевые кредиты для замещения коммерческих обязательств. Будет запущен механизм перекредитования [1], хотя он полностью и не решит проблемы областных властей. Например, на Орловщине банковские займы достигли уровня 11,3 миллиарда рублей. За счет целевого кредита удастся заместить лишь часть этой суммы.

По данным Минфина, в ЦФО на 1 октября 2017 года совокупный долг составил 476,93 миллиарда рублей. Для сравнения: на 1 июля текущего года показатель был 479,5 миллиарда. Учтены не только бюджетные и банковские займы, но и обязательства по облигациям - государственным ценным бумагам, выпущенным в рамках программ внутренних заимствований.

Шесть регионов ЦФО пока не воспользовались этим достаточно эффективным механизмом привлечения средств. Собственных ценных бумаг нет в Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Курской и Орловской областях. Впрочем, последняя сейчас готовится к первому в своей истории выпуску облигаций на 5 миллиардов рублей, за счет него планируют сократить расходы на обслуживание долга. Орловская область уже выбрала банк, который поможет реализовать облигации. Вознаграждение составит 5 миллионов рублей. За счет выручки от продажи облигаций будет погашена почти половина коммерческих кредитов. Это снизит

годовые расходы на обслуживание госдолга примерно на 70 миллионов рублей.

В каждом регионе своя кредитная история. Так, Воронежская область сумела сократить объем госдолга на 32 %, к началу 2017 года он составлял 35,9 миллиарда рублей, а на 1 октября - 27,2 миллиарда. При этом банковских займов у области пока нет. Бюджетные обязательства составляют около 21,2 миллиарда рублей, еще 6,0 миллиардов - это задолженность по ценным бумагам. Каждый регион сам решает, как погашать долги. Кто-то делает ставку на выпуск облигаций и фактически занимает деньги у своих жителей, а кто-то ищет более дешевые коммерческие займы.

Федеральная программа реструктуризации позволит подвести черту под прошлым, и в будущее регионы войдут практически на равных условиях. Вопрос в том, удастся ли им удержаться в числе участников. Соблазн позаимствовать в банке деньги для решения острых проблем не исчезнет. В Орловской области, например, объем бюджета по доходам на ближайшие три года запланирован на уровне 28 миллиардов рублей, а объем расходов в 2016 и 2017 годах составляет около 31 миллиарда. То есть предстоит на чем-то экономить по 3 миллиарда рублей в год. Плюс надо учесть факторы, ежегодно "выедающие" бюджет, например, инфляцию и выполнение обязательств по поэтапному повышению зарплат работникам бюджетной сферы.

Орловские власти запланировали бездефицитный трехлетний бюджет. Но, если дефицит появится, его придется погашать. До сих пор единственным стабильным источником считались банковские кредиты. С 1 января 2018 года брать их будет нельзя. Чиновникам придется порядком поломать головы. К тому же существуют и другие серьезные риски. Например, такой показатель, как прибыль предприятий, на 2018 год в проекте бюджета Орловской области запланирован с ростом в два процента. При формировании бюджета на 2017 год рост планировался в размере 2,7 %. Но в реальности по итогам года ожидается снижение объема прибыли на 0,6 %. То же самое касается индекса промышленного производства. В 2017 году рост должен составить 1,9 %. Однако на

данный момент региональный ИПП примерно на такую же величину отстает от прошлогоднего уровня. Промышленности потребуется совершить невероятный рывок, чтобы оправдать прогнозы [6].

Подобные риски зачастую и ставят областные власти перед непростым выбором: брать кредит или не брать. Прогнозов много, но в каждом регионе вариант исполнится только один.

Литература

- 1.Балашов, А. Теоретические основы реструктуризации организации: учебное пособие. — М.: Инфра-М, 2016. — 257 с.
- 2.Камара Нфа Каба. Понятие реструктуризации предприятия и классификация видов реструктуризации предприятия // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ», том 8, №6 (2016).
- 3.Климашина, В. В. Реструктуризация предприятий: мировой и отечественный опыт [Текст] / В. В. Климашина, Е. А. Иванова, Д. А. Максимов // Экономическая наука сегодня: теория и практика : материалы VI Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 24 март 2017 г.). — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. — С. 52–55.
- 4.Коротков, Э. М. Антикризисное управление : учебник для бакалавров / Э. М. Коротков. — М.: Издательство Юрайт, 2014. —142 с.
- 5.Сулаймонов Б. А. Реструктуризация предприятий на современном этапе // Молодой ученый. — 2016. — №10. — С. 894–896.
- 6.АКРА (АО) [RU] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.acra-ratings.ru/about> (дата обращения 05.01.18).

Кузьмина Т.Г.

**ПОЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ МИНУСИНСКА НАЧАЛА XX ВЕКА:
С. Я. ПОЛОТЫНСКИЙ**

Аннотация. Статья посвящена одному из выдающихся деятелей культурно-музыкальной жизни Минусинска начала XX века, представителю польской интеллигенции в Сибири С. Я. Полотынского. Основываясь на раритетных архивных и других исторических, как русских, так и зарубежных источниках, автор статьи последовательно раскрывает новые, ранее не опубликованные, факты его жизни и творчества. В статье показано, что деятельность Полотынского как композитора, писателя, флейтиста и дирижера имеет большое значение не только в истории культуры Польши, но также России и Австралии.

Ключевые слова: Сибирь, Минусинск, интеллигенция, поляки, музыка.

Kuzmina T.G.

THE POLISH INTELLIGENTSIA IN THE MUSICAL LIFE OF MINUSINSK FROM THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY: S. YA. POLOTYNSKY

Abstract. The article is dedicated to one of the outstanding figures in the cultural and musical life of Minusinsk at the beginning of the 20th century, to the representative of the Polish intelligentsia in Siberia, S. Ya. Polotynsky. Basing on rare archival and other historical sources, both Russian and foreign ones, the author of the article consistently reveals new, previously unreleased, facts of his life and music career. The article shows that the activity of Polotynsky as a composer, writer, flutist and conductor is of great importance not only in the history of culture in Poland, but also in Russia and Australia.

Keywords: Siberia, Minusinsk, intelligentsia, Poles, music.

Роль польской интеллигенции в формировании и развитии профессионального музыкального искусства в Красноярском крае, шире – в Сибири, трудно переоценить. С одной стороны, на это указывает целый ряд научных исследований, посвященных культурной деятельности поляков в Сибири, в частности, С. В. Леончика, Н. Н. Скоробогатовой, В. Я. Оплаканской, Б. Ендрыховской, В. Сливовской и многих других [5 – 8]. С другой стороны – это биографические факты, ставшие сегодня общеизвестными, как, например, трагически оборвавшаяся по вине большевиков жизнь поляка В. П. Косованова, выдающегося музыканта Красноярского края, основателя Красноярской государственной филармонии [см. об этом: 1, с. 60].

Большой вклад в концертно-музыкальную жизнь Минусинска внесли выдающиеся польские музыканты, «свободные художники» и композиторы, общественные деятели Стефан Янушевич Полотынский, Болеслав Нарциссович Войцеховский [о нем подробно см.: 5] и др. В Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова сохранилась афиша Симфонического концерта, в котором принимал участие Полотынский. Большой симфонический концерт под эгидой Минусинского Профессионального Союза музыкантов состоялся 9-го мая 1918-го года [2]. Руководителем данного концерта, как значится в афише, был «свободный художник и композитор», дирижер, флейтист Стефан Янушевич Полотынский. В этом концерте также принимали участие Б.Н. Войцеховский – оперный певец (бас), пианисты Ф. Алексеев и М. Герасимова, а также симфонический, духовой оркестры и «австрийский квартет».

Однако вплоть до настоящего времени, в современном российском музыкознании о С. Я. Полотынском ничего не было известно. Основываясь на раритетных источниках Архива Союза Сибиряков в Варшаве, польском Биографическом словаре и афишах Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова удалось установить основные факты его жизни и творчества.

Стефан Янушевич Полотынский – композитор, дирижер, флейтист, публицист, основатель первого польского журнала

в Австралии [9, с. 353-354]. Родился 24 июня 1895 г. в Кракове, в семье Яна и Стефании Грабовских, известен также по фамилии de Полотынский. Обучался в гимназии и частной музыкальной школе Яна Савецкого в Кракове по специальности «Флейта», хорошо играл на скрипке и фортепиано. В качестве флейтиста играл в Симфоническом оркестре в Варшаве, а также выступал в Москве под руководством небезызвестного польского дирижера, скрипача, композитора и педагога Эмиля Млынарского.

В январе 1913-го года под влиянием Юзефа Пилсудского Полотынский вступил в армию стрелцов. Принимал участие в собраниях «Общества милосердия» для заключенных, содействовал изданию журнала «Политический заключенный» в Кракове. Шестого августа 1914-го года, после начала Первой мировой войны, он отправился на фронт, где находился в кадровом батальоне. В августе 1914-го года он был взят русскими в плен, а в следующем, 1915-м году, вместе с 34-мя легионерами в качестве военнопленного был перевезен из крепости Киева в Сибирь, в Омск. В 1916-м году, с наступлением некоторых послаблений для поляков, получил разрешение организовать оркестр. Симфонический оркестр Полотынского состоял из 44-х человек, главным образом, пленных славян: поляков, чехов, сербов. Первый концерт этого коллектива состоялся в Омском городском концертном зале 6 декабря 1916-го года «с большим успехом» [см.: 9, с. 353-354]. В этот же, «сибирский» период своей жизни и творчества, вероятно, с 1916-го по 1920-й год, Полотынский периодически давал концерты и в Минусинске.

В январе 1919-го года Полотынский получил статус оркестрового офицера. Однако, вскоре после того, как в 1920-м году армия адмирала Колчака потерпела неудачу и капитулировала, Полотынский был вынужден присоединиться к группе солдат, бежавших через Монголию и Манчжурию в Японию, и поселиться в Австралии, Сиднее, где с 1924-го по 1926-й годы дирижировал одним из первых оркестров Австралийской радиостанции. В сентябре 1927-го года он переехал в Брисбен, где в качестве солиста играл в оркестре «Wintergarden», а также был помощником режиссера театра

«Tivoli». С 1933-го года он руководил церковным греческим и российским хорами, дирижировал оркестром австралийского радио «4QG», занимался музыкально-педагогической деятельностью.

Среди прочего стоит отметить, что Полотынский был талантливым композитором. Австралийские критики давали высокую оценку его творчества. Особенной популярностью пользовались такие его сочинения, как «Танец смерти» (ор. 12), «Сибирские прелюдии», «Польская фантазия» и «Музыкальный момент». Писал он так же увертюры, польские танцы, костельные песни и пр. Талант писателя – публициста Полотынского ярко проявился в его описании Сибири «From the Land of Death» («Из земли наших предков») и ряде статей, опубликованных на страницах журнала «The Muses' Magazine» и «Tygodniku Polskim».

Стефан Янушевич Полотынский – композитор, флейтист, дирижер, музыкально-общественный деятель мирового значения. Будучи поляком, сыграл важную роль не только в истории культуры Польши, но и внес неоценимый вклад в музыкально-художественную жизнь России и Австралии.

Литература

1. Аверин В. А. Музыкальная культура Красноярска. В 3 т. Т. 2: 1920 – 1978 / В. А. Аверин, Л. В. Гаврилова, В. А. Ваникова и др. ; отв. ред. Л. В. Гаврилова. – Красноярск: Красноярская государственная академия музыки и театра, 2011. – 608 с.

2. ВФ-513, №1-24. Афиши Минусинского государственного музея им. Н.М. Мартянова // архивные фонды Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова.

3. Григорьев В. Ю. Млынарский Эмиль / В. Ю. Григорьев // Музыкальная энциклопедия. В 6 т. Т. 3. – 1976. – С. 616-617.

4. Ефимова И. В. История музыкального образования в России: становление национальной традиции (XVIII – 20-е годы XX века): учебное пособие / И. В. Ефимова, Г. В. Баранова. – Красноярск: КГАМиТ, 2015. – 134 с.

5. Кузьмина Т. Г. Б. Н. Войцеховский: минусинский музыкант, педагог // Искусство глазами молодых: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. 09-10 апреля 2015 г., г. Красноярск / Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Красноярская гос. академия музыки и театра». – Красноярск. – 2015 г. – С. 104-106.

6. Оплаканская В.Я. Сибирь XIX века в мемуарах и воспоминаниях польских политических ссыльных: этнокультурный аспект / В. Я. Оплаканская // Мартыановские краеведческие чтения: сборник докладов и сообщений. Вып. IV (2005-2006 гг.). – Абакан. – 2007. – С. 246-249.

7. Поляки в Сибири: от повстанцев 1863 г. до современной Полонии: Коллективная научная монография под редакцией Сергея Леончика. –Красноярск, 2014. – 225 с.

8. Jedrychowska B. Dokumenty i materiały. Obraz polskich zesłańców w "Irkuckich Wiadomościach Gubernialnych (1863-1873)" // Przegląd Wschodni. T. V. – Z. 1 (17). – S. 141 Połotyński 156. [in Polish].

9. Paszkowski L. Połotyński Stefan (1895-1967) / L. Paszkowski // Polski Słownik Biograficzny. – T. 27. – S. 353-354. [in Polish].

10. Stefan Połotyński // Journal of Przewodniku Katolickim. – 1929. – N 47. – P. 698-699. [in Polish].

Лагутин О.В., Шентякова А.В.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Текст доклада подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.)

Аннотация. Современный мегаполис представляет собой конгломерат, который концентрирует экономические,

политические, финансовые, культурные, информационные и человеческие ресурсы. Потенциал развития крупных городов напрямую зависит от возможности привлекать и удерживать представителей молодого поколения. Молодежь является социально-демографической группой, обладающей набором ценностей и установок, которые еще не сформировались окончательно и подвергаются постоянному воздействию со стороны различных агентов социализации. В условиях информационного общества процесс формирования социального капитала молодого поколения отличается гибкостью и вариативностью. В результате эмпирического исследования были выделены формы и модели социального капитала, наиболее характерные для молодых горожан Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: мегаполис, социальный капитал молодежи, формы социального капитала, ценностные установки.

Lagutin O.V., Shentyakova A.V.

THE SOCIAL CAPITAL OF THE YOUTH IN MODERN MEGALOPOLIS: EMPIRICAL MEASUREMENT

Abstract. Economic, political, financial, cultural, information and human resources are concentrated in modern megalopolises. The potential for the development of large cities directly depends on the ability to attract and retain representatives of the younger generation. Values and attitudes of young people have not yet been fully formed and are constantly being influenced by various agents of socialization. Forming social capital of the younger generation is flexible and varied in the context of the information society. The forms and models of social capital, most typical for the young citizens of St. Petersburg, were allocated based on data analysis.

Keywords: Megalopolises, the social capital of youth, forms of social capital, values of younger generation.

На современном этапе развития общества отличительной чертой является высокий уровень урбанизации. Мегапо-

лисы, являясь крупнейшими городами мира, отражают уровень социально-экономического развития в своих странах: «Тем более имеются основания говорить об устойчивом развитии той или иной страны, чем более развиты в ней мегаполисы, чем больше их количество и чем устойчивее связи между ними» [1]. Современные мегаполисы концентрируют в себе все группы ресурсов (финансовых, административных, организационных, человеческих и др.), хозяйственные функции, занимают самые высокие ступени в иерархической структуре расселения. Высокая плотность населения, сложная полиэтническая и мультикультурная структура населения в условиях ограниченности ресурсов обуславливают постоянную потребность в совершенствовании моделей и практик межпоколенческого взаимодействия.

Санкт-Петербург является вторым по величине, после Москвы, городом России, четвертым городом в Европе (после Москвы, Парижа и Лондона). Географическое положение Санкт-Петербурга, его близость к европейским государствам, влияет на уровень самоорганизации, гражданской активности, ценностных установок и политических предпочтений горожан. В тоже время Санкт-Петербург является одним из ведущих культурно-образовательных центров России, чей имидж перспективного, мобильного и креативного мегаполиса очень привлекателен для амбициозной российской молодежи. Молодежь как особая социально-демографическая группа современного социума является объектом многочисленных междисциплинарных исследований как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. «По своей природе молодежь содержит определенный код преемственности поколений, обеспечивающий самовоспроизводство общества. Особенностью рассмотрения проблемы, на самых разных этапах развития социальной мысли было стремление найти универсальные характеристики и определения молодежи, ее индивидуальных и социальных детерминант функционирования и развития» [2]. Городская среда современного мегаполиса создает особые условия формирования социального капитала для представителей молодого поколения. Проблемы изучения социального капитала за последние 10

лет вошли в фокус как зарубежных, так и отечественных исследователей. Однако анализ публикаций по данной проблематике демонстрирует, что в большинстве случаев исследователи концентрируются, на системных и структурных факторах, не включая в анализ социальную базу и человеческие ресурсы. Общепризнанного, единого для научного сообщества определения понятия «социальный капитал» нет, каждый исследователь формулирует свое определение основываясь на работах П. Бурдье, Р. Патнэма, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы [3]. Социальный капитал является сложной категорией, которая соединяет в себе множество элементов таких как: социальные сети; нормы, правила, убеждения; социальные связи (контакты); гражданская и этническая идентичность; взаимная ответственность; благонадежность; социальное признание; отказ от преследования личных интересов [4].

Одной из ключевых проблем является возможность эмпирического измерения структурных элементов социального капитала и их взаимосвязей. Исследование структурной и когнитивных форм социального капитала молодого поколения в масштабе такого крупного мегаполиса как Санкт-Петербург позволит сделать эмпирический срез такого сложного феномена как социальный капитал в целом. А главное это дает возможность предсказывать поведение молодежи как социальной группы в определенных условиях различных сред и ее динамику. Цель нашего исследования – эмпирический поиск и определение структурной и когнитивных форм социального капитала молодежного сегмента жителей Санкт-Петербурга. В задачи исследования входило: выявление ценностных установок и идеологической идентификации молодежной группы респондентов с помощью методов многомерного шкалирования; с помощью факторного и кластерного анализа смоделировать отношения между государством и гражданским обществом через призму типов экономической политики государства и определить какая модель отношений предпочтительней для молодого поколения Санкт-Петербурга; выявить статистические зависимости молодежной группы респондентов с типами политического действия в защиту своих прав. В качестве эмпирической базы для ана-

лиза был использован ряд исследований за последние несколько лет в области изучения политического сознания жителей Санкт-Петербурга в ситуации системного экономического кризиса, выполненного на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований.

В результате проведенного исследования было выявлено несколько групп молодых петербуржцев, сформированных по ценностным ориентациям - это два «чистых» типа - лево-консервативный и право-либеральный. Для второго право-либерального типа характерна либеральная идеологическая идентификация. Также была определена группа молодежи «смешанного» типа с ориентациями центристского и либерально-консервативного свойства без четко выраженной идеологической идентификации.

Структурная форма социального капитала в нашем случае определена моделями отношений государственных и общественных институтов. Используя многомерные методы обработки данных, мы получили модели отношений государства и гражданского общества по критерию - «силы» и «слабости» субъектов взаимодействия характерных для молодежи. Первая модель определена группой «этатистов» - «сильное государство – слабое гражданское общество», сторонники которой скорее не удовлетворены уровнем жизни и склонны считать, что государство выражает в настоящее время интересы класса олигархов. С точки зрения политического участия данная группа не может стать кластером социально-политической активности. Вторая модель представлена группой умеренных «этатистов» - «умеренно сильное государство – умеренно слабое гражданское общество». По набору ценностных ориентаций эта группа относится к так называемому «смешанному» типу. Для этой группы характерно отсутствие какой-либо идеологической идентификации. По их мнению, в стране необходимо провести точечные реформы в экономической и политической сферах. Третья модель определена группой умеренных «деэтатистов» - «умеренно слабое государство – умеренно сильное гражданское общество», Групповая политическая активность этой части петер-

буржцев выражена умеренно и имеет либеральную идеологическую идентификацию.

Групповая политическая активность умеренных «этатистов» и умеренных «деэтатистов» имеет умеренную выраженность. Таким образом, можно утверждать, что это две наиболее перспективные группы молодых петербуржцев с контрарными политическими предпочтениями представляют серьезный кадровый ресурс политико-экономического поля региона. Она образована, с разными уровнями дохода, но имеющая традиционные для России набор ценностных ориентаций.

Литература

1. Федякин И.В. Политика формирования и развития мегаполисов в системе мероприятий государственный политики: политологический анализ отечественного и зарубежного опыта. / Диссертация на соискание уч. степени д. п. н. М. 2015. С.14.
2. Паршина В.В. Молодежь как особая социально-демографическая группа в социальной структуре общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-5. С. 114.
3. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2015. Вып. 4. С. 99-111.
4. Столбов В.П. К вопросу о социальном капитале в городской среде // Известия ВУЗов. Серия Экономика, финансы и управление производством. 2016. № 4 (30). С.71-72.

О. Макарий (Буга)

КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Процесс исследования глобального будущего невольно ставит вопрос о глобальном прошлом человечества, где могут быть сокрыты предпосылки универсализации культур и обществ, унификации политических теорий и мироописания в целом. В каких традиционных обществах различимы тенденции, подобные современным идеологиям? Именно в этом контексте уместно говорить о двух главных оппонирующих друг другу способах описания реальности: метафизической и богословской (теологической). В первом сам миропорядок указывает человеку на его место в универсуме, во втором - принцип нетождества человека ничему окружающему зовет его превзойти самого себя в поиске подлинных отношений, где именно инаковость творит единство.

Ключевые слова: глобализм, культура, тренд, метафизика, богословие, миф, политика, война, массмедиа, образование.

Fr. Makary (Buga)

CULTURAL TRENDS OF GLOBAL SOCIETY

Abstract. The process of researching the global future involuntarily raises the question about the global past of mankind, where the the universalization prerequisites of cultures and societies, the unification of political theories and the world description as a whole can be concealed. In what traditional societies are trends distinguishable, similar to modern ideologies? It is in this context that is appropriate to speak of two main opposing ways of describing reality: metaphysical and theological. In the first, the world order itself indicates a men's place in the universe, in the second, the principle of non-identity of a person to no one around him calls him to surpass himself in the search for genuine relations, where exactly otherness creates unity.

Keywords: globalism, culture, trends, metaphysics, theology, myth, politics, war, massmedia, education.

Последним шагом к формированию того, что мы можем назвать глобальным обществом, стало создание единого глобального информационного пространства, GLOBAL MEDIA POOL, где невидимое доселе обилие предлагаемой информации, при всей глобальности, несет на себе авторский след строгой избирательности. И то, что должно формировать вкус и образовывать желание потребителя, принято называть трендом.

Формированию этого мирового медиа центра, предшествовали мировые войны, (1,2,3 - четвертой же, не быти) на службу которым встали все существующие инфоресурсы. По мнению Виталия Куренного, все базовые принципы современных MEDIA, P.R. технологий сформировались в начале первой мировой войны и после этого не реструктурировались.

В период холодной фазы мировых войн, многие медиа выступали как носители высокой культуры и в тоже время способствовали деполитизации общества, дерационализации науки, всем тем, что уже принято называть войной с историей или симуляцией жизненного опыта, как формирование искусственных национальных идентичностей с целью приобретения новых военных союзников на пути формирования единого глобального общества на базе некогда культурных народов, приведенных в проварварское состояние. Естественно, что, глобальная культура несет в себе следы всех этих глобальных процессов, а современные культурные тренды следует рассматривать только в этом контексте.

Говоря о современных трендах, в строго академической среде, целесообразно задать вопрос о новизне и актуальности. Абсурдно говорить о подлинной актуальности в обществе со смешанным семантическим культурным полем и попросту с заваленной смысловой вертикалью. Здесь не действуют законы ни Английского утилитаризма, ни Американского прагматизма. IT DOESNT WORK! Многие исследователи культуры, на сегодняшний день, надо признать, это но-

сители идей, родившихся на диссидентских кухнях, еще в шестидесятых годах 19 столетия. Большинство идей, из интеллектуального гетто, не желавших мобилизоваться, на сегодняшний день являются хрупким фундаментом нашей гуманитарной науки. Поэтому, лишь отказавшись от утилитарности и прагматичности можно исследовать смешанные семантические поля современной культуры. По слову Аристотеля - чем точнее наука, тем менее она полезна (введение к Метафизике).

Сегодня мы определенно имеем потребность в формировании такой концептуальной основы, контуры которой были бы всегда различимы при наложении любых культурных матриц и смешанных топологий. Нам представляется уместным напомнить об устойчивых методах мироописания, которые, как два опонирующих друг-другу смыслообразующих начала лежат в основе всех базовых мировоззрений - метафизике и богословии.

Метафизика непосредственно констатирует сущее, как сущее которое есть, которое положительно, которое отражается в себе и в прямом созерцании, и в прямом рефлексировании. Но, главное в метафизике - это оригинал, опирающийся на собственное отражение. Отражение это доступно человеку, специфически умеющему созерцать. Метафизику характеризует универсальность, метафизику характеризует пафос тождества. Малое тождественно бесконечному, оно исчезает в нем, оно рябь на поверхности бесконечного. Поэтому инициатический путь в метафизике - это растворение в абсолюте.

Напротив, богословие – это драма нетождества. Богословие способно воспринимать абсолют как рок, как судьбу. Но, главное, богословие может отвергать абсолют, и как бесконечное, и как бессмысленное, и даже как безличное. Парадоксально, что древние Греки, от которых мы унаследовали метод метафизического описания мира, ненавидели бесконечность. Они полагали, что бесконечность может быть только отрицательной. И это естественно, ведь любая конкретность, предъявленная абсолюту, упраздняется им. Поэтому герой, бросающий вызов этому абсолюту, не имеет

никакой триумфальной перспективы. Именно поэтому Греческий герой трагичен, бросая вызов небу, абсолюту, колесу судьбы, он понимает, что ему не победить. Даже олимпийцы подвластны колесу судьбы. Рок ничтожит все. И именно богословие откровения дарит новое измерение победы. Ребром встает вопрос об индивидуальном нетождестве ничему из сущего, по образу и подобию Творца нетождественному ничему из сущего. Отсюда принцип непознаваемости Творца, но в то же время призывание к сотрудничеству с Ним и общению. Богословие характеризует пафос общения. И именно общение характеризует личность. Отсюда и абсолютная ценность каждого человека. Нельзя путать общение и общество, охраняющее человека от среды, отчуждающее друг от друга, отчуждающее человека от самого себя, от личности, то, что в Святоотеческой литературе называется мир, и чему противопоставляется Экклесия, избрание, Церковь.

Из всего этого видно, что разворачивающаяся сегодня мировая драма имеет и свои закономерности, и свои культурные предпосылки. В случае с метафизикой, к примеру, можно выделить несколько трендов. Таких как новые мифы о маленьких, брошенных, одиноких людях. Глорификация маленького человека, живущего в маленьком доме, едущем на маленьком автомобиле, не имеющего счастливой семьи, бездетного, ничему и никому не бросающего вызов. Зачастую лишаящегося даже имени и даже самой смерти. Бессмертие снова в тренде, можно сказать, то мы имеем дело с бессмертной культурой. Изначально культурой и было собственно то, как люди воспринимали смерть. Впервые в истории человечества мы сталкиваемся с таким понятием как массовая культура, которая принципиально не хочет признавать наличие смерти, люди, образовывающиеся в рамках поп культуры и поп науки, живут как бессмертные, поп политики живут в логике вечного мира. Трендовые дефамилизация и деполитизация общества предлагают человеку единственную перспективу - остаться непричастным к собственной жизни, быть высосанным подобно устрице и выброшенным на окраину того, что называется глобальное общество. Новый глобальный рок лишает героев будущего еще до их рожде-

ния, с помощью фьючерсов и разного рода капитализации еще не родившихся людей. Сами дети теперь не достойные семьи, но право, которое общество делегирует женщине в случае надлежащего уровня социализации. SAFETY.

Итак, можно сказать, что исследование современной глобальной культуры необходимо должно накладываться на онтологию. Именно в онтологической перспективе современные тренды предстают как новые одежды со старыми дырами. Говорим со старыми, так как вопрос об онтологическом статусе человека и был фундаментом европейской культуры. Апостол Павел в своем первом послании к Коринфянам, в третьей главе ясно говорит, что человек сотрудник Богу, этот онтологический статус человека, апостол называет фундаментом, а себя архитектором новой культуры, которая будет называться потом Европейской, где человек идентифицирует себя как сотрудник Бога. Именно кризис этой самоидентификации ведет к обесцениванию человеческой личности и растворению в безликом абсолюте. Я заложил вам этот фундамент, - продолжает апостол, -который и есть Христос, смотрите, что вы собираетесь на него городить. Нагромождая на него разное беспутство, вы растлеваете фундамент, и поэтому растлит вас Бог. То, что вы строите на этом фундаменте, будет испытано огнем. Святые отцы говорят, что это испытание смертью, безусловно, но некоторые из них настаивают, что это так же испытание огнем искушений, кризисов и скорбей.

Приходит ночь и человек разжигает огонь, в отличие от прочих животных, его нельзя идентифицировать ни как Лейбницевскую монаду, ни как номаду Жилия Делеза. Каждый человек без исключения личность, призванная к богосотрудничеству и богообщению. И именно в этом священном сотрудничестве рождается не современная, но вечная культура, не подавляющая, но окрыляющая человека.

Λитература

1. Gianaras Hristos. Person and Eros. - Brookline, MA: H.C. Press, 2008.
2. Gianaras Hristos. Postmodern Metaphysics. - Brookline, MA: H.C. Press, 2004.
3. Λουδοβίκος Νικόλαος. Ορθοδοξία και εκσυγχρονισμός: Βυζαντινή εξατομίκευση, κράτος και ιστορία, στην προοπτική του ευρωπαϊκού μέλλοντος. - Αρμός 2006.
4. Αγίου Συμεων Του Νεου Θεολογου “Εργα” Περιβολι Της Παναγιας.
5. Ellverson Anna-Stina. The Dual Nature of Man: A Study in the Theological Anthropology of Gregory of Nazianzus. Acta Universitatis Upsaliensis, 1981.
6. Γρηγόριον Παλαμά Συγγράμματα “Βίος Πέτρου του Αθωνίτου. Γραμμένο περί το 1334 είναι το παλιότερο κείμενο του Παλαμά. Στηρίζεται σε παρόμοιο έργου του μοναχού Νικόλαου του 9ου αι”.
7. Адорно Теодор. К логике социальных наук // Вопросы философии. – 1992. - № 10. - С. 34-56.
8. Caputo John D. “Philosophy and Theology. Abingdon Press, 2006.
9. Lazić Milorad. Pravoslavna Estetika Tela I Tajna Polnosti.
10. Генон Рене. Восточная метафизика. - М., 1999. – 456 с.
11. Агамбен Джорджо. Грядущее сообщество. – М. , 1990. – 358 с.

Марченкова Л.М., Самородова Е.М.

ΟΙΚΟΝΟΜΙΚΗΣΚΗ ΝΕΣΤΑΒΙΛΙΝΟΤΗΤΗ ΚΑΚ ΠΡΟΒΛΕΜΑ ΟΙΚΟΝΟΜΙΚΗΣΚΗΣ ΒΕΖΟΠΑΣΧΝΟΤΗΣ ΡΕΓΙΟΝΟΒ ΡΟССΙИ

Ανнотация. В статье проанализировано понятие экономической нестабильности и рассмотрено, как это влияет на экономическую безопасность регионов России. Кроме того, выявлены факторы, влияющие на экономическую безопасность, и предложены мероприятия по повышению

экономической безопасности регионов России.

Ключевые слова: Экономическая нестабильность, экономическая безопасность, угроза.

Marchenkova L.M., Samorodova E.M.

ECONOMIC INSTABILITY AS A PROBLEM OF ECONOMIC SECURITY OF REGIONS OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the concept of economic instability and considered how this affects the economic security of regions of Russia. In addition, the factors that affect the economic security and proposed measures to increase the economic security of Russian regions.

Keywords: Economic instability, economic security, threat.

На современном этапе развития экономики, вопрос о экономической нестабильности, стоит очень остро. Экономическая нестабильность характеризуется в неустойчивым состоянием экономики и составляющих ее элементов. Макроэкономическая нестабильность проявляется в колебаниях экономической активности, появлением безработицы, инфляции, в неэффективном использовании ресурсов, дефиците государственного бюджета и т.д.

Можно выделить ряд факторов, способствующих социально-экономической нестабильности экономики:

- непривлекательность национальной экономики для инвесторов;
- изменение политической ситуации в стране и регионах;
- неэффективная финансовая политика государства;
- ухудшение внешнеэкономической ситуации;
- военные конфликты;
- экономические кризисы.

В условиях экономической нестабильности, происходят значительные изменения в экономической жизни общества, поэтому возникает необходимость устранения потенциальных и реальных угроз, угрожающих социально-экономической устойчивости регионов России. Гарантия экономической безопасности является необходимым условием для стабильного развития национальной экономики. Проблемы обеспечения экономической безопасности России являются одними из важнейших проблем в настоящее время и привлекают огромный интерес общественности. Понятие «экономическая безопасность» объясняет способность соответствующих политических, правовых, экономических институтов государства защищать интересы своих ключевых субъектов в рамках национальных хозяйственных традиций и ценностей [4].

Экономическая безопасность регионов России имеет сложную структуру, немного схожую со структурой экономической нестабильностью. В ее состав входят такие элементы, как: высокий уровень развития экономики страны; возможности достойного уровня жизни и развития населения страны, социально-экономическая и военно-политическая стабильность страны; ресурсная обеспеченность; независимость национальной экономики; способность экономики страны к научно-технологическим открытиям, совершенствованию и постоянному развитию и т.д. [5].

Государственная стратегия экономической безопасности РФ это одна из составных частей национальной безопасности РФ. Указом Президента Российской Федерации в мае 2017 года была утверждена Стратегия Экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [1]. В стратегии дается следующее определение экономической безопасности: «экономическая безопасность» - состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [1].

Согласно стратегии, основные цели государственной

политики в сфере обеспечения экономической безопасности это обеспечение роста экономики и повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз. Так, к числу основных угроз и вызовов для экономической безопасности данная стратегия относит стремление развитых государств использовать преимущества в уровне развития экономики и высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции, использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов российской экономики, уязвимость российской финансовой системы, снижение спроса на энергоресурсы, технологическое отставание и несбалансированность бюджета [1].

В стратегии ставятся цели по обеспечению экономической безопасности. К данным целям относятся: повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних факторов и угроз, обеспечение экономического роста и поддержание научно-технического потенциала. Инструментами реализации данных целей стратегия называет:

- развитие системы государственного управления;
- прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики;
- создание условий для разработки и внедрения современных технологий;
- улучшение инвестиционного климата;
- деофшоризация экономики;
- совершенствование механизма ответных мер в случае применения санкций;
- оптимизация налоговой нагрузки на бизнес;
- повышение эффективности бюджетных расходов;
- преодоление зависимости от импортных поставок сложного оборудования и предотвращение рейдерских захватов.

Стратегия также предполагает создание национальной системы управления рисками, которая предполагает выявление и оценку существующих и потенциальных вызовов и угроз, а также планирование мер по реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

К показателям состояния экономической безопасности стратегия относит: индекс физического объема внутреннего валового продукта (ВВП), долю ВВП России в мировом ВВП, уровень государственного долга, долю высокотехнологичной продукции в ВВП и ряд других экономических показателей. Проанализируем показатели состояния экономической безопасности экономики России: в 2016 году ВВП России упал на 0,2% и составил 86 триллионов рублей. По данным ЦБ, по состоянию на 2017 год, объем совокупного внешнего долга РФ составил 518,7 млрд. долл. или 30,7 триллиона рублей, объем внутреннего долга составляет 40 триллионов рублей. Доля населения, имеющих доходы ниже прожиточного минимума составляет около 19,5 млн. человек. Исходя из этого можно сделать вывод, что экономическая нестабильность способствует возрастанию угроз экономической безопасности.

Таким образом, в целях укрепления экономической безопасности регионов страны, необходимо проводить политику по выравниванию социально-экономического развития регионов. Государство должно оказывать поддержку отдельным регионам за счет федеральных бюджетных и внебюджетных средств, кроме этого государство должно обеспечить необходимые условия для высокой производительности труда, производства качественной продукции и услуг.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [URL: http://www.consultant.ru/cons/rtfcache/LAW216629_20170419_171.rtf]. Дата обращения: 10 января 2018 года.
2. Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 года № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации». URL:

- <http://base.garant.ru/1548326/>. Дата обращения: 28 декабря 2017 года.
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/. Дата обращения: 28 декабря 2017 года.
 4. Волобуева Д. В. Актуальные вопросы экономической безопасности // Молодой ученый. — 2016. — №9.2. — С. 16-18. — URL <https://moluch.ru/archive/113/29141/>. Дата обращения: 26.12.2017.
 5. Петренко, И.Н. Экономическая безопасность России. Денежный фактор.-М.: Маркет ДС, 2012. - 240с.

Мишин В.В.

ВОЙНА КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Аннотация. В данной статье описаны великие научно-технические достижения, появившиеся во времена войны. Тема войны актуальна всегда, ведь даже в наше время войны происходят постоянно. Сама война как высший уровень конфликта имеет циклический характер, сейчас даже утопично приставить себе мир без войны, жертв и боли. Многие думают, что война несет только пагубный характер, что она только формирует регресс экономики, культуры и морали, но война и даёт свои плоды, без которых современный мир был бы совсем иным.

Ключевые слова: война, прогресс, регресс, научный, мир, разработки, человечество, государство.

Mishin V.V.

WAR AS A ENGINE OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS

Abstract. This article describes the great scientific and technical achievements that appeared during the war. The theme of war is always relevant, even in our time, wars happen all the time. The war itself as the highest level of conflict has a cyclical character, now even utopian imagine a world without war, victims and pain. Many people think that the war is only harmful, that it only forms the regression of the economy, culture and morality, but the war is bearing fruit, without which the modern world would be quite different.

Keywords: war, progress, regress, scientific, world, development, humanity, state.

Тема войны актуальна всегда, ведь даже в наше время войны происходят постоянно. Сама война как высший уровень конфликта имеет циклический характер, сейчас даже утопично приставить себе мир без войны, жертв и боли. Историками посчитано, что за весь путь человечества только 36 лет на Земле не было войн нигде. Все периоды развития человечества неизменно сопровождались войнами. Многие думают, что война несет только пагубный характер, что она только формирует регресс экономики, культуры и морали, но война и даёт свои плоды, без которых современный мир был бы совсем иным.

Известнейший биолог-эволюционист Ричард Докинз в своей книге-бестселлере "Эгоистичный ген" пишет, что война - один из самых главных факторов эволюции человека как биологического вида. Всё чаще возникают дискуссии, смысл которых примерно такой: "**Человечество никогда не** откажется от войн, ибо как только прекратятся войны, прекратится развитие..." Так ли это? Можно ли считать, что развитие человечества невозможно без войны?

Если рассматривать всё человечество с момента его появления в целом, то можно сделать вывод, что развитие про-

исходит непрерывно до наших дней и продолжается сейчас. Но нужно учитывать тот факт, что при развитии одного аспекта нашего существования, может регрессировать другой. Например, война – это культурный прогресс (военные песни, стихотворения, былины и т.д.), но также и культурный регресс (только лишь за период Великой Отечественной войны на оккупированной территории СССР были ограблены более 427 музеев (включая 173 в России); 1670 православных храмов, 237 католических церквей, 532 синагоги и других зданий, использовавшихся в религиозных целях, были разрушены или повреждены. В особенности уникальные архитектурные памятники пригородов Ленинграда (Санкт-Петербурга) были полностью разграблены или сожжены, включая Царское Село, Петергоф, Павловск, Гатчину, Ораниенбаум).

Но война также является и толчком для развития, одной из самых мощных мотиваций для объединения, направления и приложения усилий для достижения любой цели. Война есть совершенно необходимый социосистемный механизм, без которого невозможно развитие цивилизации в широком смысле. Эволюция идёт только на основе конкуренции и отбраковки, а конкуренция между обществами, начиная с племенного уровня, проявляется, в основном, в виде войны.

Вторая мировая война — эти три слова напоминают о долгих годах ожесточённого противостояния, которое развернулось на Земле в 1939-1945 г.г. Миллионы загубленных жизней, сотни тысяч раненых. Разрушенные города, утерянные произведения искусства, геноцид и Холокост — вот то, с чем ассоциируется эта война у многих людей. Помимо этой, безусловно, кровавой страницы в человеческой истории, Вторая мировая вывела науку на ведущие позиции. Одни из самых важных научных достижений на наше время – это современные компьютерные технологии и беспроводная связь.

Не самый широко известный, но всё-таки факт — прототипы современных компьютеров были созданы в ходе Второй мировой войны. Стоит отметить, что модель ЭВМ была предложена британским математиком Аланом Тьюрингом ещё в 1936 году. Разработка получила название «машина Тьюринга» и предназначалась для вычислений, основанных

на алгоритме — это то, из чего в будущем появится наука информатика.

Стороны, принявшие участие в войне, столкнулись с необходимостью обрабатывать огромный объём информации в сжатые сроки. Многие задачи, стоявшие перед военными, требовали гигантских человеческих затрат. А времени, впрочем, как и свободных людей, не хватало. Итогом этого стало то, что учёные четырёх государств вплотную приблизились к созданию компьютера.

В Германии в 1941 году Конрад Цузе создал вычислительную машину. Это чудо техники получило название Z3. Само устройство представляло собой более 2,5 тысяч телефонных реле и работало, основываясь на двоичной системе счисления. К примеру, Z3 с лёгкостью выполнял примитивные операции, и даже находил квадратный корень числа! По времени для каждого шага требовалось от одной до трех секунд. Прародителем жёсткого диска тогда стала перфорированная лента, на которой хранились данные. Программирование Z3 осуществлялось перфокартами.

Проект Тьюринга, упомянутого выше, не был оставлен без внимания. В 1946 году британцы создали свой первый компьютер. Устройство было названо Automatic Computing Engine, или сокращённо ACE. Переводится как автовычислительная машина. Внешнего носителя этот компьютер не имел, а вся заложенная программа хранилась внутри ЭВМ.

В 1945 году учёные США собрали ENIAC — электронный числовой интегратор и вычислитель. Он работал на основе десятиразрядной системы счисления. Неофициально этот компьютер называют представителем «нулевого» поколения, так как в будущем все машины имели двоичную, то есть чётную систему исчисления. Также в основе ENIAC были вакуумные лампы. Ещё долгое время они были важной частью любой ЭВМ.

В Советском Союзе были не менее великие умы, чем в Германии, Америке или Великобритании. Правда, советский компьютер появился на свет только в 1950 году, и был назван малой электронной вычислительной машиной. Руководителем проекта был знаменитый отечественный академик

Сергей Лебедев. Его труды легли в основу российской информатики. Люди, знавшие Лебедева и работавшие под его руководством, рассказывали, что идея создания ЭВМ приходила учёному в голову ещё до нападения Германии на СССР. Но с началом войны все силы советской науки были брошены на оружейную сферу. В ней Лебедев получил драгоценный опыт, позволивший осуществить сборку первого в СССР компьютера.

Wi-Fi, Bluetooth, ГЛОНАСС, GPS, сотовая связь — трудно сказать, когда такие технологии, уже привычные современному человеку могли появиться, если бы не Вторая мировая война. Уже к 1930 году авиация вышла на новый уровень развития. Военные самолёты стали быстры, как никогда, а их манёвренность поражала воображение. Казалось, что засечь стальных гигантов, повисших в воздухе, просто невозможно. Использование авиации могло переломить ход войны, если бы не создание радиолокации.

Прорыв произошёл в начале 1934 года. Ленинградские физики, уже два года исследовавшие радиолокацию, сумели засечь самолёт, летящий на высоте 150 метров и находившийся на удалении 600 метров от радара. На основе этого прибора ещё через два года была построена установка «Буря». Она видела самолеты на расстоянии до десяти километров! Это было существенное достижение.

Советские РЛС встретили начало Великой Отечественной войны в полной боевой готовности. На весь мир прославились отечественные РУС-1 «Ревень» и РУС-2 «Редут». Они засекали цель на дальности до 150 километров. Аналогов этим приборам ни у одной страны не было. Разработки в сфере радиолокации позволили армии СССР отразить тяжёлые атаки в первый день войны, а также отразить нападение немецкой авиации на Москву.

Похожие разработки велись и в других странах: Германии, Англии, США. Уже после войны долго продолжались споры о том, кто же всё-таки первым изобрёл радиолокацию. Авторитетные американские журналы считали это заслугой советских учёных, тогда как британцы утверждали, что именно они в 1940 году создали радар.

Без баллистических ракет человечество не могло бы и мечтать о покорении космического пространства. Одним из таких мечтателей был немец Вернер фон Браун. Он грезил о полётах в космос и даже разработал план освоения Марса. К сожалению, таланты фон Брауна были использованы нацистами в личных целях. Будучи выпускником Берлинского технического университета, фон Браун разработал первую в мире баллистическую ракету «Фау-2». Точнее, он — автор и руководитель проекта. Непосредственно разработкой занимались рабы из концлагерей, которых учёному предоставили в неограниченном количестве.

В 1944 году первая из этих бомб обрушилась на Англию. История распорядилась таким образом, что даже имея ракеты, гитлеровцы уже не могли сломить наступление союзников. Дальность «Фау-2» составляла более 300 километров, что довольно прилично по меркам середины двадцатого века.

Накануне капитуляции Германии фон Браун он со своими инженерами сдался США. Переехав в Америку, фон Браун стал одним из основателей местной программы по освоению космоса.

Сергей Королёв, патриарх отечественной космонавтики, в 1956 году сконструировал ракету Р-7, способную преодолеть 8 тысяч километров.

Война принесла в нашу жизнь мирный атом. Впервые атом урана расщепили немецкие физики Отто Хан и Фриц Штрассман, за год до войны — в 1938 году. Начало было положено, но эксперименты продолжались вплоть до 1942 года. В них участвовали учёные со всего мира.

В декабре 1942 года состоялся эксперимент, определивший дальнейшую судьбу атомной энергетики. Первый атомный котёл был построен и испытан нобелевским лауреатом Энрико Ферми.

Через десять лет, основываясь на результатах многочисленных опытов, был создан первый атомный реактор. А в 1954 году в СССР появилась первая атомная электростанция в городе Обнинск.

В данной статье перечислены только уже работающие на мирные нужды военные разработки. Однако милитаризм может преподнести нам еще немало изобретений.

Сама война, какого масштаба бы она не была, — страшная катастрофа в истории человечества. И все же, как это ни парадоксально, именно в эти жуткие годы лучшие умы планеты создали величайшие изобретения, без которых теперь нельзя представить комфортной и безопасной жизни. Многие важные изобретения появились именно тогда, и определили ход дальнейшего развития цивилизации.

Литература

1. Потапов, И. Н. Научно-технический прогресс и флот: моногр. / И.Н. Потапов. - М.: Воениздат, 2012. - 160 с.
2. Александров, А. П. Атомная энергетика и научно-технический прогресс / А.П. Александров. - М.: Наука, 2009. - 272 с.
3. Максаковский, В.П. Новое в мире. Цифры и факты. - М.: Дрофа, 1999. – 287 с.

Моравчикова Михаэла, Шмид Марек

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЦЕРКВЕЙ И ИХ АВТОНОМИЯ

*Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта VEGA 1/0254/16 *Financovanie cirkví a náboženských spoločností* (Финансирование церквей и религиозных обществ).*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о связи церквей с государственным бюджетом, финансировании церквей и религиозных общин, их роли в корреляции с моделями государственно-церковных отношений. Авторы исследуют основу этих отношений. В частности, внимание фокусируется на нейтралитете, толерантности и паритете. Рассматривается вопрос о дефиците государственного финансирования церквей и религиозных обществ. Проанализированы конкретные случаи государственного давления на церковь,

подчеркивается необходимость автономизации церкви, даже в тех случаях, когда она финансируется из государственного бюджета.

Ключевые слова: финансирование церквей и религиозных общин, автономия церквей.

Moravchikova Michaela, Shmid Marek

ECONOMIC SUPPORT OF CHURCHES AND THEIR AUTONOMY

Abstract. This paper considers the question of the connection of churches with the state budget, the funding of churches and religious communities, their places in their correlations with models of State-Church Relations. Also identifies the underlying basis of these relations. In particular, it concentrates on neutrality, tolerance and parity. It lists the scarcity of state funding for churches and religious societies. There are specific cases of state pressure on the church. It emphasizes the need for church autonomy even when financed from the state budget.

Keywords: financing of churches and religious communities, autonomy of churches

Введение. В Чехословакии в период с 1948 по 1989 гг. финансовое обеспечение церквей и религиозных объединений посредством прямой поддержки государства в виде средств из госбюджета зависело от решений партийного аппарата. Оно представляло собой эффективное средство элиминации официальных структур, представителей церкви и религиозных объединений при их деятельности в общественной сфере, при их культовой работе и пасторской деятельности. Национализация имущества в период существования социалистического государства не была для церкви первым опытом такого типа. Подобные вмешательства происходили в период реформации, просвещения, либерализма и нацизма во всех западно- и среднеевропейских государствах. Больше всего вреда такое вмешательство нанесло католической церкви, потому что остальные церкви и религиозные

объединения в средней Европе не обладали сопоставимой экономической базой. Коммунистические режимы в максимальной мере ограничили их экономическую автономию и максимизировали зависимость церкви от государства в виде «государственного финансирования». Секуляризация имущества церкви, произошедшая в период социализма, имела такой размах, что и сегодня, уже после проведения реституции церковного имущества во многих странах, мы можем констатировать, что полностью элиминировать ее нельзя.

Отражение этого факта, как и мера исправления ущерба, нанесенного церквям и религиозным объединениям, повлияла и продолжает влиять на исходные принципы при создании новых моделей экономического обеспечения церквей и религиозных объединений.

Церкви и религиозные объединения как особые субъекты права. Церкви и религиозные объединения часто считаются правовыми субъектами „*sui generis*“. Автономия церквей и религиозных объединений отражена в международных и европейских документах, конституционных законах и в основных конфессионально-правовых поправках государств.

Современный правовой порядок признает автономию церкви, поскольку индивидуальная свобода вероисповедания без нее была бы немыслима. В результате упразднения права на защиту коллективного аспекта религии произошло бы вытеснение религии в чисто частную сферу индивидуума. И хотя в этой сфере оно играет принципиальную роль, поскольку религиозные убеждения и вера являются внутренним личным решением, необходимой частью права на свободу вероисповедания должно быть и право индивидуумов объединяться для совместного осуществления вероисповедания в церквях или религиозных объединениях. Так же как для отдельных людей, и для церквей и религиозных объединений должна быть признана свобода от внешнего давления, которая выражала бы их автономию. Принцип автономии церкви находит свое выражение в максимально возможном ограничении вмешательства государства в деятельность церкви;

также внутренние дела религиозных субъектов нельзя подвергать судебному рассмотрению.

Принцип автономии церкви систематически включается в ст. 16 Хартии основных прав и свобод, которая регулирует право на свободу вероисповедания и является частью первого раздела второй главы Хартии, содержащей перечень основных прав и свобод человека. Из всех прав и свобод, регулируемых в этом разделе, оно единственное не имеет индивидуального характера и не относится исключительно к физическим лицам. Эта систематика подчеркивает важность автономии церквей и религиозных объединений, а также их неотъемлемость от права на свободу вероисповедания. Автономия церкви - не что иное, как коллективное выражение индивидуальной свободы вероисповедания, и коллективный аспект или коллективное право на свободу вероисповедания.

Степень церковной автономии наглядно отмечена в Ст. 16 Хартии, в которую законодатель включил вопросы управления церковью своими делами, создание собственных органов, установление духовных, монашеских и других церковных институтов, независимых от государственных органов. Таким образом, государство не вмешивается во внутреннюю структуру церкви, а церкви и религиозные объединения пользуются свободой в организации своей собственной структуры, а также в персональных вопросах иерархии и распределения мест в церковных учреждениях. Назначение духовенства является особым проявлением церковной автономии, когда в согласии со своими правовыми нормами церкви и религиозные объединения устанавливают (или не устанавливают) специфичную группу духовенства, условия для установления духовных лиц, то есть принятие в эту группу, а также решает, какое конкретное лицо станет духовным лицом. К автономии церкви также относится учреждение монашеских и других институтов. Несомненно, к собственно автономным действиям церкви и церковных объединений также можно причислить такие более широкие проявления религиозности, как религиозные действия, собрания, обучение пасторству, условия членства в церкви и т.п.[1].

Проявления автономии церкви необходимо принимать во внимание при рассуждении об экономическом обеспечении церкви и религиозных объединений. С одной стороны это адекватное материальное обеспечение главной непосредственной деятельности церкви, другой, присущей ей, деятельности и, одновременно с этим, обеспечение максимальной меры независимости от государства.

Главные принципы. Несмотря на то, что конфессиональный закон со сравнительной точки зрения, является одной из областей права, наиболее затронутых культурными и историческими факторами, все-таки существует общий исторический опыт, который помогает нам сформулировать основные принципы отношений между государством и церковью, включая ее экономическое обеспечение. Мы исходим из наследия иудейско-христианских европейских религиозных традиций, на которые оказывал влияние ислам региона Умма. Кроме того, частью нашего сообщества являются миноритарные религиозные общества, которые неоднократно связаны с крупными (многочисленными) религиозными объединениями в других частях мира и являются важным социальным фактором в структуре конфессионального права. Они также представляют собой элементы встреч и сотрудничества в рамках разных культурных кругов и религиозных традиций. Они являются важным элементом в движении от межкультурного к транскультурному [2].

При рассуждении об основных принципах экономического обеспечения церквей и религиозных объединений мы должны рассуждать о главных моделях отношений между государством и церковью, идет ли речь об исчезающей модели «государственной церкви» или о теократии Ватикана, Ирана, Саудовской Аравии или Индонезии. Систему, основанную на строгом отделении церкви от государства, мы видим во Франции (за исключением трех восточных департаментов) или Голландии. Систему отделения церкви от государства при современном признании различных областей общих интересов, мы видим в Италии, Австрии или Германии.

Несмотря на отличия, существуют конвергенции, которые характеризуются движением от закрытой или отрицательной латичности в направлении к открытой или позитивной латичности, которая представляет собой отделение церкви от государства при отсутствии государственной религии, но с одновременным признанием религии как важной части общественной жизни. Таким образом, открывается общественное пространство при помощи религиозного выражения, не вытесняя его во внутреннее личностное пространство. Государство активно стремится создать для церквей и религиозных объединений условия, позволяющие свободно функционировать в разных сферах общественной жизни.

Этим оно выполняет требование разрешения индивидуальных и коллективных, а также общественных проявлений религиозной свободы. Важно, что оно принимает этот принцип, в соответствии с которым церковь и религиозные объединения не должны быть исключены из обширной поддержки различной общественной деятельности [3].

Нейтралитет. Нейтралитет, равный подход и толерантность – это главные принципы европейского конфессионального права. Нейтралитет означает отсутствие какой бы то ни было идеологии или государственной религии, но не является государственным атеизмом и принуждением удаления любых религиозных элементов из общественного пространства [4].

Стоит задать себе вопрос, каким образом этот принцип применяется в отношении экономического обеспечения церкви и религиозных объединений. Обозначает ли он применение математических принципов при выборе подходящей модели финансирования церкви и религиозных объединений? Или имеется в виду религиозно-демографическая ситуация, исторические обстоятельства и социальное примирение? Он может представлять собой баланс между математической точностью и социальным примирением. Он использует принцип соответствия и отдает предпочтение слабым и малочисленным. Одновременно с этим он обращает внимание на другие обстоятельства (обязанности собственников памятников культуры, возрастную, образовательную и эко-

номическую структуру верующих в отдельных церквях, отражает радиус действия узлов и т.п.)

Толерантность. В настоящее время именно в связи с миграционными движениями слово «толерантность» переживает эпоху Возрождения. Но несмотря на это теоретики все чаще воспринимают его как пассивное, когда нечто воспринимается и принимается, то есть «(с)терпится». Для развития межрелигиозных отношений толерантность важна как необходимая, но недостаточная база для настоящего сотрудничества. По отношению к финансированию церкви и религиозных объединений, акцент делается на терпимости к мультирелигиозности или поликонфессионализму общественной среды, а также на требовании государства в процессе признания церквей и религиозных объединений к их принятию других церквей и религиозных объединений, иноверцев и тех, у кого нет никакой религиозной веры. Допускается применение этой модели, которая включает в себя потребности больших, мажоритарных церквей и малых, миноритарных церквей с учетом социального примирения, их потребностей и возможностей, и, одновременно с этим, учитывает соразмерность меры преференции.

Паритет. Как мы упомянули выше, модели отношений между государством и церковью отражают отделение церкви от государства при определенной мере общих интересов в областях общественной жизни. Мы имеем в виду определенное равновесие между обменом добром и наличием обязательств между субъектами. В рамках этого принципа государство признает незаменимое влияние церкви и религиозных объединений, и сотрудничает с ними на основе партнерского сотрудничества, причем не вмешивается в их внутренние дела.

В связи с паритетом мы ставим перед собой вопрос о том, какова в настоящее время роль церкви в обществе, и почему церкви и религиозные объединения и их деятельность представляют собой ценность для религиозно нейтрального государства. Встает также законный вопрос о дифференцированном паритете, особенно в связи с изменяющимися религиозно-демографическими картами стран и всего конти-

нента. Является ли решающим обстоятельством прошлое и произошедшая национализация церковного имущества, вызвавшая зависимость Церкви от государственного бюджета? Законно думать, как в случае Словакии Закон №. 218/1949 Св. законов об экономическом обеспечении церквей и религиозных объединений отражает вышеупомянутые основные принципы.

Подводные камни. Несомненно, самым большим риском финансирования государством церквей и религиозных объединений является потеря церковью независимости, традиционных, исторически сложившихся источников финансирования и, зачастую, необходимость ведения регулярных переговоров с государством, имеющих различные отклики в обществе и среди членов церкви. Секуляризация церковного имущества в Чехословакии перед 1949 годом сопровождалась и другими ограничениями. Закон 218/1949 в параграфах 2 и 7 установил институт государственного согласия и его необходимость для осуществления духовной деятельности. В параграфе 9 говорилось об обязательстве представителей церкви и управляющих церковным имуществом составлять и предъявлять бюджеты и итоговые счета на утверждение Государственному управлению по вопросам церкви. По закону государство осуществляло надзор за имуществом церкви. Патронат над костелами, пожертвованиями и церковными учреждениями перешел к государству, однако это не был патронат над сакральным и другим имуществом церкви. Законодательство привело к религиозным преступлениям и *numerus clausus* для клириков. После реституции недвижимости церкви и религиозные объединения обращали внимание на их неудовлетворительное состояние. В начальной фазе такое имущество представляло для своего владельца скорее обременение. Это касалось, прежде всего, памятников культуры, владельцы которых по закону обязаны заботиться о них.

Даже сегодня, и в странах без коммунистического прошлого, финансовая привязанность церкви к государству представляет определенные риски. Е.А. Кларк [5] обращает внимание на некоторые формы ограничения независимости

религиозных групп, которые могут возникнуть в результате их государственного финансирования. При этом он допускает адекватные мотивы такой модели финансирования, прежде всего, компенсацию ущерба, нанесенного в прошлом, усилия по их включению в структуры гражданского общества, которые финансируются государством, или деятельность, в которой они в значительной степени помогают государству выполнять его роль или заменяют его.

И в государствах, в которых существует отделение церкви от государства, мы находим много примеров сотрудничества между государством и церковью, государственного финансирования деятельности церкви, главным образом в области образования и социальных услуг. Автор приводит на удивление высокое количество исключений из принципа отделения церкви от государства, и случаи регулирования деятельности организаций, которые получают данные финансовые дотации. Речь идет или о прямом ограничении церкви и религиозных объединений в результате государственной поддержки как определенной отплаты, необходимости удовлетворить требованиям государства, или о включении в некие созданные государством категории. Так, требование «примарной религиозности» включает в себя воздержание от политического лоббирования или других общественно-политических действий. Например, Верховный суд США подтвердил право налогового управления снять с организаций, связанных с религией, статус освобождения от налогов из-за их религиозно мотивированных действий, противоречащих общественной антидискриминационной политике [6]. Приблизительно в одной трети штатов США религиозные объединения, получающие финансовую поддержку государства, не могут приоритетно брать на работу членов своей церкви с таким же вероисповеданием. Почти 13% университетов, которые каким-либо образом связаны с церковью и религиозными объединениями и получают от государства финансовые дотации, указало в опросе, что испытывает давление со стороны государства в направлении уменьшения религиозной деятельности или для использования недвижи-

мости в других, нежели религиозных, целях (по требованию представителей гос. власти).

Кроме того, к тем религиозным учреждениям, которые дополняют функции государства, предъявляется требование нейтралитета. Например, после легализации однополых браков в штате Массачусетс католические организации, которые помогали найти детям приемных родителей, решили прекратить эту свою деятельность.

На него также может оказывать влияние институциональный изоморфизм, когда церкви и религиозные объединения вынуждены менять внутреннюю организацию в соответствии с требованиями государства. Таким образом, церкви выбирают форму, предпочитаемую или требуемую регистрирующим органом. Это делает более легким доступ к государственным субсидиям и облегчает общение с государством. Он также принимается организациями, для которых его отсутствие вытекает непосредственно из характера субъекта. Чаще встречаются искусственно созданные организации разных течений одной религии. Иногда религиозные организации также включают в портфолио своей религиозной деятельности другую, не свойственную им деятельность, с целью приспособиться к существующим в обществе требованиям и отвечать условиям получения дотаций, что меняет их характер не по форме, а по содержанию [7]. Кроме перечисленных подводных камней существует еще целая шкала других, связанных с конкретными формами государственной поддержки посредством схем распределения дотаций.

Заключение. Мы полагаем, что кооперативная модель отношений между государством и церковью более чувствительна к попыткам государства прямо или косвенно влиять на церкви и религиозные объединения. Существующие договорные отношения между церковью и государством могут в духе *clara pacta – boni amici* устранить многие попытки руководить религиозной деятельностью и отношением церкви и религиозных объединений. Возмещение ущерба, нанесенного церкви и религиозным объединениям в период несвободы, хоть и частичное, посредством прямых финансовых дотаций из государственного бюджета, бесспорно оправдано. Однако

необходимым условием является ясное ограничение и сохранение автономии церкви. Это требование означает обеспечить религиозную свободу, включая автономию церкви, а также распоряжение церкви финансовыми средствами. Финансовая компенсация ущерба церкви из государственного бюджета не должна включать, например, бюджетирование объема финансовых средств для конкретной структуры данной церкви.

Сохранение независимости церквей и религиозных объединений является главным требованием к любой функционирующей модели отношений между государством и церковью. Несмотря на то, что приведенное требование кажется само собой разумеющимся, именно в связи с выполнением условий получения государственных дотаций на различные проекты и деятельность, для освобождения от налога дарения или от иных налогов и сборов, оно становится все более проблематичным. Речь идет главным образом о требовании, вытекающем из универсальных интересов государства – отсутствия дискриминации, гарантий безопасности, норм здоровья и др. Для церквей и религиозных объединений приспособление к этим требованиям часто является вопросом собственной идентичности и смысла продолжения деятельности. Признание церквей и религиозных объединений субъектами *sui generis* могло бы привести к более широкому использованию института религиозных исключений, чтобы под влиянием государственного регулирования и субсидий церковь не ощущала давления с целью изменения характера, формы и содержания ее деятельности.

Литература

1. KŘÍŽ, J. Nové výzvy pro náboženskou svobodu. In: SCHEU, H., CH. – KŘÍŽ, J. – DĚKANOVSKÁ, K. (eds.) *Právní postavení náboženských menšin*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Právnická fakulta 2013, c. 101.
2. MORAVČÍKOVÁ, M. *Ľudské práva, kultúra a náboženstvo*. Praha: Leges, 2014. c. 39 – 45.

3. ROBBERS, G. Stát a církev v Evropském společenství. In. ROBBERS, G. (ed.) *Stát a církev v zemích EU*. Praha: Academia, 2001, c. 356.

4. SHAHID, W., A., R., van KONINGSVELD, P. S. *Religious Freedom and the Neutrality of the State: The Position of Islam in the European Union*. Leuven: Peeters, 2002. 211 c.
FRANKEN, L. *Liberal Neutrality and State Support for Religion*. Berlin: Springer International Publishing, 2016, 211 c.

5. SEWELL, E., A. Štátne financovanie a nezávislosť náboženských skupín. In. MORAVČÍKOVÁ, M., VALOVÁ, E. (eds.) *Financovanie cirkví a náboženských spoločností v 21. storočí*. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkví, 2010, c. 12 – 16.

6. Bob Jones University v. United States, 461 U. S. 574 (1983)

7. SEWELL, E., A. Štátne financovanie a nezávislosť náboženských skupín. In. MORAVČÍKOVÁ, M., VALOVÁ, E. (eds.) *Financovanie cirkví a náboženských spoločností v 21. storočí*. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkví, 2010, c. 12 – 16.

Омельчук Д.В.

1917 – 1937. 1991 – 2011.

УМЕСТНО ЛИ СРАВНЕНИЕ?

Аннотация. В статье сравниваются первые два десятилетия – после 1917 и после 1991 годов на территории СССР и на постсоветском пространстве. Показаны сходные процессы, общие закономерности и некоторые особенности, характерные в послереволюционный период.

Ключевые слова: историческая память, топонимы, откат, патриотизм, декоммунизация.

**1917 - 1937. 1991 - 2011. IS IT APPROPRIATE TO
COMPARE?**

Abstract. The material compares the first two twenty years - after 1917 and after 1991 in the territory of the USSR and in the post-Soviet space. Similar processes, general patterns and certain features characteristic of the post-revolutionary period are shown.

Keywords: historical memory, toponyms, rollback, patriotism, decommunization.

То, что эти два исторических отрезка в истории нашей страны ознаменовались радикальными изменениями, сомнению не подлежит. Они проходили в разных условиях, но все же определенной сходство во многих процессах видится реальным. В частности, после максимализма первых послереволюционных лет, происходит некий откат, возврат к тому от чего еще совсем недавно решительно отказывались. Приходит понимание того, что как писал известный философ, «с грязной водой выплеснули и ребенка». Примеров тому предостаточно.

Утверждение нового общественного строя для обоснования своей легитимности, права на существование, требует решительного отмежевания от прошлого, разрыва с ним. События 1917 года положили начало новой эпохе. Даже термин «новейшая история», утвердившийся в отечественной науке, применительно к событиям XX и XXI века, отражает этот подход. Вся история до 1917 года, как ее представляли революционеры, была историей эксплуататоров: рабовладельцев, помещиков, капиталистов, царей. Поэтому все, что было «до», подлежало отрицанию и забвению. Даже память о нем надо было стереть по максимуму: памятники царям и их прислужникам – снести; преподавание старой истории – отменить. Утвердить все новое, пролетарское: памятник «Освобожденный труд»; города: Красноармейск, Сталино, Ленинград, Днепропетровск, Днепродзержинск. Настоящая история начинается с Октября и изучать ее надо как историю рево-

люционного движения. Долой Кутузова, Нахимова, Пушкина (дворяне). В тренде Блок, Маяковский. Вообще, все, что было до революции было объявлено бесполезным и вредным.

Но послеволюционная эйфория вскоре прошла. Мировая революция не состоялась. Надо было самостоятельно решать задачи выживания. Оказалось, что у победившего пролетариата не для этого знаний, опыта управления хозяйством, страной. Пришлось, сцепив зубы в классовой ненависти, приглашать «бывших», как их называли, «буржуазных специалистов». Начинать с чистого листа оказалось невозможным, как и полностью отказаться от своего прошлого. Каждый камень прошлого – это ступень в будущее народа – гласит китайская поговорка. Вернули преподавание истории. Была она, правда, очень идеологически выдержанной. Особенно это проявилось после издания «Краткого курса истории ВКП(б)», ставшего концептуальным стержнем общественных наук на все последующие десятилетия. Стали снова издавать Пушкина, позднее пересмотрели некоторые названия улиц. В целях военно-патриотического воспитания стали использовать имена Д.Донского, А.Невского, А. Суворова, М.Кутузова, П.Нахимова. Частично реабилитировали даже нескольких царей: Ивана Грозного – за борьбу с внутренними врагами, Петра I – за возвышение государства Российского.

Откат произошел и в других сферах жизни: восстановили обязательную регистрацию браков, стали отмечать новый год, занавески на окнах перестали быть мешанством.

Очень схожие процессы наблюдались и в первые двадцать лет после падения советской власти. Стремление сделать перемены необратимыми, нет допустить реванша левых сил, мотивировали победителей действовать по-большевистски: пытаться разрушить до основания. На всем постсоветском пространстве началась война топонимов: теперь возвращали исторические названия: Петербург, Екатеринбург, Самара. Массово стали сносить памятники коммунистическим деятелям. Отказ от советского прошлого отразился и на отношении к Великой Отечественной войне. Раздавались голоса, что лучше было бы проиграть войну, «пили

бы сейчас баварское пиво». Причиной тому была беспредельно заидеологизированная официальная советская историография, скрывавшая многие неприглядные факты событий 1941 – 1945 годов. Но по закону маятника в раскрытии правды о войне, он настолько далеко ушел в обратную сторону, что старая неправда превратилась в новую ложь. Героев низвергли, а предателей возвели в ранг героев. Это произошло не только в ряде бывших союзных республиках, но и в России, где довольно массово нашлись поклонники РОА. Прокат и особенно телеэфир заполонили «правдивые» фильмы о войне, построенные по одной схеме: командиры – самодуры, политработники – дураки, а особи́сты – поголовно сволочи. Конечно, исключения были, например, фильм «В августе 1944», но снят он был в Белоруссии, где эта волна была наименьшей. Кампания по разрушению памятников героям Великой Отечественной, начавшись с западных районов бывшего СССР, докатилась до Грузии, не затронув Россию. Пересмотр истории особенно болезненно воспринимало старшее поколение, которое никак не могло смириться с тем, что главное дело их жизни – победа над фашизмом, оказалось перечеркнутым. Это ускорило уход из жизни многих ветеранов.

Откат произошел и здесь. Он не мог не быть. Одним из проявлений стало движение «Бессмертный полк». Началось все с того, что в 2002 (или 2003 году – точнее установить уже невозможно) на параде в День Победы в Севастополе в колонне ветеранов прошла женщина в трауре, которая несла мундир с орденами и фотографию мужчины в военной форме. Вероятно, ветеран готовился к этому событию и умер буквально за несколько дней. На следующий год людей с портретами своих близких участников войны стало больше. Сегодня, в 2018 году это поистине всенародное движение, которое распространилось фактически на все постсоветское пространство. Оно набирает размах даже там, где власти всячески препятствуют этому. И что особенно значимо – в нем массово участвуют молодые люди. Заметны изменения и в кинопродукции: война в них более реалистична. Правду о войне несут и новые мемориальные комплексы, появившиеся

в последние годы: на Поклонной горе в Москве, 35-я батарея в Севастополе, Мемориал жертвам фашизма на территории бывшего совхоза «Красный» в Симферополе, диорама в Петербурге.

Позиции переписывателей истории еще не сломлены, особенно в ряде бывших союзных республик. Находит это выражение, в частности, в так называемой декоммунизации, призванной окончательно стереть в народной памяти все, что касается советского периода истории. Кампания, которая продолжается уже не первый год, вышла за рамки непосредственно декоммунизации – переименовывают даже то, что к коммунизму не имеет никакого отношения, часто просто упоминает о России. Складывается впечатление, что все эти действия рассчитаны на маргинальную часть общества (достаточно вспомнить кадры плясок и диких восторгов безумствующей толпы возле поваленного памятника Петровскому в городе, тогда еще носившему его имя). Кроме этого, шумная декоммунизация призвана отвлечь общественное внимание от нерешенных и нерешаемых проблем социально-экономического характера, переключить внимание масс на политически безопасные для новой элиты темы.

Как и после революции 1917 года, так и после распада СССР резко возросла эмиграция. Только в 1917 году она носила классовый характер, а после 1991-го экономический и во многом национальный (немцы, евреи). В обоих случаях происходила деинтеллектуализация страны. Усугубляли ее и внутренние факторы. Разница в эмиграционных процессах состоит в том, что с конца 20-х годов попытки покинуть страну Советов рассматривались как государственное преступление, пресекались и карались как контрреволюционная деятельность, а нынешние власти только вот втором десятилетии XXI века наконец озаботились потерей квалифицированных кадров и стали принимать меры к закреплению специалистов у себя, а также пытаются вернуть ранее выехавших. Однако судя по количеству избирательных участков для голосования по выборам Президента России за рубежом, (в 145 странах) наших соотечественников там сотни ты-

сяч. Это не считая сменивших гражданство. Так что об успехах на этом поприще говорить рано.

Преподавание истории (и других общественных дисциплин) в отличие от 20-х годов не отменили, но содержательная сторона изменилась и существенно: весь советский период преподносится преимущественно в негативном контексте. Упор делается на насилие, террор, голод, тоталитарную форму правления, т.е. на пороки системы. Следует признать, что такая концепция не появилась в одночасье и после 1991года. Ее основы были заложены ранее, в период перестройки и гласности. Свою задачу ученые, писатели, журналисты поначалу видели в том, чтобы очистить советскую историю от лжи, сокрытия правды. Они писали о многих нелицеприятных фактах в истории страны и целью виделось «очищение социализма». Однако ликвидация «белых пятен» приняла такой размах, что к концу 1980-х переросла в тотальную критику всего советского, а затем перешла в фазу отрицания социалистического выбора вообще. Вкупе с резким ухудшением материального положения населения страны, это стало одним из факторов развала СССР.

Отказавшись от социализма в качестве ориентира, был избран иной путь развития. Началось массовое копирование всего западного. Однако либеральные ценности в условиях совершенно иной ментальности населения приживались плохо, но реформаторы упорно пытались разрушить все то, что было наработано годами, во многом доказало свою жизнеспособность. Коснулось это и системы образования. Сама советская концепция была объявлена негодной. Начались структурные реформы. Как грибы после дождя стали появляться колледжи, гимназии, академии. Количество университетов выросло многократно. На деле в большинстве случаев сменились вывески без принципиальных перемен в содержании. Как великое достижение внедрена была болонская система. Рыночные отношения, навязанные образовательным учреждениям, начали разрушать систему как ржавчина металл. Как результат – резкое снижение требований и падение качества подготовки специалистов. Печальные последствия начали проявляться позже, со сменой поколений, особенно

тогда, когда после затяжного кризиса, началось экономическое оживление. Оказалось, что людей с дипломами предостаточно, но специалисты в дефиците. Тревожные голоса наконец-то были услышаны, но реальные шаги по исправлению положения дел еще не сделаны. Но оптимизм вызывает, по крайней мере, возрастающее понимание того, что не все было плохо ранее и разумно было бы к нему частично вернуться как в организационном, так и в содержательном плане. Речь идет не только о профессиональной стороне дела, но и о нравственной. Гуманистические идеалы социализма отброшены, их место занял культ наживы, богатства. В жизнь вошло поколение, фактически лишенное ценностных ориентиров, с ослабленной исторической памятью, особенно в элитных группах. А ведь это те, кому управлять страной в ближайшие годы.

Что брать из прежнего опыта, а от чего все-таки отказаться? Этот вопрос не решен поныне. Кто должен принимать решение? Некоторые шаги делаются. Например, известный Указ Президента о необходимости усиления патриотического воспитания в стране. Упор в нем делается на пропаганду героического прошлого народа и, в первую очередь, в годы Великой Отечественной войны. Шаг в правильном направлении, начинать надо со знания истории, с гуманитарных наук, а с этим есть проблемы. Знание истории оставляет желать лучшего. Откуда знания? Из книг В.Суворова? Фильмов типа «Бронепоезд»? Или со школы? О престиже образования и людей в нем работающих сказано выше, так еще и из вузовских программ историю убрали, да и науки об обществе выдавливают. Одними движениями поисковиков, реконструкторов и «Бессмертным полком» не обойтись. Но одного примера подвига в Великой Отечественной недостаточно. На одном этом воспитывать новое поколение сложно. Необходимы соответствующие примеры из современной жизни.

Разумеется, параллели между двадцатилетиями можно проводить и в других сферах, в экономике, например. Первоначально стремление ликвидировать крупное производство, показать преимущества индивидуального (ликвидация помещичьего землевладения и роспуск колхозов), а затем воз-

врат к крупным формам хозяйствования как более эффективным. Похожая ситуация и с армией. Сначала «розовые очки», а затем возврат к суровой реальности.

Есть и обратные примеры: с церковью, например. В первом случае – подавление и вытеснение из общественной жизни, во втором – ренессанс. Другое различие: после революции 1917 года был взят курс на достижение социального равенства, а после 1991 –го социальное неравенство взлетело до невероятных размеров.

Список сокращений:

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков.

РОА – Русская Освободительная Армия.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

Парахина В. Ю.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И КНЯЖЕСТВА МОНАКО

Аннотация. В данной статье рассматриваются примеры исторического взаимодействия Республики Крым и княжества Монако, согласно сведениям, собранным из архивов по деятельности рода Гримальди на полуострове Крым.

Ключевые слова: Республика Крым, княжество Монако, род Гримальди.

Parakhina V. Yu.

«HISTORICAL INTERACTION» OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE PRINCIPLES OF MONACO

Abstract. This article examines examples of historical interaction between the Republic of Crimea and the Principality

of Monaco, according to information collected from the archives on the activities of the Grimaldi clan on the peninsula of Crimea.

Keywords: the Republic of Crimea, the principality of Monaco, the genus Grimaldi.

Взаимоотношения России с внешним миром являются важным фактором в разностороннем и в разноуровневом развитии страны. Сегодня в особенности важно уметь рассматривать и находить точки соприкосновения, которые часто уходят корнями глубоко в историю.

На сегодняшний день можно считать актуальным сравнение Республики Крым с княжеством Монако. Так сопредседатель «Деловой России» и оргкомитета Ялтинского международного экономического форума (ЯМЭФ) Андрей Назаров заметил, что Крым может превзойти экономику княжества Монако уже к 2030 году [2]. Стоит отметить важность осуществления данного заявления в целях оправдания имиджа региона Республики Крым как самого молодого субъекта Российской Федерации. Потенциал Крыма заключается в таких секторах как: туризм, финансовый сектор, фармацевтическая и химическая промышленность, аграрный сектор. Для выхода на высокие экономические показатели необходима не только поддержка российского бизнеса Крыму, а также «толчок» с помощью «благоприятных» примеров. Стоит заметить, что именно княжество Монако в данном случае может служить тем самым примером высокого экономического развития. Хочется отметить, что данные два региона имеют связь, уходящую глубоко в историю.

Так согласно О.В. Барабанову, в комплексе архивных документов юридического характера за период XIII-XV вв., хранящихся в Государственном архиве Генуи, в Княжестве Монако и архивных коллекциях в Санкт-Петербурге были обнаружены сведения о деятельности в Причерноморье рода Гримальди (княжеских представителей монегаски).

Город Каффа в Крыму (нынешняя Феодосия) являлся одной из крупнейших генуэзских колоний того периода. Главной причиной присутствия генуэзцев в Причерноморье и Средиземноморье было налаживание торговых сделок ме-

жду Западом и Востоком, посредством колонизации. Генуэзская коммуна ответственно подходила к вопросу управления колониями, отвечая за организацию административного устройства. Таким образом, высшим должностным лицом в Каффе являлся консул, назначаемый из Генуи, также в колонии были лица, ответственные за налоги, охрану, строительство, существовали судебные органы и нотариат.

Именно благодаря различным нотариальным документам, хранящимся в архивах, прослеживается присутствие представителей рода Гримальди на полуострове Крым. В сохранившихся актах торговых сделок генуэзского нотариуса той эпохи Ламберто ди Самбучето, который работал в Каффе, были обнаружены имена основателей княжества Монако. Эти данные дали жизнь гипотезе о возможном присутствии в Каффе Франсуа Гримальди, который в 1297 г. захватил замок Монако и Ренье Гримальди, первого официального князя Монако - Ренье I (1297-1301 гг). Данные сведения дают возможность предполагать, что основатели княжества Монако могли вести свою деятельность и в Крыму. Однако даже если эти сведения будут опровергнуты, мы не можем исключать факт присутствия многих других представителей рода Гримальди, которые в течении XIII-XV вв. оказывали значительное влияние на жизнь Каффы, вплоть до 1475 г., когда произошел захват колонии турками-османами, что впоследствии завершило присутствие генуэзцев в Причерноморье [1].

Таким образом, хочется заметить, что исторические точки соприкосновения Республики Крым и княжества Монако могут благотворно повлиять на двусторонние отношения между Российской Федерацией и Княжеством Монако. На данный момент княжество Монако выступает неким эталоном в экономическом плане, на который устремлены взоры отечественных бизнесменов в вопросе развития Крыма. Необходимо благоприятствовать взаимодействию Крыма и Монако. На наш взгляд, целесообразно заключить договор по линии городов-побратимов между Феодосией и Княжеством Монако, чему готово активно содействовать гражданское общество Республики Крым. Данное решение в дальнейшем

будет способствовать укреплению связей и на межгосударственном уровне.

Литература

1. Барабанов О.Н. Гримальди на Черном море. – М. – Симф.: Сонат, 2016. – 240 с.
2. Экономика // РИА новости Крым // Россия сегодня.
URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20171123/1112856955.html>

Пашковский П. И.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ РЕАКЦИИ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы и противоречия в реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в рамках государственного внешнеполитического механизма в условиях новых вызовов национальной безопасности.

Ключевые слова: парламентские институты, внешнеполитический механизм, Российская Федерация, Государственная Дума, Совет Федерации.

Pashkovsky P. I.

THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FED- ERATION IN THE STATE FOREIGN POLICY MECHA- NISM: THE PROBLEM OF AN ADEQUATE RESPONSE TO THE NEW CHALLENGES

Abstract. The article considers the problems and contradictions in the implementation of the powers and functions of the Federal Assembly of the Russian Federation in the framework of

the state foreign policy mechanism in the context of the new national security challenges.

Keywords: parliamentary institutions, foreign policy mechanism, Russian Federation, State Duma, Federation Council.

Изучение особенностей воздействия парламентских институтов на государственную внешнюю политику позволяет определить роль влиятельных (в том числе неформальных) групп давления и личностей в процессе функционирования внешнеполитического механизма, выделить и охарактеризовать внутренние факторы принятия и реализации внешнеполитических решений [2; 5-9]. Актуальность исследований значения парламентских институтов во внешнеполитическом процессе Российской Федерации увеличивается в условиях возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности нашего государства: общая нестабильность в обстоятельствах продолжающейся трансформации международной системы; глобальный финансово-экономический кризис и его последствия; распространение международного терроризма; развитие средств глобального разрушения; обострение этнических конфликтов; противоречия в энергетической плоскости; возникновение киберугроз и новых вызовов информационной безопасности; последствия глобальных климатических изменений и т. д. К обозначенным позициям в последние годы прибавились проблемы, связанные с увеличением международной напряжённости, обострением конфликта России с Западом и последствиями антироссийских санкций, появлением очагов нестабильности в непосредственной близости к границе Российской Федерации, что дополнительно актуализирует экспертные дискуссии относительно функциональности и эффективности государственной внешней политики.

Парламентские институты, относимые к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма, в России представлены Федеральным Собранием, состоящим из Государственной Думы (нижняя палата) и Совета Федерации (верхняя палата), а также их профильных органов (подразделений). Их полномочия, степень и особенно-

сти участия во внешней политике государства определены Конституцией [3], базовыми доктринальными документами [4] и Регламентами [10; 11]. Так, в действующей Концепции внешней политики России (от 30.11.2016) отмечается, что «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии» [4].

Однако возможности адекватной реакции российских парламентских институтов на вызовы современности в процессе реализации своих полномочий во внешнеполитическом механизме государства осложняются наличием нескольких уровней проблем и противоречий.

На первом уровне находятся проблемы, связанные с несовершенством отечественного законодательства, в котором отсутствует специальный законодательный акт, посвящённый внешней политике, а в Конституции, действующих законах и подзаконных актах должным образом не прописаны механизмы реализации международной деятельности. Чёткая регламентация порядка прохождения по различным инстанциям на разных стадиях подготовки проекта какого-либо документа, относящегося к внешнеполитической сфере, также отсутствует. Это характерно и для принятых в последние годы доктринальных документов в области государственной внешней политики [1; 12].

Второй уровень проблем и противоречий определяется спецификой функционирования внешнеполитического механизма России, в рамках которого происходит дублирование функций, приводящее к ситуациям латентного или открытого противостояния субъектов власти, что оказывает влияние на скорость и качество принятия и реализации внешнеполитических решений. К этому следует добавить отмеченное экспертами падение уровня прозрачности принятия внешнеполитических решений и различия во внешнеполитических установках групп российской элиты, приводящие к непоследо-

вательности и противоречиям в позиционировании государства на международной арене.

Проблемы реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в процессе формирования и осуществления государственной внешней политики характеризуют третий уровень, который обусловлен комплексом имеющихся на других уровнях противоречий. Так, нормативно-правовая база реализации парламентскими институтами функций влияния на внешнюю политику государства отличается неполнотой и нечёткостью. В структуре действующего внешнеполитического механизма Федеральное Собрание не имеет возможностей в полной мере воплотить на практике обозначенный в нормативно-правовой базе потенциал воздействия на внешнеполитический процесс. Учитывая обстоятельства, недостаточно им используется и опция межпарламентского сотрудничества и парламентской дипломатии. Имеются и проблемы во взаимодействии палат Федерального Собрания по внешнеполитическим вопросам, приводящие к периодически возникающим между Государственной Думой и Советом Федерации конфликтным ситуациям, несогласованным и нескоординированным действиям, сужая круг возможностей и уменьшая эффективность влияния парламентских институтов на государственную внешнюю политику.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 325-10) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782.
2. Кондрашова Е. В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2008. – 26 с.
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru/>.

- Концепция внешней политики Российской Федерации (от 30.11.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.
- 4.Новиков Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2009. – 22 с.
- 5.Павлов Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – Москва, 2004. – 38 с.
- 6.Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 452-456.
- 7.Пашковский П. И. Предпосылки российского парламентаризма и внешняя политика государства // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). - № 1. – С. 59-70.
- 8.Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2009. – 28 с.
- 9.Регламент Государственной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/about/regulations/>.
- 10.Регламент Совета Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/structure/council/regulations/>.
- 11.Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/157626.

Попова О.В.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ: БИТВА ПРОИГРНА?

Доклад подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Аннотация. В статье анализируется состояние современной версии теории политической социализации и обсуждается вопрос о возможных трендах ее развития в условиях доминирования онлайн-коммуникаций, новых практик политической мобилизации, изменения роли традиционных агентов формирования системы политических норм и ценностей, усиления рисков политических конфликтов. Автор выделяет несколько направлений развития теории политической социализации и показывает их ограничения с точки зрения возможностей объяснения новых политических реалий. Текст доклада подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Ключевые слова: теория политической социализации, развитие теории, вызовы XXI века, фоновые условия политической социализации, новые агенты политической социализации, политическая онлайн-коммуникация, эффекты политической ресоциализации различных поколений, теории политической идентичности, генетическая теория, восьмиугольная схема анализа политической социализации.

Popova O.V.

A HEURISTIC OPPORTUNITIES OF THE POLITICAL SOCIALIZATION THEORY IN THE XXI CENTURY: IS A BATTLE LOST?

Abstract. The article is analyzes a modern version state of the political socialization theory and discusses about possible trends in its development in conditions of online communications dominance, new practices of political mobilization, changing a role of traditional agents in shaping a system of political norms and values, and increasing a risks of political conflicts. An author describes several directions in a development of the political socialization theory and shows their limitations in terms of a new political realities explanation possibility. The text of the report was prepared within the project "The Potential of Youth Political Leadership in the Course of Political Socialization and Circulation of Elites in Russian Regions in the 2010s (exemplified by South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)", RFBR grant No. 18-011-01184.

Keywords: political socialization theory, theory development, the XXI century challenges, background conditions of political socialization, new agents of political socialization, political online communication, political re-socialization effects of different generations, political identity theories, genetic theory, octagonal scheme of political socialization analysis.

Интерес ученых-обществоведов к теории политической социализации периодически повышается в связи с ростом интереса к смежным научно-исследовательским темам, касающимся политического сознания и политического поведения, а также в связи с практическими запросами из области реальной политики.

Анализ научной литературы последних десяти лет, посвященной теории политической социализации, создает устойчивое представление о некой почти застывшей концепции, которая в последние 60 с лишним лет с момента введения в научный оборот Г. Хайменом (Хэйменом) в конце

1950-х годов ключевой категории этой концепции менялась не очень существенно, преимущественно за счет развития отдельных узких проблем [Шестопад, 2013, 105]. Косвенно это подтверждают и эмпирические исследования политической социализации, в большинстве своем основанные на методологии бихевиоризма и бихевиорализма, дублирующие научные стратегии 1960–1970-х годов, связанные с изучением политической культуры и ориентирующиеся на традиционную схему анализа политической социализации индивида с фиксацией этапов формирования (обычно говорят о латентном этапе и этапе прямой социализации или выделяют этапы первичной (в рамках которой последовательно описывают процессы политизации, персонализации, идеализации и институционализации в формировании представлений ребенка о мире политики), вторичной социализации и ресоциализации) и их смыслового содержания, выделения наиболее значимых агентов, каналов, форм, схем и механизмов процесса получения информации и усвоения идеологических и политических норм и ценностей «своих» общества и социальных групп сначала на основе подражания, а затем и интериоризации, «присвоения» [Wekkin, Whistler, 2007–2008, 119–144]. Значительные усилия применялись для оценки роли различных агентов в ходе политической социализации как процессе усвоения индивидом совокупности знаний и представлений о мире политики, своем месте в нем, норм политического поведения. Ф. Васбурн в начале 1990-х годов сформулировал гипотезу об изменчивости значимости агентов политической социализации в зависимости от этапа жизненного цикла индивида [Преснякова, 2002, 29]. Это позволило, в частности, расширить перечень агентов политической социализации, включив в него высшие учебные заведения, хотя роль собственно программ общественных дисциплин этого уровня обучения, влияние университетских преподавателей, а также формальных и неформальных практик политической коммуникации в университетах для политической ресоциализации молодежи (за исключением общения со сверстниками) остается недостаточно подтвержденной эмпирическими исследованиями [Филоненко и др., 2017].

Проводимые исследования этого феномена, акцентирующие изучение условий и эффектов политической ресоциализации, ситуацию с состоянием теории практически не меняют. В последнее десятилетие и в отечественных, и в зарубежных научных публикациях, посвященных политической социализации, все чаще звучит тема формирования заданной модели, удобной для наиболее влиятельных политических акторов (вертикальная модель политической социализации) [Zadina, Smilkstein, Daiek, 2013]. Кроме того, в англоязычной научной литературе постепенно расширяется практика замены категории «политическая социализация» термином «вовлечение в гражданское общество» («civic engagement»), и это при том, что еще 30 лет назад Р. Мерелманом была предложена теория горизонтальной (lateral) политической социализации, согласно которой индивид выбирает свое определенное видение мира и своего места в нем, политические ценности и нормы поведения из предлагаемого социумом и политическими акторами широкого набора возможных моделей. Объяснение межпоколенческого различия моделей политической социализации объясняется либо невозможностью использования новыми поколениями старых схем для своего успешного существования в очень быстро и радикально меняющихся политических условиях (идея, которая сформулирована в работах К. Мангейма (Мангейма, Маннгейма) в первой половине XX в.), либо принципиальным сдвигом набора ценностей в массовом сознании от материальной к постматериальной версии у жителей экономически развитых демократических государств (теория Р. Инглхарта, выдвинутая им в конце 1970-х годов).

Ситуация определенной стагнации развития теории политической социализации при высоком уровне интереса к этой теме как ученых, так и политиков-практиков достаточно странная, особенно если учесть, что значительные политические потрясения и научно-техническое развитие средств коммуникации значительно изменили набор и эффективность агентов политической социализации. Если в 1960-х годах речь шла о семье, сверстниках и школе, а в 1970-х годах этот набор пополнился СМИ, политическими и обществен-

ными организациями и признанием приоритетной роли государства, то теперь необходимо учитывать социальные сети и неограниченный поток информации самого разного характера в интернете, что, конечно, с оговоркой из-за распространившейся практики использования политическими акторами ботов и ростом возможности доставки по конкретным IP-адресам на основании технологии использования Big Data строго определенного, заданного типа данных все же дает определенную возможность формирования политического сознания и поведения без заранее заданных параметров.

К 1980-м годам, как казалось, исследовательская тема в научном плане была исчерпана, границы применимости теории четко обозначены и направление исследования политической социализации стало терять свою популярность у ученых-обществоведов, как у политических социологов, так и у политических психологов и политологов. Однако в XXI веке, в современном мире политическая реальность постоянно предлагает новые ситуации, требующие объяснения. Наука сталкивается с новыми вызовами, требующими ответа. Открытым остается, например, вопрос о механизмах политической ресоциализации с эффектом внезапного обращения в радикальный ислам воспитанных в соответствии со светскими нормами жителей европейских стран. В целом очевидно, что в качестве наиболее эффективных средств политической социализации все чаще выступают электронные mass media и политическая сетевая онлайн-коммуникация, процесс политической ресоциализации не обязательно приходится на границу 20-летия, а растягивается на всю жизнь индивида настолько, что все сложнее говорить о завершенном этапе политической социализации. Очевидно, что в современном обществе у старших поколений все меньше шансов задавать и предлагать эффективные образцы политических ценностей и установок следующим за ними поколениям. Кроме того, существенными элементами паттернов политического поведения, особенно для молодежи, все чаще выступают образцы гражданского активизма, построенные по принципу сопротивления и отторжения (т.е. деструктивные элементы публичного поведения и негативные политические образы все

чаще рассматриваются обществом в целом в качестве приемлемой и допустимой, пусть и не слишком желанной нормы). Явно актуальным является запрос к общественным наукам объяснить механизмы политической социализации в ситуации перманентных кризисов, военных конфликтов или роста политической напряженности, которая вот-вот рискует трансформироваться в открытые столкновения между политическими акторами. В ситуации гибридных войн объяснения, которые создавались для локальных открытых конфликтов, уже не подходят и не могут с высокой эффективностью применяться агентами политической социализации.

Перспективным представляется использование для развития теории политической социализации результатов исследований роли влияния на систему политических ценностей и установок людей эмоциональных каналов воздействия, например так называемой «музыки протеста».

Среди новых трендов развития теории политической социализации можно выделить следующие направления (большей частью не обладающие необходимым научным потенциалом). Во-первых, речь идет о попытках универсализации теории идентичности и стремлении представить процесс самоидентификации как основы механизма политической социализации. Во-вторых, речь может идти о «модели восьмиугольника», объясняющей процесс социализации через оценку роли посвященного целям и ценностям дискурса среды, в которой находится индивид. Описывается коммуникационная среда на микроуровне (семья, школа, сверстники), мезоуровне (лидеры общественного мнения, политические акторы) и макроуровне (общественные, религиозные и политические институты, которые легитимируют существующую систему социальной стратификации конкретного общества, предъявляют символическое описание политических событий и ретранслируют его на локальный уровень). Предлагаемая схема анализа может применяться как для стабильной политической ситуации, так и для трансформирующегося общества. По большому счету, в данном случае речь должна идти не о некой новой модификации теории, а об определенной логике эмпирического анализа, основанного на систем-

ном подходе. В-третьих, наибольший скептицизм вызывает так называемое генетическое развитие теории социализации в рамках концепции биополитики (Дж. Алфорд, К. Фанк, Дж. Хиббинг) [Тарасова, 2015, 179], сторонники которого высказали предположение, что дети быстро и прочно усваивают некоторые не подверженные воздействию внешним манипуляциям установки от своих родителей на генетическом уровне (так называемая бихевиоральная генетика, или поведенческая генетика). С точки зрения представителей этой концепции, «гены фиксируются в момент зачатия, остаются неизменными и в силу этого могут рассматриваться как чистые измерители биологической наследственности, практически не подверженные влиянию среды» [Тарасова, 2015, 180]. Предполагается, что формируемые у индивида политические установки связаны с основными, наследственно запрограммированными чертами личности. Фантастическое предположение о генетической предрасположенности к большей или меньшей восприимчивости к определенным типам политических проблем легко разбивается о логику многочисленных доказательств воздействия на личность со стороны малой социальной группы, формирующей наиболее активную и влиятельную коммуникативную среду.

Декларация необходимости создания междисциплинарной обобщающей теории социализации [Трубина, 2017], универсальной для педагогики, психологии, социологии и политологии, не вызывает возражений, однако анализ реальных исследований политической социализации последних лет показывает, что представляющие различные специальности ученые давно используют наработки своих коллег из смежных областей науки и знания. Терминологические штудии в области теории политической социализации с попытками дать какие-то авторские определения базовым категориям [Щеглов, 2017] этой концепции или ввести какие-то новые понятия (например, «гражданская социализация» [Сафонов, 2017], «цифровая социализация» [Мельникова, 2017]) достаточно часто представляют собой «игру в бисер», не обеспечивающую реального прироста научного знания. Перспективными представляются, скорее, усилия ученых в по-

следние два десятилетия по развитию теории политической социализации в двух плоскостях: на макроуровне исследователи пытаются найти ответ на вопрос об универсальных механизмах создания определенного институционального дизайна допустимых/желательных ценностей, отношений, убеждений, мнений и норм публичного политического поведения и их передачи / навязывания различными агентами людям; на микроуровне изучения политической социализации предпринимаются попытки углубления теории механизма выбора индивидами набора политических знаний, норм и практик в определенном политическом контексте, а также границ и факторов свободы этого выбора.

Задачи исследователей заключаются в создании единой теории политической социализации и трансформации ее из теории среднего уровня в универсальную концепцию появления «человека политического». Наиболее перспективными представляются следующие направления развития теории политической социализации: а) выявление механизмов и эффектов динамической связи макро- и микроуровня социализации; б) изучение не просто межпоколенческих различий результатов политической социализации, но объяснение причин этого явления, создания стройной, эмпирически подтвержденной концепции иерархической системы факторов влияния; в) выявление степени универсальности моделей политической социализации на основе проведения сравнительного межстранового анализа; г) выявление степени значимости различных агентов и каналов политической социализации в новых технологических условиях информационного общества, изменения характера коммуникации, усиления глобализации и современных форм и объемов миграционных процессов в мире; д) выявление схем и эффектов политической ресоциализации мигрантов в принимающем сообществе; е) изучение особенностей связи процесса политической социализации и различных моделей политической идентичности; ж) дополнительных усилий требует изучение механизмов политической социализации и ресоциализации в современных условиях за пределами очевидных политизированных зон («политика в других местах», например на спор-

тивных мероприятиях, публичных культурных мероприятиях, в театрах и т.д.).

Литература

1. Мельникова Т. С. Роль цифровой социализации в процессе модернизации политической культуры современной России: постановка исследовательских задач // Власть. — 2017. — № 7. — С. 80–85.
2. Преснякова Л. А. Теория политической социализации // Политическая наука. — 2002. — № 2. — С. 25–34.
3. Сафонов О. А. Механизмы гражданской социализации в условиях информационного общества // Коммуникология. — 2017. — Т. 5. — № 1. — С. 147–155.
4. Тарасова Е. Г. Генетическое направление в исследовании политической социализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота. — 2015. — № 10. — С. 179–186.
5. Трубина Г. Ф. Понятийно-категориальный аппарат социализации как междисциплинарный научный феномен // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 9. — С. 12–17.
6. Филоненко В. И., Филоненко Ю. В., Скачкова Л. С., Пономелков А. В. Социализация и воспитание студентов вузов в оценках преподавателей // Власть. — 2017. — Т. 25. — № 7. — С. 49–59.
7. Шестопал Е. Б. О состоянии современной теории политической социализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2013. — № 1. — С. 105–110.
8. Щеглов И. А. Проблема политического в теории политической социализации // Общество: политика, экономика, право. — 2017. № 1. — С. 19–22.
9. Weckin G. D., Whistler D. E. A Causal Analysis of the Political Socialization of High School Seniors in Arkansas // Midsouth Political Science Review. — 2007–2008. — Vol. 9. — P. 119–144.

10. Zadina I. N., Smilkstein R., Daiek D. College Reading: The Science and Strategies of Expert Readers. Ch.10. — Wadsworth Publishing, 2013. – 658 p.

Radovich D.S.

THE DESTRUCTION OF CULTURAL HERITAGE IN THE MARCH OF 2004 IN KOSOVO

Abstract. Kosovo has a very significant role in Serbian history. We could say that it is a part of identity for Serbian Orthodox people. It is rich in historical monuments that are priceless for serbian cultural heritage. UNESCO has recognized the important role of this monuments and in 2004 inscribed a site called Kosovo Medievel Monuments on a list of World Heritage Sites. Unfortunately on the March of the same year this cultural treasure was being damaged and destroyed, in an attack that Albanians from Kosovo led against Serbians. Some of the most important monuments, with oldest of them dating from the 11th century, were severely damaged. It is nearly impossible to put a price on cultural heritage damaged in this incident. But what I will try to do in the following text is mention some of the oldest and most important monuments that were hurt in that time. And I will provide some informations that will illuminate the true value of those cultural goods.

Keywords: Kosovo, heritage, monuments, church, monastery.

Радович Д.С.

УНИЧТОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МАРТЕ 2004 ГОДА В КОСОВО

Аннотация. Косово играет важную роль в сербской истории и представляет часть идентичности православных сербов. Косово богато историческими памятниками, которые имеют бесценное значение для сербского культурного наследия. В 2004 году международной организацией UNESCO бы-

ла признана важность этих памятников. Важнейшие памятники Косово под названием „Средневековые памятники Косово“ были включены в список всемирного культурного наследия. К сожалению, в марте того же года, это культурное богатство было уничтожено в сербо-албанском конфликте в Косово. Некоторые из важнейших памятников, старейший из которых принадлежит к XI веку, были повреждены. Практически невозможно определить стоимость культурного наследия, которое повреждено в результате конфликта. В статье рассматриваются некоторые из старейших и важнейших памятников, которые были разрушены в это время. Для каждого из этих памятников автор приводит дополнительные данные, которые показывают значение этих памятников.

Ключевые слова: Косово, наследие, памятники, церковь, монастыри.

Kosovo has a special place in serbian history. It has a vast amount of historical monuments, that are embellished with most amazing examples of serbian medeival art. Most of them are ortodox churches and monastries. And for Serbian Ortodox people that is a sacred land of their ancestors, were many great battles took place. We could say that in medieval times Kosovo had a leading role in serbian culture and art. The carriers of the art development were kings and tsars, and many of them built endowments in these areas. Also some of them have built shrines in Kosovo with intentions for them to be their burial place, like kings Milutin, Stefan Dečanski and of course tsar Stefan Dušan.

Medievel art in Serbia, and in Kosovo was influenced by two different cultures. On one hand it was influenced by the west, Romanesque culture and on the other hand it was influenced by the Byzanthine culture. And that created one new charachteristic style of architecture. So the churches and monastries were built with charachteristic features of Byzanthine architectural skill while the fasades were decorated in Romanesque style. Those buildings have a distinct style of wall paintings and sculptural decorations, which developed in the Balkans between the 13th and 17th century. Kosovo had some of the most important centers of serbian literature in this period, that can be shown by the fact

that in those parts of the country were situated courts of numerous kings and rulers. Also the very center of serbian patriarchate starting from the 13th century was located in Peć.

UNESCO has recognized the importancy of historical monuments in these areas and in 2004 they inscribed a site called Medieval Monuments in Kosovo on the list of World Heritage Sites. This site covers four monuments : Gračanica monastery, church of Gospa Ljeviška, Patriarchate of Peć monastery and Visoki Dečani monastery. Due to problems in their preservation and conservation in 2006 they were inscribed on the list of World Heritage in Danger [1].

Since the resolution in 1999 serbian cultural heritage in Kosovo was being destroyed. After that KFOR and UMNİK succeeded in maintaining the found state of historical monuments until the March of 2004. On the 17 March of 2004 a violent unrest broke out in Kosovo. That was the largest incident in Kosovo since the 1999. The cause for this incident was drowning of three albanian children in the river Ibar, and the accused were serbian children from the village near by. So the Albanians from Kosovo started attacking and evicting Serbians. Then they started destroying everything that even suggested Serbians live in Kosovo, like houses, churches, monasteries and even cemeteries were ruined and desecrated. This violent unrest lasted two days, and it is estimated that in that time more than four thousand serbians were evicted, more than seven hundred serbian houses were burnt, more than thirty one cultural place was damaged and around nine hundred fifty serbians were hurt and killed.

It is nearly impossible to put a price on cultural heritage damaged in this incident. But what I will try to do in the following text is mention some of the oldest and most important monuments that were hurt in that time. And I will also provide some informations that will illuminate the true value of those cultural goods. Among the oldest monuments damaged in the March of 2004 is the *fortress of Kaljaja* located in Prizren. Byzantine fortress of Prisdriana was built in the 11th century. It was reconstructed and enlarged in the 12th and 13th century and additionally fortified in the 14th century, during the reign of tsar Stefan Dušan. During the turkish period of its history we can

recognize five distinct phases of construction. The fortress was a subject of partial archeological research and conservation.

Church of Bogorodica Ljeviška located in Prizren. The present church is an endowment of king Milutin, and it was built in 1306/1307 upon remains of 11th century cathedral, which had also been founded on a place of an earlier, Early Christian church. The history of this church is even more complex, since another building stage can be recognized, probably dating from the 13th century. The original 11th century building was a three aisled basilica, with three eastern apses and a western narthex preceded by a portico. In the 14th century remodeling, the nave of the basilica was turned into a five domed corpus, while the aisles were turned into an ambulatory encompassing three sides of this central unit. The portico was replaced by a two story exonarthex with a belfry, the ground floor was designed as an open porch, while the first floor housed two side chapels. As it was recorded in an inscription on the south transvers arch of the exonarthex, the remodeling was entrusted to masters Nikola nad Astrapa. The earliest preserved wall paintings are dating from the third decade of the 13th century. All other wall paintings were painted between 1307 and 1311 by a group of painters led by master Astrapa. In the 18th century these paintings were destroyed and repainted, only to be rediscovered in the 1950s. Their restoration was completed in 1976. Since then the church was a subject of systematic research and conservation works which were interrupted in 1999. In March of 2004, the fire was set in the interior of the church, the sanctuary was desecrated, while the altar table was broken. Also the paintings were severely damaged [2].

The church of Sveti Spas located in Prizren. This church is an endowment of a nobleman Mladen Vidojević, contemporary of tsar Stefan Dušan, and his parents. It was built around 1330, and it was granted to the monastery of Sveti Arhandjeli in 1348. The church was built on an atrophied Greek-cross scheme. The earliest wall painting in the church, those in the sanctuary, were painted around 1330. The decorations of the interior was undertaken once again before 1348. Most of its murals have been destroyed. The church was used by the Cincar community of

Prizren, who in 1836 undertook construction of a large church planned to enclose church of Sveti Spas with its northern aisle. The later gave up on this project, but the walls around church remained. The church underwent conservation and restoration between 1953 and 1963. In the March of 2004 the church was set on fire.

The church of Sveti Nikola located, *Tutić's church* located in Prizren. This church is an endowment of Dragoslav and Bela Tutić and it was built in 1331/1337. It's a single naved, domed building, with tripartite sanctuary on the east. It was decorated with wall painting immediately after its construction had been completed. Fragments of original wall paintings have been preserved in the upper zone of the walls. It underwent conservation and restoration in 1967 till 1970. Further conservation works were also conducted in stages from 1980 till 1999. In March of 2004 the church was demolished and a fire was set in its interior which caused severe damages.

The monastery of Sveti Arhandjeli, the mausoleum of tsar Stefan Dušan, is situated in the gorge of the river Bistrica, 3km away from Prizren. It was founded on a triangular plateau on the left bank of the river, at the foot away from a hill on which the medieval fortress of Višegrad was built. The monastery was built upon remains of an earlier religious object in the period between 1342 and 1352. The monastery has an irregular triangle in its plan, defined by a fortified enclosing wall and dictated by the shape of plateau. Apart from the church dedicated to Holy Archangels, it included the church of Sveti Nikola, a refectory, built as a cross shaped free standing object, and residential buildings built against fortified wall. It was probably deserted in the 16th century. The monastery must have been pulled down between 1542 and 1615, the building material found on the site of the monastery was used for the construction of Sinan's paša mosque in Prizren. The remains of the monastery were with time covered with material brought by water from the slopes of the hills. Remains of the two churches were uncovered in 1927, during the first archeological research of the site. The church of Sveti Arhandjeli was designed on a cross in square scheme. It had a tripartite sanctuary and a narthex designed as an open portico. It

is assumed that it might have had five domes. Facades of the church were made out of reddish and white marble ashlar. The church was famous for its mosaic pavement. The church of Sveti Nikola was single naved, domed with eastern apse and an open portico, narthex to the west. The remains of other objects were excavated in the 1960s. In 1990s, a new dormitory was built on the remains of old conventual buildings. Monastic life was reestablished in 1998. In March of 2004 monastery was robbed and then set on fire.

The church of Sveta Nedelja located in Brnjača Built in the first half of 14th century. The church was restored on several occasions : in the 16th century, in the late 19th and early 20th century. It was demolished in the World War II, and reconstructed in 1975. Annunciation and St George killing the dragon icons from this church are kept in the National Museum in Belgrade. The dormitory and belfry were built after 1975. In the March of 2004 the church was set on fire. Another *church of Sveta Nedelja* is located in Prizren. The original church on this site was built in 1371, by young king Marko Mrnjavčević and dedicated to the presentation of the Holy Virgin in the Temple. Remains of the original church, upon which the church of Sveta Nedelja was later built, were discovered in 1966. Research and conservation work done at that occasion were followed by the restitution of the original scheme. In the March of 2004 the church was burnt down.

Monastery of Devič located in Srbica. The monastery of Devič, with its church dedicated to the Presentation of the Holy Virgin in the temple, is situated about 5km away from the south of Srbica. Its present appearance is the result of numerous destructions and rebuildings during its five centuries long history. It is believed that the monastery was founded by despot Djurađ Branković, who, according to tradition, built the church in 1434, as a votive for the healing of his virgin daughter and there by it got a name Devič. The monastery was famous for the cult of the holy Joanikije of Devič, born in the 15th century, and the activities of its scriptorium during the 16th and 17th century. A single naved, barrel vaulted church with three niches acting as a sanctuary is the earliest part of the complex. A small chapel,

square in plan housing the relics of St Joanikije was later attached to its north side. The monastery was demolished by the Turks at the end of 15th century, to be restored in the time of patriarch Makarije Sokolović, as is witnessed by a wall painting inscription from 1587. Fragments of mural decorations dating from that period can be seen in the chapel, above the coffin of St Joanikije. The monastery suffered severe devastation during the two World Wars. Its restorations were undertaken in 1947. Murals underwent conservation treatment in 1966. On that occasion, oil murals painted in one of the restorations campaigns after 1863 were strapped and removed from the wall. In the war operations in 1999, the monastery was ravaged. The slab covering the coffin of St Joanikije was broken, while the icons were desecrated. In March of 2004 it was burnt down [3].

The church of *Sveti Djordje, Runović's church* located in Prizren. This church dedicated to St George is also known as the church of Runović after the family name of its donors. It was demolished on several occasions and its appearance does not provide sufficient information for precise dating. It is assumed that it was built between the 14th and the 16th century. The church is single naved, barrel vaulted, with an eastern apse. Its mural decorations date from the second half of the 16th century. The iconostasis was painted by Petar Filipović from Gara in 1829.

Conservation treatment of the icons and wall paintings was undertaken in 1995 and was interrupted in 1999. After the arrival of KFOR, the church was used as a storage for firewood and barbed wire. In the March of 2004 the fire was set in its interior which caused severe damages. From all of this it is easy to see why Kosovo is permanently engraved in the hearts of Serbian Orthodox people. Also it is easy to see that destruction of Serbian history on Kosovo scared the very essence that makes Serbian identity.

References

1. *Cultural Heritage in Kosovo, Protection and Conservation of a multi-ethnic heritage in danger*, Mission Report, UNESCO, 2003.

2. Jović-Lazić, A., *Zaštita kulturne baštine na Kosovu i Metohiji*, Međunarodni Problemi, Vol. 56, br. 4, 2004, 465-489.

3. *Kosovo and Metohija, The March pogrom/Martovski pogrom*, Mnemosyne, Ministarstvo kulture Republike Srbije, Muzej u Prištini (sa izmeštenim sedištem), Beograd, 2004.

Разны А.

ПОЛЬША - РОССИЯ. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ И ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Аннотация. После госпереворота в Киеве и т. н. революции достоинства в 2014 г. Польша стала членом лагеря противников России. Этот факт укрепил взаимное недоверие Польши и России на политическом уровне и стал причиной кризиса их взаимоотношений. В статье показывается, что на ценностном и цивилизационном уровнях между Польшей и Россией нет конфликта, в этих сферах можно даже говорить о взаимопонимании. На этих уровнях фундаментом польско-российских отношений являются консервативные идеи и христианские ценности. Они создают возможности для политического диалога.

Ключевые слова: Польша, Россия, консервативные идеи, христианские ценности, политический диалог.

Razny A.

POLAND – RUSSIA. CONSERVATIVE IDEAS AND CHRISTIAN VALUES AS A FOUNDATION FOR POLITICAL DIALOGUE

Abstract. Relations between Poland and Russia have deteriorated dramatically since the second “Orange Revolution” in Ukraine, a series of actions that were directed against Russia. At that time Poland declared itself on the side of Ukraine and automatically found itself in an anti-Russian coalition formed by the

USA and EU member states. The crisis in Polish-Russian relations is highly political in character. The crisis in Polish-Russian relations is not, however, axiological in nature. This is because at the axiological level both Christian and conservative values constitute the foundation of culture and society in both modern Poland and modern Russia. They can also provide the basis for any political dialogue between these two nations.

Keywords: Poland, Russia, conservative ideas, Christian values, political dialogue.

После госпереворота в Киеве и т. н. революции достоинства в 2014 г. Польша стала членом лагеря противников России, пытающихся порвать связи Киева с Москвой и открыть его для влияния США и ЕС. Этот факт укрепил взаимное недоверие Польши и России на политическом уровне и стал причиной кризиса в их взаимоотношениях. На наш взгляд, на аксиологическом и цивилизационном уровнях нет конфликта между Польшей и Россией - в этих сферах можно даже говорить о взаимопонимании. Надо подчеркнуть, что в межличностных польско-российских отношениях взаимное недоверие всегда было незначительным, в тоже время преобладали взаимопонимание и искренняя благожелательность. Большинство польского и российского общества понимает, даже в настоящее время, что на фальши невозможно развивать взаимоотношения.

Правда стала ценностью, которая детерминирует все сферы общественной жизни. Наряду с ней ключевыми стали для обеих наций консервативные и христианские ценности как основа их цивилизационного будущего. Консервативные ценности, отождествляемые с христианскими, имеют фундаментальное значение для развития польско-российских отношений также по другой причине, в частности, цивилизационного кризиса, поглащающего Запад и угрожающего всему миру. Преградой для него могут стать консервативные и христианские ценности, наиболее убедительным свидетельством которых являются: философия, главным образом онтология, аксиология и этика, модель общества, культура и политика. Все они создали определенный статус человека,

общества и народа, а также формулу их поведения, называемую часто христианской цивилизацией.

Самую важную роль играют среди них с одной стороны свобода, ответственность личности, персонализм. С другой - равенство людей и принцип общего блага. Совокупность христианских ценностей образует принцип абсолютного императива, чуждого не только язычеству, но и мировым религиям. Это принцип любви – гарантия не только персонализма, свободы, солидарности, равенства, общего блага, но и самой человеческой личности. Практическое воплощение этого принципа проявляется в межличностных связях, детерминирующих межнациональные и межобщественные формы взаимоотношений и коммуникации. Одной из них является диалог, осуществляемый вне философии диалога, которая является лишь его вербальной концепцией.

Причиной этого является новая идеологизация науки и её подчинение политической корректности – с одной стороны, с другой – диктатура релятивизма, уход от ценностей в культуре, науке и политике. Они формируют модель новой, глобальной цивилизации – атеистической, антихристианской.

В настоящее время в Польше борьбу за христианские ценности может возглавить связанный с ними классический консерватизм, выступающий против постмодернизма, джендеризма и идеи стирания западным глобализмом национально-территориальных и культурных границ. Важной предпосылкой польско-российского диалога является феномен консерватизма в современной России, проявляющийся наряду с ее триумфальным возвратом к христианству и национальной традиции. Именно этот феномен рождает надежду на сдерживание развиваемой Западом постхристианской цивилизации. Фактов и аргументов, которые дают возможность правильно судить о связях русского консерватизма с христианством, довольно много. Они позволяют вполне ответственно говорить о польско-российском диалоге на почве христианских ценностей и современного консерватизма.

Relations between Poland and Russia have deteriorated dramatically since the second “Orange Revolution” in Ukraine, a se-

ries of actions that were directed against Russia. At that time Poland declared itself on the side of Ukraine and automatically found itself in an anti-Russian coalition formed by the USA and EU member states. The crisis in Polish-Russian relations is highly political in character. It is not, however, axiological in nature. This is because at the axiological level both Christian and conservative values constitute the foundation of culture and society in both modern Poland and modern Russia. They can also provide the basis for any political dialogue between these two nations. This is because they are universal values that have shaped both Latin civilisation – of which Poland is a part – and Byzantine-Turanian civilisation, to which Russia belongs.

Due to their universal dimensions both conservative and Christian values are not only absolutes, but also objective in character. They can thus ensure an objective political dialogue. In Latin civilisation, just as in Byzantine-Turanian civilisation, conservative values are often identified with Christian values. The latter are primarily religious in character. They also, however, encompass both spiritual – moral – values as well as cultural values. These values are being challenged, if not outright negated by the globalist trends of the broadly conceived West. These trends – fashioned by the philosophies of liberalism and post-modernism – have led to a crisis that goes to the very heart of our civilisation in the modern world. This is primarily due to a new understanding of the concept of democracy – one that postulates absolute freedom from everything, which is not itself. This is a notion of democracy which does not bind freedom with responsibility and does not impose any restrictions on the human being. Thus it is that democracy has led to anarchy in the moral sphere, to usurpation and arbitrariness, which is destroying both the individual and society as a whole. Equally destructive is the tendency to ascribe to democracy the role of the sole adjudicator of values – above all else in the Law – based on the rule of the majority.

Another factor that has contributed to this crisis of values is the growing positivist faith in the power of science and the revival of the belief that experience – as applied in natural science – is the highest benchmark against which facts, processes and phenomena must be verified. Anything that does not submit itself to

experience is deemed irrational. One consequence of such a mindset is that not only religion and morality, but also Man himself falls within this irrational sphere. What we are seeing is the “reduction” of Man, or what we might term his symbolic liquidation. Europe’s deviation from Christian values – which has brought about a crisis not only in the moral sphere but also in culture, society and political life, has gone hand in hand with its deviation from a religious as well as a metaphysical and ontological perspective. Thanks to the crisis afflicting morality and civilisation human life is losing its deeper meaning and purpose. It assumes the character of a senseless random adventure in which the only thing that counts is the collecting of experiences and pleasures, which themselves are unimportant in a consciousness dominated by nihilism. This outlook of modern man is accompanied by behaviour geared towards the ‘here and now’ and consumerism. These dictate his immediate purpose in life, i.e. to acquire and use more and more goods. What is significant here is the fact that modern humanities have not only adopted these anthropological-cultural and anthropological-social processes but have actually perpetuated them. Christian values as universal – moral, cultural and religious – values have always been a feature of Polish-Russian relations. Following the fall of Communism, unexpected changes have occurred in the Polish-Russian civilizational paradigm that had not been foreseen by theoreticians of Latin civilisation – among others by Feliks Koneczny. However, the more striking civilizational differences between Poland and Russia have blurred somewhat since the collapse of the Soviet Union and Russia’s return to the Christian fold. Another cultural phenomenon worth noting is the fact that in the international arena – in the United Nations, among other places – Russia defends Christian values and the rights of Christian, and also opposes any propagation of the ideology of genderism or the rights of sexual minorities as human rights.

One exceptional sign of Russia’s return to Christianity is its message of Polish-Russian reconciliation. This message calls for a joint struggle against the negative anthropology and dehumanising civilization of the West and joint action in defence of Christian values. It is precisely this direction of civilizational develop-

ment that should provide the incentive for Poland to engage in political dialogue, which in turn will bear fruit in a joint struggle in defence of conservative and Christian values.

Литература

1. Koneczny F, *O ład w historii*, Kraków 2003.
2. Dawson C., *Religia i kultura*, tłum. J. W. Zielińska, Warszawa 1959.
3. Kaźmierczak P., *Dietrich von Hildebrand wobec narodowego socjalizmu*, Kraków 2011.
4. Krąpiec M., *Człowiek jako osoba*, Lublin 2005, с. 114-145.
5. Mattei de R. , *La dittatura del relativismo*, Rzym 2003 ; пер.на польский язык: R. De Mattei, *Dyktatura relatywizmu*, Kraków 2009.
6. Skudrzyk P., *Losy cywilizacji według Arnolda Toynbeego*, Katowice 1992.
7. W. Stróżewski, *Istnienie i wartość*, Kraków 1981, с. 217-309.
8. Ślipko T., *Zarys etyki ogólnej*, Kraków 2004.
9. Тойнби А., *Постижение истории*, пер. Е. Д. Жаркова, Москва 2001.

Свешникова И. П., Масаев М. В.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ) О СИНЕРГИИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Аннотация. В работе показана взаимосвязь представлений В. Ф. Войно-Ясенецкого и современных учёных в области естественных наук, человека и социальных общественных систем в контексте феномена целостности знания. Приведены примеры, научные гипотезы, обосновывающие холистическую модель.

Ключевые слова: наука, религия, синергия, В. Ф. Войно-Ясенецкий, холистическая модель.

Abstract. The work shows the relationship between the ideas of V. F. Voyno-Yasenetsky and modern scientists in the field of natural Sciences, human and social systems in the context of the phenomenon of the integrity of knowledge. Examples of scientific hypotheses, justifying the holistic model are given.

Keywords: science, religion, synergy, V. F. Voyno-Yasenetsky, holistic model.

Постановка и актуальность проблемы. В основу доклада положена идея о необходимости целостного, так называемого холистического, подхода к изучению человека, общества и природы, высказанного, в частности, в работах архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Цель работы – показать развитиетенденций целостного подхода в различных областях современной науки с учётом религиозных воззрений.

Задачи:

– показать феномен целостности знания в области естественных наук, привести примеры, научные гипотезы, обосновывающие холистическую модель;

– развить представления Святителя Луки о человеке как о целостности «дух, душа, тело»;

– развить понятие холистической модели социальных общественных систем и их трансформации.

Результаты исследования.

Поиск истины о мироздании, о динамике развития общества, духовное и научное представление о человеке как о целостности «дух, душа, тело» сопровождают всю деятельность Святителя Луки.

Показательным в данном случае является его высказывание о науке, религии и их взаимосвязи: «Наука – есть система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности... то есть не случайный набор знаний, но стройное, упорядоченное сочетание» [3, с. 34]. «Наука без религии – «небо без солнца». А наука, облеченная светом религии, – это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира. «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жиз-

ни», – так говорит Христос (Ин. 8, 12). И теперь понятно, почему в жизни ученых религия играла такую выдающуюся роль. Профессор Деннерт пересмотрел взгляды 262 известных естествоиспытателей, включая великих ученых этой категории, и оказалось, что из них 2% было людей нерелигиозных, 6% равнодушных и 92% горячо верующих (среди них Майер, Бэр, Гаусс, Эйлер и другие)» [3, с. 67]. Более подробная информация изложена в работе протоиерея Михаила Чельцова «Христианское мирозерцание...» в разделе о религиозности учёных [4].

Показательны в этом отношении рассуждения Святителя Луки о современном состоянии естествознания:

«Наши рассуждения о соотношениях между телом, душой и духом начнем издалека. До конца XIX века система точных наук поражала ясностью и точностью всего, о чем они трактуют. До недавнего времени царил безусловная вера в основные догматы науки, и только немногие избранные умы видели трещины в величественном здании классического естествознания. И вот великие научные открытия в самом конце прошлого и в начале нынешнего столетия неожиданно расшатали самые устои этого здания и заставили пересмотреть основные идеи физики и механики. Принципы, которые казались имеющими самую достоверную математическую базу, оспариваются теперь учеными. Книги, подобные глубокому сочинению Анри Пуанкаре «Наука и гипотеза», дают доказательства этому на каждой странице. Этот знаменитый математик показал, что даже математика живет множеством гипотез и условностей...» [2, с. 4].

Сегодня существуют множество научных теорий, обосновывающих существование полей сознания (информационных полей). Теория физического вакуума Геннадия Шипова, в отличие от теорий, отрицающих достижения своих предшественников, показывает преемственность пути научного познания мира. Фундаментальные уравнения физики Ньютона, Максвелла, Эйнштейна, Шредингера, Дирака являются частными случаями уравнения физического вакуума Шипова. Несмотря на спорность, дискуссионный характер многих используемых работ, тем не менее, следует признать тот

факт, что эти концепции вошли в научный оборот и широко обсуждаются современной научной критикой.

В. Ф. Войно-Ясенецкий предполагает, что «Материя представляет собой устойчивую форму внутриатомной энергии, а теплота, свет, электричество неустойчивые формы той же энергии. Процесс распада атомов, т. е. разложения материи, сводится к переводу внутриатомной энергии из состояния устойчивого равновесия в неустойчивое, называемое электричеством, светом, теплотой и т. п. Материя, таким образом, постепенно превращается в энергию. ... мы говорили о том, что при атомном распаде освобождаются формы энергии все более тонкие, приближающиеся к чему-то нематериальному. Что же мешает нам сделать последний шаг и признать существование вполне нематериальной, духовной энергии и считать ее первичной формой, родоначальницей и источником всех форм физической энергии? Только априорное отрицание Духа и мира духовного, отрицание упорное и непонятное, ибо огромное количество фактов императивно принуждает нас считаться с ними и признать наряду с материальной природой безграничный, гораздо более важный мир духовный» [2, с. 53].

Обоснованность подобного подхода подтверждается теорией Владимира Волченко, из которой следует, что «живые системы, обладающие высокой степенью удельной информативности и ничтожно малой удельной энергией, могут переходить в тонко материальную (или духовную) область жизни.... Таким образом, витальность является формализованной характеристикой духовности ...» [Цит. по: 7, с. 212].

Святитель Лука, как и сонм многочисленных Новомучеников и исповедников российских, понесли крест перехода в новую эпоху, крест возрождения Святой Руси и России. Одной из составляющих миссии святителя Луки является представление о человеке как о единстве духа, души и тела, что может служить основанием холистической научной парадигмы нового тысячелетия [5; 6]. Интересен фрагмент из проповеди Святителя Луки в Неделю о Самарянке: «...Бог есть дух и человек есть дух ограниченный в теле своем, человек есть частица Божия. Поклонение Богу должно быть

поклонением духу Божию со стороны духа человеческого... Жаждающие знания идите ко Господу, ибо Он есть единственный свет истинно просвещающий всякого человека» [1, с. 516].

Представления о человеке как о единстве «духа, души и тела входят составной частью в сферу научных разработок научной школы доктора биологических наук, профессора, Марии Гончаренко [8, с. 27, 29]. Эти представления используются учеными в сфере валеологии и формирования здорового образа жизни [6].

В ракурсе изучения демографических процессов перестройки в России доктор медицинских и кандидат философских наук Игорь Гундаров в работе «Почему умирают в России, как нам выжить»? [9] показывает, что одной из причин этой катастрофы является массовый уход общества в состояние реализации так называемых в религии «смертных грехов» [9, с. 41-47].

В работе 2001 года «Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России» [10] И. А. Гундаров подчеркивает роль духовности и нравственности в выходе социума из демографической катастрофы.

Выводы.

Таким образом, Святитель Лука показывает, что и учёные, и религиозные деятели, пытаются познавать и формулировать общие законы мироздания. Поиск истины – смысл жизни многих подвижников человечества как в прошлом, так и в настоящем – своеобразный крест, который несут представители самых разных областей познания. А настоящее время некоторые философы называют эпохой транзитивного периода, то есть переходной эпохой вступления в новую эру человеческого разума, познающего истину и свободного от многих предрассудков.

Современная наука медленно, но верно движется к своеобразному синтезу религиозных и научных знаний, к совмещению, в частности, интуитивного и логического путей познания.

Будем надеяться, что это время будет эпохой сотрудничества науки и религии и построения холистической научной парадигмы.

Литература

1. *Лисюнин В. Ф.* Тамбовская Голгофа святителя Луки (по свидетельствам очевидцев): монография / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – 540 с.
2. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа, тело. – Москва: издательство имени Святителя Льва, 2009. – 149 с.
3. *Войно-Ясенецкий В. Ф. (Святитель Лука).* Наука и религия. – Симферополь: Издательство «ДО-ЛЯ», 2006. – 160 с.
4. *Чельцов Михаил.* Христианское мирозерцание, 1. Основные религиозные истины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/chelcov-mihail-pavlovich-svyaschennomuchenik/book/72285-hristianskoe-mirosozercanie-1-osnovnye-religioznye-istiny/> (дата обращения – 28.02.2018).
5. *Масаев М. В.* Феномен холистической философии науки в ракурсе проблем метаантропологии / М. В. Масаев // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей: Ялта: РИО КГУ, 2014. – Вып. 45. – Ч. 1. – 416 с. – С. 206-212.
6. *Свешникова И. П., Савченко В. М.* Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья / И. П. Свешникова, В. М. Савченко // Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова». – Ялта, 2014. – Т. XXV. – С. 101-104.

7. *Шипов Г. И.* Теория физического вакуума / Г. И. Шипов. – М.: фирма «НТ – Центр», 1993. – 362 с.
8. *Гончаренко М. С.* Валеология в схемах / М. С. Гончаренко. – Харьков, 2003. – 187 с.
9. *Гундаров И. А.* Почему умирают в России, как нам выжить? (Духовное неблагополучие как причина демографической катастрофы). – Москва, 1995. – 100 с.
10. *Гундаров Н. А.* Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. – М., 2001. – 352 с.

Сенюшкин Е. А.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема стратегического обоснования управления этнополитическими рисками. Проанализированы новейшие мировые тенденции в развитии различных этнокультурных стратегий, которые характеризуются расширением пространства этнополитических рисков. Подчёркивается, что разработка и реализация государственных механизмов стратегического управления этнополитическими рисками призвана стать фактором, способствующим укреплению общероссийского гражданского самосознания, этнокультурному развитию народов России, гармонизации межнациональных отношений, обеспечению национальной безопасности, правопорядка и политической стабильности в российском обществе.

Ключевые слова: этнополитические риски, этнокультурное развитие, межнациональные отношения, государственные механизмы стратегического управления, национальная безопасность.

STRATEGIC MANAGEMENT OF ETHNO-POLITICAL RISKS

Abstract. The article deals with the problem of strategic justification of ethno-political risk management. The latest global trends in the development of various ethno-cultural strategies, which are characterized by the expansion of the space of ethno-political risks, are analyzed. It is emphasized that the development and implementation of the state mechanisms of strategic management of ethno-political risks is designed to become a factor contributing to the strengthening of the all-Russian civic consciousness, ethno-cultural development of the peoples of Russia, harmonization of interethnic relations, ensuring national security, law and order and political stability in Russian society.

Keywords: ethno-political risks, ethno-cultural development, interethnic relations, state mechanisms of strategic management, national security.

В условиях возрастания роли этнического фактора в современной политике возрастает интерес исследователей к проблеме стратегического управления этнополитическими рисками. В решающей степени это связано с тем, что новейшие мировые тенденции в развитии различных этнокультурных стратегий характеризуются расширением пространства этнополитических рисков. В Европе наиболее остро это проявилось в кризисе, связанном с мигрантами. В качестве новейшего примера из политической истории Средиземноморья можно рассмотреть актуализацию курдского вопроса. Сохранение напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове также коррелирует с этнополитическими рисками, которые нередко трансформируются в угрозы, способствующие появлению новых «горячих точек», этнических конфликтов, распространению терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды и ненависти. Появление Исламского государства (ИГИЛ/ДАИШ, запрещенного на территории РФ) и быстрое

распространение его влияния в странах Ближнего Востока является фактором, увеличивающим вероятность этнополитических рисков в многоконфессиональных сообществах. В России на данном этапе основные этнополитические риски характерны для Северного Кавказа и Крыма [1, с.138].

Актуальность этой темы связана также и с тем, что в этнополитическом пространстве многоэтнических сообществ возникают специфические риски, связанные с переплетением экономической и политической конкуренции в борьбе за наиболее ценные ресурсы, а также культурные и религиозные пласты коллективного сознания, характерные для разных этнических групп. Наряду с этим, управление этнополитическими рисками и по сей день остаётся одним из наименее исследованных направлений как в отечественной, так и в зарубежной этнополитологии [2, с. 122].

Осмысление заявленной темы на концептуальном уровне нацеливает на поиск новых методологических подходов к её решению, которые связаны с целями и приоритетами государственного управления в этнонациональной сфере. Стратегическое управление этнополитическими рисками следует рассматривать в качестве структурно-функционального элемента системы государственного стратегического планирования. Важным элементом этой системы является стратегическое обеспечение государственной национальной политики, которая нацелена на обеспечение интересов государства, общества, человека, укрепление государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности её народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан.

В качестве других элементов системы государственного стратегического планирования можно рассматривать обеспечение государственной (национальной безопасности), долгосрочное социально-экономическое развитие, региональную, внешнюю, миграционную и молодёжную политику, образование, культуру.

19 декабря 2012 года вступил в силу Указ № 1666 Президента РФ В.В.Путина «О Стратегии государственной на-

циональной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Стратегия представляет собой систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации. В пункте 6 данной стратегии указывается на то, что «государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учётом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений» [3].

Применительно к теме нашей статьи можно отметить, что стратегические основания государственного управления этнополитическими рисками должны опираться на гибкие механизмы своевременного нивелирования возникающих опасностей в сфере межнациональных отношений.

Основные этнополитические риски для многонационального российского общества вызваны нерешёнными проблемами, являющимися следствием глубоких общественных преобразований, осуществлённых при формировании рыночной экономики и основ новой политической системы в 1990-е годы. Кроме того, в эти годы в государственной национальной политике были допущены ошибки и просчёты, которые привели к политизации в этничности и межнациональным конфликтам в ряде регионов Российской Федерации. И сегодня являются актуальными риски, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

На возникновение рисков в сфере межэтнических отношений также влияют следующие негативные факторы [3]:

1. Высокий уровень социального и имущественного неравенства;
2. Региональная экономическая дифференциация;
3. Деформация традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации под влиянием культивирования идеалов потребительского общества в информационном пространстве;

4. Правовой нигилизм и высокий уровень преступности, коррумпированность отдельных представителей власти;
5. Распространённость негативных стереотипов в отношении некоторых народов;
6. Недостаточная урегулированность миграционных процессов;
7. Экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма;
8. Международная организованная преступность.

Преодоление указанных негативных факторов не только создаёт предпосылки для нивелирования этнополитических рисков, но и является основой для решения долгосрочных задач государственного строительства, успешного развития страны в экономической, социально-культурной и внешнеполитической сферах, обеспечения национальной безопасности.

Стратегическое управление этнополитическими рисками осуществляется в результате непрерывной и согласованной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления при их сотрудничестве с институтами гражданского общества на основе комплексного использования политических, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных механизмов. Особую роль при этом играют такие институциональные структуры государственного управления как Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Совет Безопасности Российской Федерации, Общественная Палата Российской Федерации, совещательные и консультативные органы при Президенте Российской Федерации.

Подводя итог сказанному, отметим, что разработка и реализация государственных механизмов стратегического управления этнополитическими рисками призвана стать фактором, способствующим укреплению общероссийского гражданского самосознания, этнокультурному развитию народов России, гармонизации межнациональных отношений,

обеспечению государственной безопасности, правопорядка и политической стабильности в российском обществе.

Литература

1. Сенюшкин Е.А. Методологические возможности применения сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Т. 11. № 4. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 138-151.

2. Сенюшкин Е.А. Методологические основания управления этнополитическими рисками. Общество и этнополитика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24-26 сентября 2015 г. в 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. Ин-т упр. ; под науч. ред. Л.В.Савинова. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. – Ч. 2. С.121-126 // www.sapanet.ru>obep>doc>Сенюшкин

3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // www.minnac.ru/minnac/info/14183.html

Сенюшкина М.А.

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен совпадения социального времени и жизненного пространства через призму взаимосвязи поколений. Исследуются движущие силы, определяющие особенности коллективного ощущения социального времени и жизненного пространства.

Ключевые слова: социальное время, жизненное пространство, историческая память, взаимосвязь поколений.

SOCIAL TIME AND LIVING SPACE OF GENERATIONS

Abstract. The article deals with the phenomenon of coincidence of social time and living space through the prism of interrelation of generations. The driving forces determining features of collective feeling of social time and living space are investigated.

Keywords: social time, living space, historical memory, interrelation of generations.

Введение. Предлагаемая тема для обсуждения на Харакском форуме обусловлена исторической памятью, связанной с юбилейным годом столетия Октябрьской социалистической революции, которая произошла в 1917 году, вокруг которой возникло множество суждений и разных оценок. Поскольку я ощутила эти события на основе рефлексии исторического опыта построения социалистического общества в своем личном жизненном пространстве, то считаю необходимым донести до молодого поколения реальную оценку этих событий.

Так как теория социального времени имеет важное значение в оценке взаимосвязи поколений в историческом развитии современного мира, в проведенных нами исследованиях были поставлены задачи, которые нацелены на поиск ответов на возникшие вопросы:

1. Что такое социальное время;
2. Какие движущие силы и мотивы определяют коллективное ощущение социального времени;
3. Какова роль социального времени в развитии жизненного пространства человека и общества.

Результаты исследований. В академической литературе время рассматривается с точки зрения протекания естественных процессов в качестве абсолютного измерения движения природы в соответствии с нормами движения Земли в солнечной системе, посредством смены дня и ночи, времени года. Для измерения этих процессов введены понятия – часы, минуты и секунды, которыми определяется положение Земли

в солнечной системе, в зависимости от меридиана Земли по отношению к Солнцу. Вращение Земли вокруг своей оси показывает время суток, то есть 24 часа, а продолжительность времени года составляет 365 дней и 6 часов в году в течение трех лет, четвертый год считается високосным, в нем представлено 366 дней, что обусловлено вращением земли вокруг солнца.

Абсолютное время представляет конкретное отражение событий в жизни человека или общества. Например – день рождения человека, день каких-либо конкретных событий общественного характера. Например, день выборов Президента России 18 марта 2018 года.

Абсолютное отражение времени производится в календаре соответствующего периода. Иными словами, абсолютное время -это время отражения суток в обращении Земли вокруг своей оси.

Для оценки социальных явлений используется понятие социальное время. При исследовании социального времени можно использовать теорию относительности, связанную с открытием известного физика Альберта Эйнштейна. Теория относительности в оценке времени определяется взаимодействием пространства и времени в их взаимосвязи, так как события происходят в определенной точке совпадения пространства и времени. Например, Октябрьская социалистическая Революция обусловлена сменой капиталистической системы и переходом на социалистический путь развития России и образованием в 1924 году советского социалистического государства.

Социальное время человека – это время его становления как личности на протяжении его собственного жизненного пространства. Проведенные исследования показали, что жизненное пространство формируется на основе конкретных этапов становления человека. Так, первый этап становления человека связан с периодом от его рождения до 18-20 лет, так как развитие человека с момента его рождения определяется социальным временем.

Первый этап становления социальных свойств человека определяется особенностями подрастающего поколения. На

государственном уровне создаются социальные сети, в зависимости от физиологического развития человека: детские ясли и детские сады, то есть дошкольные учреждения. Затем формируются социальные сети с целью создания условий для физического и умственного развития человека, а именно – школы всеобщего образования, учебные заведения для обеспечения профессионального образования, социально-культурного развития, медицинского обслуживания, организации отдыха и досуга, социальной инфраструктуры для обеспечения нормальных условий в становлении жизненного пространства.

Жизненное пространство определяется средней продолжительностью жизни человека в условиях конкретного абсолютного пространства, то есть соответствующего государства и территории. На жизненное пространство человека оказывают влияние окружающая среда, то есть экология. Поэтому большое внимание обращается на сохранение окружающей среды, путем создания экологических объектов: лесов, водоемов, растительного и животного пространства в условиях конкретного времени.

Следующий этап формирования жизненного пространства человека определяется его становлением как гражданина, наделенного правами и обязанностями в соответствии с конституцией государства и нравственными нормами, обусловленными традициями и особенностями национальных и культурных признаков, присущих народу соответствующей территории. Этот период следует называть активным временем формирования жизненного пространства. Этот этап характеризуется созданием семьи и становлением социального статуса человека в обеспечении его жизненного пространства на основе активной трудовой деятельности. Этот этап складывается до обусловленного возраста человека в связи с выходом на пенсию, в соответствии с действующими правовыми нормами на территории государства. На этом этапе формируется второе поколение, то есть дети, достигшие 18 – 20 лет и способные создавать собственные семьи.

Третий этап жизненного пространства обусловлен особенностями образа жизни. В целях сохранения активности

человек приспосабливается к условиям жизни в зависимости от сложившихся социальных условий, то есть соответствующего социального времени. Так на протяжении современного столетия социальное время характерно для развития пяти поколений, а именно, это люди, родившиеся в 1917 – 1920 гг; в 1930 -1940 гг; 1950 - 1960 гг; 1960 – 1970 гг; 1970 – 1980 гг годах и так далее. Каждое поколение несет в себе свой отпечаток социального времени и отражает нравственные нормы соответствующего периода.

В современном периоде отражением социального времени является жизненная позиция старшего поколения, это люди довоенного периода рождения, а именно 1930 – 1940 годов, затем люди, родившиеся в послевоенный период, то есть в 1945 – 1955 годах, которые так же сформировались в особых условиях жизненного пространства человека, обусловленных событиями Великой Отечественной войны, которая привела к нарушениям в семейных отношениях. Эти особенности обусловлены тем, что большая доля мужского населения была уничтожена в результате военных действий на европейской территории различных стран того периода. Красная армия своим великим патриотическим участием освободила европейские страны от фашистской оккупации. Мне, как ветерану, это известно из фактов реальной жизни в тот период, когда жизненное пространство оказалось в условиях изменений социального времени.

Движущими мотивами в социальном времени являются основные качественные признаки в развитии жизненного пространства человека. К ним относятся:

- 1.Формирование человека как личности.
- 2.Гармонизация общественных отношений в интересах формирования здорового образа жизни.
- 3.Укрепление семейных отношений в целях формирования поколений семьи: дедушек и бабушек, родителей, детей, внуков, правнуков;
- 4.Сохранение устойчивости и жизнеспособности человека в условиях действующей окружающей среды: политической, экономической, социальной и других сферах жизненного пространства.

Поэтому жизненное пространство человека определяется средней продолжительностью жизни человека в конкретных условиях социального пространства. Так, например, численность населения в Российской империи составляла до Октябрьской социалистической революции в 1870 году 11% городского населения и 89 % сельского населения. В СССР в 1940 году это соотношение уже изменилось: 33 % и 67%; в 1950 г. – 39% и 61%; в 1960 г. – 50% и 50%, в 1970 г. – 56% и 44% соответственно. Как видно из приведенных данных, изменение социального времени способствовало росту городского населения и привело к 1960 году к выравниванию этих показателей. Последующие события привели к изменению социального времени в связи с распадом социалистической системы и изменением жизненного пространства человека в связи с переходом от социалистического образа жизни к рыночным механизмам регулирования общественных отношений, на основе введения частной собственности на средства производства.

В современных условиях социальное время в формировании жизненного пространства человека вызывает изменения в проявлении качественных признаков жизнеобеспечения, что обусловлено классовой структуризацией общества в регулировании жизненного пространства человека. Эти изменения привели к изменению нравственного облика человека, особенно в среде молодежи. В этой связи необходимо отметить, что на данном этапе развития общества в России вводятся нормы по укреплению семьи, посредством введения материнского капитала и его роли в формировании бюджета семьи, что позволяет обеспечить физиологические нормы в развитии будущих поколений, ибо мы уже отметили, что жизненное пространство колеблется по возрастному составу. Люди, достигшие 80 лет, считаются долгожителями.

Поэтому продолжительность жизни человека формирует его жизненное пространство, в пределах которого происходит становление и взаимодействие поколений: родители, дети, внуки, правнуки.

Выводы. Проведенные исследования показали, что социальное время следует рассматривать через призму форми-

рования и взаимодействия поколений. Каждое поколение отражает особенности социально-экономического развития государства и при этом сохраняет коллективную память, которую передаёт потомкам в виде духовного и нравственного наследия в интересах сохранения взаимосвязи поколений. Формирование нравственности, обеспечение здорового образа жизни определяет социальную культуру поколений и передачу опыта жизни человека от одного поколения к другому.

Данная работа представляет авторское видение заявленной темы, основанное на осмыслении реальных событий в жизни российского общества и связанных с социальным становлением человека. В зависимости от этих признаков время проявляется как абсолютное и социальное.

Данная работа может быть использована в научных дискуссиях.

Сенюшкина Т.А.

СИНЕРГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что для описания синергии как сущностного свойства, раскрывающего единство политического пространства и социального времени, в качестве методологической основы можно использовать квантовую теорию. Согласно принципу неопределённости, который используется в квантовой теории, измеряемые параметры можно разбить на пары, для которых характерны скореллированные флуктуации. В теории квантовой гравитации подобную пару представляют расположение события в пространстве-времени и энергия, связанная с этим событием. Автор статьи предполагает, что политическое пространство и социальное время являются одной из таких пар.

Ключевые слова: политическое пространство, социальное время, синергия, квантовая теория, политические флуктуации.

Senyushkina T.A.

THE SYNERGY OF THE POLITICAL SPACE AND SOCIAL TIME FROM THE POINT OF VIEW OF QUANTUM THEORY

Abstract. The article substantiates the thesis that quantum theory can be used as a methodological basis for describing the synergy as an essential property revealing the unity of political space and social time. According to the uncertainty principle used in the quantum theory, the measured parameters can be divided into pairs characterized by correlated fluctuations. In the theory of the quantum gravity, such a pair is represented by the location of the event in space-time and by the energy associated with this event. The author assumes that the political space and social time are one of such pairs.

Keywords: political space, social time, synergy, political fluctuations.

Введение. Проблема соотношения политического пространства и социального времени является одной из наиболее актуальных для современной политической науки, социологии и социальной философии. В решающей степени это связано с тем, что политическая жизнь каждого конкретно взятого общества, так же как и человека, существует в определённом пространстве и времени. При этом политическое пространство и социальное время имеют нелинейный характер и могут проявлять свою сущность волнообразно.

Наряду с отражением сущностных свойств политического пространства и социального времени в коллективном сознании, можно рассматривать также и уровень индивидуального сознания. При этом не имеет значения степень вовлечённости конкретной личности в политику – будь то избиратель, голосующий на выборах, или человек, регулярно инте-

ресующийся новостями из мира политики, или конкретный политик, участвующий в политической деятельности.

Результаты исследований. В современной политологической литературе под термином «*политическое пространство*» понимается реальная протяжённость территории, на которую распространяется исторически обусловленная система или осуществляется её политическое влияние [6]. При этом восприятие и ощущение политического пространства и социального времени в разных сообществах, принадлежащих к сфере влияния одной политической власти, будут разными. К примеру, политическое пространство и социальное время в период 2014-2018 гг на Камчатке и в Крыму будут восприниматься людьми по-разному. Особенности этого восприятия будут связаны не только с географической отдалённостью данных регионов, но и с разным уровнем включённости людей в опыт переживания важных политических событий, произошедших в этот период, а также с разной степенью личной и коллективной причастности к этим событиям.

Политическое пространство тесным образом связано с социальным временем, которое характеризуется чаще всего при помощи таких понятий как *нелинейность, цикличность, событийность, необратимость* [5]. Социальное время связано с отражением в сознании людей общественно важных событий в конкретно данный промежуток времени. В зависимости от того, какими событиями наполнен это временной промежуток, такова и плотность социального времени. Социальное время имеет определённый диапазон проявления своей сущности, что также коррелирует с политическим пространством. К примеру, в определённые исторические периоды политическое пространство и социальное время одного и того же государства может быть плотным, наполненным смыслом и ясно очерченными идеалами общественного развития, или рыхлым, с неявно выраженными общественными целями и ценностями. В качестве примера можно привести Древний Рим в периоды его расцвета и упадка.

Согласно общей теории относительности, которую сформулировал Альберт Эйнштейн, существует единство пространства и времени. Другими словами, можно говорить

о совпадении пространства и времени, которое, на наш взгляд, может быть осмыслено при помощи понятия «синергия».

Синергия (греч.) – содействие, или совместное действие, усиливающее эффект взаимодействия двух или более факторов, которое существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов. Также этот термин может использоваться как синоним таких слов как «сообразованность», «согласованность». В русском языке наиболее полно смысл синергии передаётся при употреблении слова «лад».

Синергия – один из терминов православного богословия, в котором синергия в её сущностном выражении проявляется в диалоге между Божественной энергией (благодатью) и энергией человека (волей) [2, с. 49].

С точки зрения православного богословия синергия подразумевает свободное соединение Божественного и человеческого, призванное преодолеть расколотость человеческого существования, восстановить целостность бытия. Существует ценностно-смысловая наполненность понимания синергии в православной традиции. Сущностное свойство синергии – направленность к высшим идеалам [2, с. 50].

На наш взгляд, синергия может пониматься не только как теологическая, но и как политологическая категория, как тип политического взаимодействия, аксиологически окрашенного идеалами коллективного мировоззрения и ценностями традиционной культуры российского общества.

Применительно к теме нашего исследования отметим, что политическое пространство и социальное время в российском измерении тесным образом зависят от фундаментальных целей и ценностей, на которых базируются формы политического взаимодействия. В свою очередь, цели и ценности определяют степень плотности политического пространства и социального времени.

Одним из наиболее эвристически ценных концептуальных подходов для исследования синергии политического пространства и социального времени является неклассическая методология. В связи с этим сформулированные выше

утверждения могут получить своё концептуальное обоснование и развитие при использовании современных достижений квантовой теории.

Одним из ключевых терминов квантовой теории является понятие «квант действия» (от нем. Quantum – количество), которое было введено в научный оборот М. Планком в 1900 г. Квант действия известен в физике как постоянная Планка, или постоянная величина, при помощи которой описываются законы движения микрообъектов. Общим для всех квантовых теорий является то, что квантовые флуктуации подчиняются определённым законам. Самый важный из них – принцип неопределённости, на который ссылается Стивен Хокинг. Согласно принципу неопределённости, измеряемые параметры можно разбить на пары, для которых характерны скореллированные флуктуации. В теории квантовой гравитации подобную пару представляют расположение события в пространстве-времени и энергия, связанная с этим событием [3, с. 114].

Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что законы, действующие на микроуровне, выявленные квантовой теорией, можно применить к изучению объектов макроуровня, не исключая возможность политологической рефлексии универсальных законов. К примеру, закономерности, характерные для политических флуктуаций, можно выявить при помощи анализа квантовых флуктуаций. При этом измеряемые параметры политической власти также можно разбить на пары, для которых характерны скореллированные флуктуации.

При использовании квантовой теории в исследовании политического пространства и социального времени можно использовать понятие «квант энергии», означающее определённое характерное количество энергии, которое способна поглотить или отдать данная политическая система в одном акте изменения состояния. При переходе микросистемы из одного состояния в другое её энергия изменяется скачком на величину квантовой энергии, равную разности энергий системы в начальном и конечном состояниях.

Мы полагаем, что исследование политического пространства и социального времени предполагает также и изучение энергии, которая порождается важными историческими событиями, влекущими за собой скачкообразные изменения политической системы, что можно анализировать при помощи теории квантовой гравитации.

Таким образом, мы считаем, что синергию политического пространства и социального времени можно описать при помощи рассмотренных выше категорий и закономерностей, выявленных в рамках квантовой теории. При этом особый интерес представляет политологическое и философское преломление вопросов, изучаемых в квантовой теории, к примеру, таких как: искривление пространства, плотность энергии, сингулярность пространства и времени, пределы предсказуемости поведения самоорганизующихся систем.

Подводя итог сказанному, отметим, что постановка проблемы, контуры решения которой намечены в нашем докладе, имеет методологический характер и не исключает дальнейших дискуссий, связанных с этой темой. Автор будет благодарен за критические замечания и развитие высказанных предположений.

Выводы:

1. Ощущение политического пространства и социального времени в разных сообществах, принадлежащих к сфере влияния одной политической власти, может отличаться, так как оно связано с разным переживанием важных исторических событий и разной степенью вовлечённости в них людей, принадлежащих к данным сообществам.
2. Социальное время связано с отражением в сознании людей важных событий общественной жизни в конкретно данный промежуток времени. В зависимости от того, какими историческими событиями наполнен это временной промежуток, таково и переживание социального времени.

3. Социальное время имеет определённый диапазон проявления своей сущности, от плотности к рыхлости, что также коррелирует с политическим пространством.
4. Политическое пространство и социальное время следует рассматривать в их единстве и диалектической взаимосвязи, что на теоретическом уровне можно описать при помощи понятия «синергия».
5. Синергия политического пространства и социального времени имеет нелинейный характер, поэтому её исследование целесообразно осуществлять с учётом закономерностей, выявленных в рамках квантовой теории.
6. Синергия политического пространства и социального времени в российском измерении тесным образом связана с осознанием фундаментальных целей и ценностей общественного развития, на которых базируются формы политического взаимодействия. В свою очередь, ясность целей и мировоззренческая целостность общества определяют степень плотности политического пространства и социального времени.

Литература

1. Берсенёва Т.П. Синергия в культуре: монография. – Омск, 2014. – 256 с.
2. Берсенёва Т.П. Синергия: сущностные характеристики и формы проявления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 2. С. 48-52 // www.gramota.net/materials/3/2016/2/10.html
3. Будущее пространства-времени / С.Хокинг, К.С.Тори, И.Новиков и др. – Спб.: Амфора, 2009. – 254 с.
4. Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука). Наука и религия. – Симферополь: «Доля», 2006. – 160 с.
5. Плугатаренко П.Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ). Автореф.

дис. канд. полит. наук... 23.00.01.М., 2012. // cheloveknauka.com/v/550919/a?#?page=1

6. Пространство политическое // Новая философская энциклопедия// <https://iphlib.ru>

Силаева З.В.

ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УПРАВЛЯЕМЫХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию последствий изменения религиозной идентичности. Анализируются различные технологии, используемые внешними силами для формирования новых ценностей в условиях сложных социально-политических процессов.

Ключевые слова: религиозность, конструктивизм, инструментализм, религиозная идентичность, национальная безопасность, религиозная безопасность, конфликт.

Silayeva Z.V.

THE TECHNOLOGY OF TRANSFORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY IN MANAGED CONFLICTS

Abstract. The article is devoted to the investigation of the consequences of the change in religious identity. Various technologies used by external forces to form new values in conditions of complex socio-political processes are analyzed.

Keywords: religiosity, constructivism, instrumentalism, religious identity, national security, religious security, conflict.

В начале XX века актуализируется проблема исследования религиозной идентичности и динамики ценностей в условиях социально-политических трансформаций. Это обусловлено тем, что для молодого поколения сегодня все больше характерна неустойчивая, противоречивая религиозная идентичность, сконструированная из различных пред-

ставлений и осколков религиозных воззрений, которые нередко принадлежат различным религиозным системам, целенаправленно выстроенным под воздействием внешнего фактора и СМИ, и используемая для разжигания или поддержания конфликта на определенной территории.

Проблема заключается в том, что этноконфессиональный фактор все чаще стал использоваться как инструмент в управлении конфликтами и создании угроз национальной безопасности извне. Такая позиция обусловлена появлением и быстрым развитием новой стратегии умиротворения, в основу которой заложена идея трансформации религиозной идентичности посредством создания и имплантации новых типов нетрадиционной религиозности.

Данная стратегия все чаще стала использоваться для управления локальными конфликтами и целенаправленного влияния на внутреннюю ситуацию того или иного государства и региона. Она осуществляется посредством воздействия на субъекты конфликта, на повышение или понижение их критического мышления. Все чаще создаются условия, при которых человек отрывается от своих прежних традиционных верований, системы ценностей и полностью изменяет свой образ жизни, уходя из традиционных религий в культы или иные деструктивные организации, которые имеют свою систему, более понятную для разочаровавшегося человека. Как правило, происходит разрыв не только с семьей, но и с ближайшим окружением, друзьями. Человек помещается в новую среду, для которой характерны свои ценности, нередко противостоящие социальным ценностям и нормам.

В обществе формируется религиозная аномия как следствие утраты религиозных ценностей, которые составляют основу традиционной культуры. Нередко для этого деструктивные организации используют предложение материальных или социальных выгод людям, находившимся в нужде или бедственном положении, прибегая к психологическому давлению или угрозе применения насилия, или просто используя различные фобии людей с целью их вербовки. Они также используют веру как состояние предельной заинтересованности. Интерес к данным организациям приводит к тому, что

нетрадиционные, «девиантные» формы религиозности начинают получать все более широкое распространение.

Повсеместное возрождение религий после «холодной войны» ведет к тому, что религиозный фактор начинает играть важную роль в мировой политике и конфликтах, ею порожаемых. В XXI веке происходит усложнение не только процессов религиозного характера, но и социально-политической обстановки на макро и микроуровнях.

Несмотря на слом колониальных систем и падений империй, имперский характер и амбиции ряда субъектов международных отношений сохранились, а процессы глобализации, «открытых границ» и формирования «гражданина мира» способствуют их реализации, нередко через осуществление миссионерской деятельности. Распространение «новых религиозных движений» является характерной особенностью современной эпохи глобализации, обусловленной необходимостью новой религиозной идентификации как процесса поиска и обретения новой религиозной идентичности, разрешающей внутренние противоречия людей.

В научных исследованиях все чаще встречается мысль о постепенном формировании новой всепланетарной религии, поглощающей все остальные религии, основной целью которой является универсализация и единство человечества. Ряд исследователей считают, что деятельность экстремистских организаций целенаправленно и активно используется стремящимися к мировому господству международными структурами как средство для дестабилизации и дальнейшего разрушения отдельных государств, уничтожения отдельных наций [2].

Если обратиться к истории, то мы увидим, что это не совсем порождение современности и теории конспирологии. Технологии использования религиозного фактора применялись, начиная со второй половины XVII века, а сейчас они развиваются, совершенствуются. Например, распространение католической веры и замена ею местной веры в Южном Вьетнаме начиналась с миссионерской деятельности [1; с.24].

В рамках рассматриваемой технологии миссионер - «засланец» – это посланец, наделенный особой миссией, суть которой состоит в том, чтобы в чуждой среде проповедовать свои ценности и догмы, результатом которой должна стать замена соответствующих ключевых элементов местной культуры на нечто новое. То есть основная задача миссионера - «засланца» в те времена – это деструкция религиозной традиции, суть которой заключается в том, что элементы этой традиции, органично вписанные в систему местного мировоззрения, культуру и общественные отношения, попадают в чужеродный контекст. Закрепление новой религиозной идентичности происходит путем прочтения специально подготовленной и распространяемой литературы или бесед с «миссионером», выступающим в качестве наставника.

Однако, противостояние цивилизаций, различия восточной и западной культуры, столкновение развитых, развивающихся обществ с традиционными демонстрируют не только невосприимчивость ценностей друг друга, особенно в противопоставлении религиозного и секулярного, но и оказывают влияние друг на друга. Как отмечает В.Н. Колотов, [3; с.94] решить эту проблему удалось путем создания и распространения в стране-жертве деструктивных нетрадиционных религиозных организаций, совместимых с местной средой, но одновременно не представляющих угрозы для самих миссионеров и стран, их создающих. Основная цель таких организаций разрушение местных культур и ослабление их потенциала сопротивления духовной и вооруженной колонизации, а также формированию нового типа религиозной идентичности.

Особенно остро эта проблема встала в связи с транзитом демократии, резкой сменой идеологических оснований и развитием религиозной аномии, кризисом идентичности. Наиболее опасным является деструкция, направленная против социально значимых величин – семьи, государства, общества, т.к. она ориентирована на разрушение норм, ценностей, связей в обществе, которые объективно необходимы в условиях социально-политической нестабильности современности. Идентификация себя с одним типом религиозности или

социально-политическим конструктом, таким образом, нередко предполагает резкое противопоставление другому как чуждому.

Особенностью современной религиозной ситуации является многообразие и разнообразие религиозных образований, выходящих за рамки локальных культур, бросающих вызов традиционным конфессиям, применяющим метод дискредитации, включающий десакрализацию местных традиций культов, путем трансформации сознания жителей, и, как следствие, потери ими веры, ореола святости, а также нежеланием идентифицировать себя с ними. Это может привести к резкой поляризации общества.

В целом, основа всех технологий использования нетрадиционной религиозности в управлении конфликтами и дестабилизации ситуации в отдельных государствах или целых регионах имеет ряд общих элементов. Во-первых, все они связаны с изменением религиозной идентичности наиболее восприимчивой части населения. Во-вторых, создание некой прослойки специально подготовленных харизматичных людей на местах на случай высылки «защитников» из страны-жертвы. В связи с чем и создается целая жизнеспособная система обучения кадрового резерва в стране-жертве. В-третьих, провоцирование гонений со стороны местных властей, способствующих консолидации вновь формируемого сообщества, выход из которого «карается». В результате обеспечивается необратимость изменения религиозной идентичности, которая становится «фрагментарной» или «витражной».

Литература

1. Пчелин Н.Г. Миссия иезуитского ордена в Китае 1579-1842. – Автореф. канд. ист. наук. – РАН ИВ СПб. – СПб., 1999.
2. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – №6.

3. Колотов В.Н. Классические религиоведческие методики и изучение новых религий (опыт политологического анализа) // Религиоведение. – 2005. – №4. – С. 94-104.

Ставицкий А.В.

РОЛЬ МИФА В ГЛОБАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли мифа в современном обществе, когда мир стоит на пороге глобальных перемен. Переход к информационному обществу делает информацию ключевым оружием. Но информация как инструмент воздействия на сознание делает объектом своего воздействия смысловое поле культуры, которое контролирует миф.

Ключевые слова: современный миф, миф как инструмент политики и фактор национальной безопасности.

Stavitskiy A.V.

THE ROLE OF MYTH IN GLOBAL INTERACTION IN THE ERA OF CHANGE

Abstract. The article is devoted to the role of myth in modern society, when the world is on the threshold of global changes. The transition to an information society makes information a key weapon. But information as an instrument of influence on consciousness makes of the object of its impact the semantic field of culture that controls the myth.

Keywords: modern myth, myth as an instrument of politics and a factor of national security.

Роль мифа в обществе явно недооценена. И это не правильно, так как, удовлетворяя социокультурную потребность в целостном знании, он организует и регламентирует жизнь человека, предписывая людям правила социального поведения.

ния, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума. Более того, каким-то странным образом миф оказался тесно связан фактически со всеми проблемами жизнеустройства человека и общества, с их нравственными ценностями и социальными идеалами, с их духовностью, подводя к мысли, что способ и содержание мифотворчества народа напрямую связаны с его существованием.

Возможно, так происходит потому, что в мифах сосредоточен жизненно важный для существования человечества ресурс устойчивых и постоянно в разных формах повторяющихся во времени и пространстве ценностей, без актуализации которых дальнейшее существование и развитие человечества оказывается невозможным. Поэтому философия жизнеустройства и философия науки без анализа социального мифотворчества будут ущербными.

В свете этого особо стоит отметить, что:

- миф, как объект познания, актуализирует себя постоянно, а актуальность его исследований имеет для науки и общества непреходящий характер;

- хотя миф всегда воспринимался, как проблема, лишь сейчас его начинают осознавать, как механизм решения проблем;

- наука созрела, чтобы понять миф и себя в мифе, и через это изменить своё отношение к нему, знаменуя ту стадию проявленности мифа, когда его можно оценивать, как базовую и ключевую культурную универсалию.

И поскольку миф является основным инструментом социализации и сохранения смысловой цельности социума, а также инструментом развития, коррекции и защиты личной и социальной идентичности, нам следует признать, что в мифах кроются те резервы выживания, без которых человек существовать не может, как бы он при этом к мифам ни относился. Ведь:

- миф - смысловое поле культуры, особым образом организованная и устремленная в вечность информация, происхождение и значение которой до конца не известно;

- в рамках отдельных социокультурных пространств современные мифологии являются носителями жизненно важного для общества и страны смысла, где миф выступает механизмом управления сознанием, инструментом современной политики и фактором национальной безопасности, главная задача которого поиск, обретение, сохранение или разрушение общего символически означенного для людей сакрального смысла;

- возможности и потребности общества в эмоционально сильных и символически насыщенных образах умножаются на политический заказ власти в условиях эпохи тотальных манипуляций, когда мифы позволяют контролировать общественное сознание, а следовательно, и поведение людей, не прибегая к прямому насилию.

В результате важнейшую роль в процессе поиска новых мобилизующих идей играет способность общества к мифотворчеству, а глобальный контроль над мировыми ресурсами определяется возможностью глобального лидера через свои и чужие мифы контролировать сознание людей. А это значит, что в условиях массового использования психотехнологий, знание онтологических начал мифа и мифотворчества позволяет создать возможности для распознавания и грамотной защиты от вредного мифотворчества чужих элитарных групп и сообществ, включая собственную власть, если она идет против интересов социума и людей.

Возможно, поэтому особое беспокойство вызывает тот факт, что, несмотря на каскад технологических открытий и преобразований, которые готовит наука для человечества в ближайшие годы, нами до сих пор не раскрыта тайна сознания. Мы летаем в космос, изучаем отдаленные объекты Вселенной, но не познали человека, не поняв, как работают в мозге миллиарды нейронов, создающие опыт и эмоции. Однако попытки взломать сознание идут постоянно, множа риски и угрозы будущего и подводя к грандиозной проблеме смены ключевой парадигмы бытия.

Миллиарды лет всё живое на планете подчинялось законам естественного отбора и органической биохимии. Но сейчас наука пытается заменить эволюцию с помощью есте-

ственного отбора на эволюцию с помощью разумного замысла, но не божественного, а человеческого. В данной ситуации контроль над смыслами человека и человечества становится определяющим. Ведь от наших ответов на вопросы, каким будет общество в будущем, зависит не только жизнь человечества, но и всего живого на планете. И без мифа этой проблемы не решить. Ведь информация становится главным активом власти и социума, а его смыслы – высшей формой её организации. Но эти смыслы могут быть раскрыты и поняты только в образно-символической, т.е. мифологической форме. И ради них в мире идут ментальные войны, войны на историческом поле, конкуренция образов и проектов будущего как войны мифов с целью контроля социальной, этнокультурной и цивилизационной идентичности.

В основе этой конкурентной борьбы лежит простой тезис, что мир будет таким, каким мы его мыслим. Конкуренция проектов настоящего и будущего потребует сильных мифологий, органично сочетающих динамизм с устойчивостью, а ценностные начала с эффективностью креатива. И с учётом этого, новым глобальным лидером станет тот, кто сумеет создать самый привлекательный и эффективный проект, где привлекательность проявляется в новых интерактивных формах архетипических ценностных начал, а технологии будут помножены на порожденный культурой великий созидательный миф.

Данное обстоятельство вынуждает нас воспринимать миф как инструмент политики и фактор национальной безопасности, обеспечивающий защиту и экспансию на высшем уровне приоритетов общественной безопасности, где речь идет о базовом мировоззрении социума и культурных кодах цивилизации. И с ним связан социальный заказ на информационную разработку способов организации мифов и внедрение их в доступную всем контекстно-ориентированную информационную среду.

Впрочем, этим список проблем не исчерпывается. Сейчас мир стоит перед лицом угрозы такого масштаба и вынужден решать проблемы такого уровня, какого человечество ещё не знало. Налицо утрата смысла бытия людей в рамках

всего человечества. И мир должен её преодолеть. Но в этом деле ему понадобится весь имеющийся у него духовный потенциал. Однако переосмыслить социокультурное бытие на новом витке его развития, не изменив своего отношения к мифу, не получится. Именно этим объясняется необходимость пересмотреть роль и место мифа в современной системе знания. Ведь без существенной коррекции отношения к мифу и мифотворчеству нам трудно будет понять нашу ответственность за образ своего мира в мире других.

Поэтому миф надо изучать системно, во всей полноте проявлений его многообразия, средствами всех исследующих миф наук, не теряя при этом его целостности, когда исследования мифов понимаются, как практика междисциплинарных и интегративных исследований социального смыслообразования. Ведь мы живём в такие времена, когда социальные процессы всё чаще объясняют в терминах вирусологии, программирования, бесструктурного и матричного управления, а человеческое сознание и культурные коды цивилизаций взламывают и конструируют как компьютерные программы. Но если миф контролирует пространство ценностных смыслов общества и человека, можно считать, что изменение отношения к мифу в науке и обществу по своим последствиям соотносимо с открытием квантовой физики и психоанализа.

Suda E. Zeynep

POLITICS OF REMEMBRANCE: THE CONSTRUCTION OF MEMORY OF THE GREAT WAR

Abstract. The article deals with the policy of the memory of the great war through the prism of historical, cultural and political dynamics. Collective memory is a construct that depends on current, existing needs and circumstances; our personal memories are socially constructed and meaningful in a social context.

Keywords: politics of remembrance, war, collective memory, historical development.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье рассматривается политика памяти Великой войны через призму исторической, культурной и политической динамики. Коллективная память - это конструкция, которая зависит от нынешних, существующих потребностей и обстоятельств; наши личные воспоминания являются социально оформленными и приобретают смысл в социальном контексте.

Ключевые слова: политика памяти, война, коллективная память, историческое развитие.

Collective remembrance is public recollection. It is the act of gathering bits and pieces of the past, and joining them together in public. The 'public' is the group that produces, expresses, and consumes that memory. Collective memory is not a cluster of individual memories; as the studies on memory shows us, the whole is greater than and different from the sum of the parts. Collective memory is constructed through the action of groups and individuals in the light of day (Winter-Sivan, 1999: 6). Collective memory is a construct under current, existing needs and circumstances; our personal memories are socially framed and gain meaning in a social context. War, experiences of war, soldiers, victims of war, ceremonies, rituals, carved into stone, filmed and remembered in narratives, arts, poetry in 20th century as well as 21st century with horror and pride.

In this paper I like to discuss the characteristics and politics of memory construction for the Great War in the eastern and the western fronts; in Ottoman-Turkish tradition and Alsace front in the memory of French society in a wider basis, with the historical, cultural and political dynamics starting before the war, and to depict the situation during and after war period, reaching out the interwar period and afterwards. In the west, eastern front is not very well known in academic or popular writing, vice versa. We may discuss that the historical, political and cultural context had

been widely different in each case, but on the contrary we may mention certain similarities in the war experience and in the making of the social memory and memory places.

The ‘construction’ took place in a long period starting in the 1920s, and afterwards the political situation has changed drastically in Ottoman-Turkish experience with the war of independence and the formation of the new Republic in 1923. While on the western experience construction of an official memory, concurrently the construction of cemeteries and memory places started rapidly after war period in 1920s. But the political climate has changed in 1930s with the changing political tendencies and the tensions in French society and wider Europe due to the 1929 economic crisis and the rising of militarization and fascist tendencies, increasingly facing the reality of coming of a new war, namely the Second World War starting in 1939.

Таран И.А., Юнес И.

АРАБИЗМЫ В СМИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА

Аннотация. В проведенном исследовании с помощью экспериментального метода выясняется, что арабизмы используются в прессе часто в искаженном виде, не в исконном смысле, что полностью меняет семантику данных слов. Как правило, арабская лексика выступает в качестве составной части механизма воздействия на аудиторию. Чаще всего такое воздействие направлено на создание специфического образа мусульманских стран, мусульманской религии. В нашем исследовании мы приходим к выводу, что трансформация арабской лексики в неологизмы с негативной коннотацией – это явление, имеющее множество предпосылок и причин, которые мы рассмотрели в исследовании. Однако наиболее важным аспектом этой проблемы остается то, что искаженные арабизмы влияют на подсознание людей, строят их кар-

тину мира таким образом, что арабские страны – это зло, терроризм и насилие.

Ключевые слова: СМИ, арабизмы, языковое манипулирование, Кара Мурза, коннотация, искажение, семантика.

Taran I.A., Younes I.

ARABYSMS IN THE RUSSIAN MEDIA AS THE TECHNOLOGY OF USING THE ETHNORELIGIOUS FACTOR

Abstract. In the conducted research it is found out with the help of the experimental method that arabisms are used in the press often in a distorted form, not in the original sense, which completely changes the semantics of these words. As a rule, Arabic vocabulary acts as an integral part of the mechanism of influence on the audience. Most often, such an impact is aimed at creating a specific image of Muslim countries, the Muslim religion. In our study, we come to the conclusion that the transformation of Arabic vocabulary into neologisms with negative connotations is a phenomenon that has many prerequisites and reasons that we examined in the study. However, the most important aspect of this problem remains that distorted Arabisms influence the subconscious of people, build their picture of the world in such a way that Arab countries are evil, terrorism and violence.

Keywords: mass media, arabism, language manipulation, Kara Murza, connotation, distortion, semantics.

В настоящее время средства массовой информации являются не только посредником между случившимся событием и читателем, зрителем, слушателем, но и зачастую источником этого события, либо же его участником. Кроме того, СМИ своими сообщениями и материалами формируют у своей аудитории мнение, которое часто называют «общественным», потому что одну и ту же точку зрения поддерживает сразу многочисленная группа индивидов.

Согласно мнению С.Г. Кара-Мурзы, СМИ - это главный инструмент, который распространяет сообщения, воздействующие на сознание людей [1]. Именно поэтому некоторые ученые считают СМИ «четвертой властью». Средства массовой информации концентрируют в себе наибольшую степень механизмов формирования общественного мнения, а также управления им.

Известный теоретик в области лингвистики Быкова О.Н. считает манипуляцию видом языкового воздействия, который используется, чтобы скрыть внедрение в психику адресата целевого характера, а также навязать определенные желания, намерения, отношения или установки к чему-либо, не совпадающие с теми, которые есть у адресата на настоящее время.

Особый интерес для нас представляет детальное рассмотрение языкового манипулирования, которое очень часто используется во многих средствах массовой информации. Тут журналисты используют особенности определенного языка, в нашем случае арабского, а также принципы его употребления, чтобы скрыто воздействовать на аудиторию в нужном для конкретного СМИ направлении.

По-другому языковое манипулирование — это скрытое воздействие информационно-психического характера, которое осуществляется на базе трех уровней: (индивидуальный, групповой, массовый), весь процесс нацелен на то, чтобы побудить человека к действиям, которые входят в противоречие с его личными интересами, взглядами, а также разрушают его языковую картину мира и систему ценностей общества в целом.

Следует отметить, что манипулирование общественным мнением в СМИ осуществляется с помощью различных языковых средств, однако чаще всего журналисты используют лексический уровень языка. Именно этот уровень - наиболее продуктивный в ходе языкового манипулирования. Посредством различных языковых единиц журналист не только выражает свое мнение и субъективность восприятия, но и убеждает читателя в объективности и истинности своих воззрений.

Как правило, знания обывателя о мусульманском мире основываются зачастую на тех ресурсах, из которых человек черпает информацию. И если он не исследователь и не студент, который специализируется на знаниях о Востоке, то основной источник – это почти всегда пресса. И вопрос тут уже о том, в какой степени пресса объективно освещает то, что происходит в мусульманском мире и все, что связано с мусульманами на данной территории [2].

Люди часто задают вопрос, почему все мусульмане такие агрессивные? Почему они постоянно воюют и распространяют идеи фундаментализма?

Так вот согласно комментарию Акрама Хузама, который недавно возглавил арабскую службу российского спутникового телеканала «Russia Today», можно спорить на тему, где и как мусульмане воюют. По его словам, «последняя война была еще в 1973 году. После этого никаких войн не было. В Палестине они бросают камни. Исключая некоторые операции либо в казармах в Израиле, либо в автобусах».

Но тогда возникает другой вопрос – почему люди видят в прессе только то, что где-то взрывают, по кому-то стреляют? Причем, именно мусульмане.

Акрам Хузам считает, что так происходит по причине того, что «в прессе, к сожалению, в основном отсутствует объективность». По его мнению, тут нет никакой намеренной направленности против мусульман и исламского мира в целом, но есть зашоренность взглядов и это формирует повестку дня [3].

В современных СМИ в последнее время журналисты все чаще употребляет конфессиональную лексику арабского происхождения. Надо сказать, что прием использования арабских слов сейчас достаточно популярен практически во всех медиа. Журналисты намеренно актуализируют слова этой семантической группы, добавляя к ним дополнительные коннотации, которые замещают истинное значение данных слов. В СМИ за последние десять лет появлялись и вследствие стали для всех понятными таки арабские слова как: «моджахед», «ваххабит», «шахид», «джихад», «талиб» и др. Однако какое значение носят все эти неологизмы?

Если сравнить истинное значение этих слов и то, что в них вкладывают журналисты, становится понятно, что разница просто диаметрально противоположная. Значения таких заимствований не просто претерпели трансформацию, они обрели негативный оттенок и отрицательную оценку.

Например, слово «**шахид**», которое в арабском языке обозначает «мученик за веру» **ديّش**, в СМИ соотносится с отрицательной коннотацией и прямой оценкой «исламский террорист-самоубийца, камикадзе», причем слово «исламский» в этой конструкции тоже употреблено неверно, так как ислам и терроризм никак не связаны.

Слово «**ваххабит**» от арабского **بهاو** — «тот, кто приносит дар, жертвующий» в прессе закрепляется как название политического движения религиозного характера «приверженец Ислама, тот, кто проповедует религиозную чистоту, отказ от роскоши и т.д».

Такого рода расхождение между значением первоисточника и заимствованием - яркий пример того, как одно и то же слово отражает в разных языках противоположные точки зрения на, казалось бы, один и то же факт реальной действительности: мученик - превращается в террориста-смертника, борец за правое дело — в воина-террориста, служение Богу — в вооруженную борьбу.

Интересно, что отрицательного эмотивного значения журналисты добиваются посредством сочетания арабизмов со словами, которые содержат компонент семантического характера «насилие»: мишень, казнены, оружие, вооружены, разжигать, теракты, взрыв и др.

Термины ислама активно употребляются в текстах радио, причиной этого может служить их узуальность, узнаваемость, яркость их экспрессивной и оценочной окраски, что является мощным средством по манипуляции общественным мнением, чтобы еще более сильно воздействовать на аудиторию.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: Учеб. Пособие. - М.:Алгоритм, 2004. 528 с.2. Платонов Ю. Народы

мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение): Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2014.С.285

режим доступа:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Plat/index.php

3. Независимый арабский журналист Акрам Хузам о
странных событиях в мире режим доступа:
<http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=4509>

Филин Н.А.

ВЗГЛЯДЫ АЯТОЛЛЫ МУХАММАДА ФАДЛАЛЛАХА НА НОРМЫ ШИИТСКОГО ИСЛАМА

Аннотация. Шиитский мир во второй половине XX в. претерпел значительные изменения, главным из которых была Исламская революция в Иране, привнесшая в данное направление ислама политическую составляющую и укрепившая позиции иранского духовенства. Одним из независимых авторитетных религиозных деятелей был аятолла Мухаммад Фадлаллах, который имел собственные взгляды на нормы шиитского ислама, часто отличающиеся от представлений других духовных авторитетов. Более того, часто его высказывания были настолько радикальны, что вызывали недоумение религиозной элиты.

Ключевые слова: Религия, ислам, шиизм, аятолла, Хусейн Фадлаллах.

Filin N.A.

VIEWS OF AYATOLLAH MOHAMMAD FADLALLAH ON NORMS OF SHIA ISLAM

Abstract. The Shia world in the second half of the 20th century has undergone significant changes, the main of which was the Islamic Revolution in Iran that brought the political component to this branch of Islam and strengthened the position of the Iranian clergy. Ayatollah Muhammad Fadlallah was one of independent reputable religious leaders and had his own views on

the Shia Islamic norms that often differed from those of other spiritual figures. Moreover, his statements were often so radical that they caused confusion among religious elite.

Keywords: Religion, Islam, Shia, Ayatollah, Hussein Fadlallah.

Аятолла, которого обычно называли «Шейх», Мухаммад Хусейн Фадлаллах (1935–2010 гг.), родился в г. Неджефе (Ирак) в 1935 г. в религиозной семье из Ливана [1].

Во время его активной деятельности многие задавались вопросом, кем же на самом деле был этот человек? Его можно назвать самым противоречивым и загадочным правоведом шиитского мира. Если рассмотреть некоторые его религиозные решения, а также речи и высказывания, то станет ясно, почему кто-то перед ним преклонялся, кого-то он приводил в ярость, а остальные оставались в недоумении.

Многие его религиозные постановления резко расходились со взглядами консервативных представителей шиитского духовенства. По его мнению, азартные игры дозволены, если они – не на деньги. В отличие от других богословов, он считал приемлемым бритье бороды. А самая прогрессивная его фетва (религиозное постановление) касалась вопроса ритуальной чистоты. В то время как некоторые современные ему богословы-правоведы, прежде всего, Мухсин ал-Хаким и Мухаммад-Бакир ал-Садр, считали, что, кроме мусульман, ритуально чистыми могли быть только «люди Писания» (*ахл ал-китаб*) (христиане и иудеи), Фадлаллах распространил ритуальную чистоту вообще на всех людей, вне зависимости от их отношения к религии [3, с. 140].

На примере этого постановления мы можем понять некоторые особенности религиозных взглядов Фадлаллаха. Его религиозные решения часто были направлены на снятие барьеров между шиитами и другими группами людей – вне зависимости от того, являются ли они мусульманами или нет. Но, издавая такие фетвы, он, как оказывается, ставил под удар ряд основных принципов, составлявших уникальную шиитскую идентичность, и вступал в серьезное

противоречие со многими равными ему по званию религиозными деятелями и простыми шиитами. Его фетва, разрешающая использовать астрономические расчеты или современные технологии для определения положения луны означала, что шииты должны были отмечать свои религиозные праздники в тот же день, что и сунниты, а не на день или два дня позже, как это часто происходило. Согласно традиционному шиитскому убеждению, молитвы *магриба* (заката солнца) должны начинаться с наступлением темноты, а не во время самого заката. Фадлаллах с этим был не согласен и говорил, что начинать молиться надо именно во время заката. Такие фетвы имели далеко идущие последствия. То, что шииты вставали на вечернюю молитву раньше, чем сунниты, напоминало шиитам о том, что они выделяются среди других мусульман. Если бы все мусульмане начали молиться в одно и то же время, это напоминание бы исчезло.

Фадлаллах не считал необходимыми такие важные шиитские церемонии, как процессии во время месяца мухаррам, взывание к имаму Али в азане (а это – основа традиционной шиитской обрядности). В проповеди в 1992 г. Фадлаллах объявляет ложным предание о том, как два первых халифа, Абу Бакр и Омар, избили дочь пророка Мухаммада Фатиму, после чего у нее случился выкидыш [3, с. 142].

Взгляды Фадлаллаха относительно роли женщины сильно отличались от мнений других богословов-правоведов [2]. Общественное мнение обычно связывает исламский «фундаментализм» с очень ограниченной ролью женщин при этом возникает представление о полностью закутанной в черную ткань женщине, у которой невозможно разглядеть фигуру. Фадлаллах же настаивал на том, что для соблюдения канонов ислама в одежде достаточно только соблюдать скромность. Он не пускался в тонкие рассуждения, нужно ли закрывать кость запястья, или подбородок, или каждую прядь волос.

Вместо этих тем он сосредотачивал внимание на роли женщин в семье и обществе. Он говорил, что единственная

обязанность женщины в браке, предписанная религией, это удовлетворение сексуальных потребностей мужа. В других сферах, по его словам, женщина свободна реализовывать свои «естественные социальные, политические и экономические права и обязанности» [3, с. 143].

Многие другие высказывания Фадлаллаха противоречили традиции классического шиизма, поэтому не приходится удивляться тому, что Фадлаллаху пришлось приложить немало усилий, чтобы отстаивать свои взгляды, особенно перед иранским духовенством, которое считало его мнения противоречащими истинной религии.

Литература

1. Cambanis T. Grand Ayatollah Fadrallah, Shiite Cleric, Dies at 75 // The New York Times. 04.07.2010. <http://www.nytimes.com/2010/07/05/world/middleeast/05fadrallah.html>
2. Muhammad Husayn Faḍlallah: shiite cleric // Encyclopædia Britannica. <https://www.britannica.com/biography/Muhammad-Husayn-Fadrallah>
3. Walbridge L.S. The Thread of Muawiya: The Making of Marja Taqlid. Bloomington, 2014.

Шахин Ю.В.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЮГОСЛАВИЗМА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГОСЛАВИИ 1950-Х ГГ.

Аннотация. В работе дана краткая характеристика разработки и содержания концепции социалистического югославизма, появившейся в 1950-е гг. Показана разнородная реакция общественного мнения Югославии на официальную линию в национальном вопросе. Автор объясняет возникшие разногласия различием этнических процессов, в которые были вовлечены народы Югославии того времени.

Ключевые слова: Югославия, национальная политика, этносы, интеграция, общественное мнение.

Shakhin Y.V.

CONCEPT OF SOCIALIST YUGOSLAVISM AND ETHNIC DEVELOPMENTS IN YUGOSLAVIA OF 1950-ES

Abstract. The paper gives a brief description of the development and content of the socialist Yugoslavism concept appeared in the 1950s. A heterogeneous reaction of Yugoslavia's public opinion to the official line in the national question is demonstrated. The author explains the disagreements that arose by differences in ethnic processes, the Yugoslavian peoples of that time were involved to.

Keywords: Yugoslavia, national policy, ethnos, integration, public opinion.

Во второй половине 1950-х гг. югославские партийные лидеры задумались над развитием межнациональных отношений в стране, путями и желательными результатами формирования политических и национальных идентичностей в масштабе всей Югославии и отдельных республик. Эти поиски стимулировала разработка новой программы Союза коммунистов Югославии. В феврале 1957 г. по предложению сербского писателя Добрицы Чосича комиссия по разработке новой программы решила включить туда проблему югославизма [1]. Вслед за этим один из ведущих партийных теоретиков Э.Кардель переиздал свою довоенную работу «Развитие словенского национального вопроса». Новое издание было снабжено обширным предисловием, где Кардель охарактеризовал межнациональные отношения в современной Югославии и изложил свое видение югославизма. Предисловие датируется апрелем 1957 г. [2].

VII съезд СКЮ намечалось провести в конце 1957 г., однако он был перенесен и состоялся в апреле 1958 г. в Любляне. Как и предполагалось, съезд принял новую программу, где содержался раздел о межнациональных отношениях в

Югославии. Сопоставление с предисловием к «Развитию словенского национального вопроса» показывает, что в его основу легли именно идеи Карделя.

Программа провозгласила необходимость развития всесторонних связей народов Югославии с целью их сближения. Разумеется, эти процессы должны были протекать на социалистической основе. Согласно документу, на основе развития материальных интересов формируется общее югославское сознание, которое не отменяет, а дополняет национальное сознание народов Югославии. В программе для его обозначения использовался термин социалистический югославизм. В то же время программа прямо отрицала курс на создание некой новой югославской нации и даже брала это выражение в кавычки [3].

Программа утверждала, что в Югославии отсутствует национальный вопрос, но вместе с тем отмечала, что еще сохраняются факторы, которые негативно влияют на межнациональные отношения. Во-первых, это политические и идейные остатки буржуазного национализма. Программа их решительно заклеимила. Во-вторых, это тенденции бюрократического централизма, которые идейно-политически проявляются в виде великодержавного гегемонизма. Наконец межнациональные противоречия могли возникать из-за неравномерности развития отдельных частей Югославии. Со всеми этими явлениями надлежало бороться. Положительной задачей партии на ближайшую перспективу провозглашалось укрепление пролетарского интернационализма и сближение народов страны [4]. Примечательно, что в предисловии Кардель писал о будущем слиянии наций во всем мире, однако программа так далеко не заходит и об этом умалчивает.

Концепция социалистического югославизма вызвала неоднозначную реакцию уже в 1957 г. и стала предметом взаимоисключающих толкований. Так в Словении бывший соратник Карделя по партизанской борьбе М.Микуж опубликовал рецензию, где проигнорировал все мысли о югославском сознании и подчеркивал, что отдельные нации сохраняются. Для него главным было, что словенская нация не исчезнет [5]. А в Боснии вышла рецензия Э.Реджича, который

усматривал главное достоинство предисловия в обосновании интернационализма и курса на слияние югославских наций [6]. Похожей была реакция и на VII съезде СКЮ. При обсуждении на VII съезде национального вопроса мнения делегатов из различных регионов разделились примерно так же, как и оценка взглядов Карделя местными публицистами. Боснийские представители Ч.Капор и Н.Диздаревич выдвинули идею будущего слияния наций, а единственный, кто им посчитал нужным возразить, был словенский делегат писатель И.Потрч. Интересное возражение им сделала также Л.Чаловская из Македонии. По ее словам не нужно смешивать межнациональные и межреспубликанские отношения: одно дело формы сотрудничества Сербии и Боснии, находящихся в едином языковом пространстве, и совсем другое – сотрудничество Сербии и Македонии, у которых язык различен [7].

Различное отношение к югославизму, развитию общей идентичности и сознания на его основе требует объяснения. Прежде всего, учтем, что народы Югославии в это время находились на различных стадиях зрелости. У словенцев уже давно оформилась нация, а в глубинных районах Динарского нагорья формирование наций еще только протекало. В той же Боснии существовало население, которое еще не выработало у себя жесткой национальной идентичности. Наконец, в зоне распространения штокавских диалектов сербско-хорватского языка основным этническим маркером служила религия, и вытекающие из нее особенности быта, а развернувшиеся в федеративной Югославии общественные процессы стремительно сводили роль этого разграничителя к нулю. Эти процессы - секуляризация, урбанизация и перемешивание населения вследствие трудовых миграций. Там, где население Югославии говорило на диалектах одного языка и отличалось друг от друга лишь по религии, эти процессы легко могли привести к формированию единой нации. Люди, пришедшие в город из различных мест, утратившие связь с сельским бытом и религиозными предрассудками, вступающие в смешанные браки и не имеющие жестко выраженного национального самосознания легко могли сформировать но-

вую югославскую нацию. Наиболее благоприятные условия для этого существовали именно в Боснии, народы которой жили попеременно еще до индустриализации, причем численно преобладающий этнос отсутствовал.

Совсем иначе дело обстояло в Словении. В языковом плане словенцы обособлены от большинства югославян. Как книжный словенский язык, так и живые народные диалекты близки только к кайкавскому диалекту у хорватов. Затем население словенских земель этнически однородно. В нем абсолютно преобладают словенцы, заметного присутствия остальных югославян никогда не было. Это создавало объективные трудности для этнического перемешивания. Наконец, процессы урбанизации и секуляризации в словенских землях существенно разошлись во времени. Первый опередил второй. Поэтому в Словении в 1950-е гг. происходила секуляризация уже существующей городской культуры, а не формирование секулярной городской культуры на развалинах сельской религиозной. В итоге словенцы объективно были обособлены от тех культурных процессов, эпицентром которых стала Босния.

В связи с этим Кардель был отчасти прав, когда отрицал возможность югославской нации. Такая нация не могла сформироваться за счет всех югославянских народов. Однако часть югославян вполне могла слиться в единую нацию, оставив за рамками процесса словенцев и, возможно, македонцев. Начисто исключая такую возможность Кардель ошибался. В связи с этим заслуживает критики программа СКЮ по национальному вопросу. Она пыталась применить одинаковую мерку ко всем народам Югославии, не учитывая специфику этнических процессов, в которых они участвуют. Впрочем, в этом проявилась особенность, характерная для всех концепций югославизма, а не только для его социалистической версии.

Литература

1. Ћосић Д. Пишчеви записи / Добрица Ћосић. – Београд: Филип Вишњић, 2000. – С.122.

2. Kardelj E. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja / Edvard Kardelj. - Beograd: Kultura, 1958. – S.68.
3. VII kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Beograd: Kultura, 1958. – S.364.
4. Ibid. – S.365-367.
5. Mikuž M. Edvard Kardelj (Sperans) Razvoj slovenskega narodnega vprašanja / Metod Mikuž // Naša sodobnost. – 1957. - №10. - S.930-938.
6. Redžić E. Prilozi o nacionalnom pitanju / Enver Redžić. – Sarajevo: Svijetlost, 1963. – S.218-225.
7. Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest / Dušan Bilandžić. – Zagreb: Golden Marketing, 1999. – S.404; Gabrič A. Socialistička kulturna revolucija: slovenska kulturna politika: 1952-1962 / Aleš Gabrič. – Ljubljana: Cankarjeva založba, 1995. – S.330-332.

Шевченко Н.Н., Гогуадзе М.Г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРО- СТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (МЕТО- ДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления трансформации современной социальной теории, обусловленные «коммуникативным поворотом», который является концептуальным основанием полидисциплинарного анализа коммуникативной проблематики. Практики политической коммуникации рассматриваются в качестве базисного основания для реализации политических технологий и как фактор конкурентной борьбы за завоевание, осуществление и удержание политической власти в рамках демократического политического процесса

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативный поворот, теории политической коммуникации, политико-коммуникационные процессы, информационно-коммуникативные технологии.

POLITICAL COMMUNICATION IN THE SPACE OF MODERN SOCIETY (METHODOLOGICAL ASPECT)

Abstract. The article examines the main directions of the transformation of modern social theory, conditioned by the "communicative turn", which can be considered as a conceptual basis for polydisciplinary analysis of communicative problems. Practices of political communication are considered as the fundamental basis for the implementation of political technologies and as a factor of competition for the conquest, implementation and retention of political power within the framework of a democratic political process.

Keywords: communication, communicative turn, theories of political communication, political and communication processes, information and communication technologies.

В процессе социальных трансформаций, обладающих всеобщим характером, формируется новая реальность, отличная по своим онтологическим параметрам от предшествующих типов социальности. Попытки обозначить состояние современных обществ сопряжены с разработкой теоретико-методологических оснований, позволяющих осуществить маркировку зоны разрыва между двумя эпохами (современным и постсовременным обществом) и провести реконструкцию этого события на языке ментальных, исторических и социальных обстоятельств. Принципиальному переосмыслению подвергаются многие парадигмальные концепции социального развития, разработанные классической социальной теорией, признается возможность многолинейного характера общественного развития, отрицается обязательность строгой последовательности стадий исторического процесса и этноцентристская, ориентированная на Запад, концепция целей модернизации.

Множественные когнитивные стратегии постклассической социальной теории, тематизирующие проблемы вариативности, пограничности, рефлексивности, принципиально

противоположны исследовательскому ракурсу классической социальной теории, методология которой была ориентирована на очерчивание границ стабильного общества. Образ современных обществ, имеющих нестабильный, транзитный характер, формируется в многочисленных теориях «информационного общества», «общества знания», «постиндустриального общества», «посткапиталистического», «постцивилизационного», «постэкономического», «супериндустриального» и т.д., предлагающих широкие представления о будущем обществе, и использующих в своих гносеологических стратегиях нередуцируемое многообразие социальной и культурной методологии.

Произошедший в гносеологии, логике и теории познания конца XX века «коммуникативный поворот», ориентирующий исследователей на переход от анализа эгологических структур сознания к изучению коммуникативных характеристик мышления, реализуется в релевантной социальной методологии, обращенной к анализу коммуникаций, коммуникативного сообщества, коммуникативного действия. В наиболее артикулированном виде коммуникация как социокультурный феномен представлена в работах К. Ясперса, О. Больнова, Э. Мунье, Ф. Кауфмана, С. Кьеркегора и других философов, исследовавших проблемы интерсубъективности, диалога и общения, подчеркивающих сознательный характер социальной коммуникации как взаимозависимости, погруженной в структуры языка и знаковых форм. Философские исследования Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Ф. Соссюра, Ч. Пирса, Ч. Морриса, являющиеся знаковыми в понимании коммуникации как комплекса языковых игр, имеющих семантико-прагматические правила, проясняют механизмы передачи содержания и феномены символизации, являющиеся условиями всякой коммуникации.

Введение коммуникативного сообщества как предпосылки знания и культуры было осуществлено Ф. Фукуямой, рассматривающим коммуникативность как социальный капитал или потенциал общества, характеризующийся наличием доверия между его членами. Для Ю. Хабермаса социальное действие имеет коммуникативный характер, в состав ко-

торого он включает коммуницирующих субъектов, интерес-субъективные смыслы, проект, мотивационный комплекс, а само коммуникационное действие рассматривает как процесс прояснения говорящими нормативных притязаний на истину и правдивость, проверяемых во взаимном обмене аргументами. Коммуникативное действие, как полагает Ю. Хабермас, ориентировано на достижение согласия, на взаимопонимание, в нем акторы согласуют и координируют планы своих действий, достигая согласия, а условиями процесса коммуникации он считает иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом – мотивом совместного поиска истины и, наконец, допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества».

Н. Луман также предлагает обновить парадигму социального знания, положив в основу понятие коммуникации, определяемое им как социальная операция, предполагающая множество совместно действующих систем сознания, исключаящая их единство, поскольку согласие, как полное согласование в строгом смысле слова, на его взгляд, невозможно, вместо него функционирует коммуникация. В интерпретации Н. Лумана, коммуникация создается людьми, а общество состоит не из личностей, а из коммуникации между ними, обладающей собственной реальностью и собственной автономией.

В рамках социальной и философской традиций нарабатаны не только подходы и представления, позволяющие сформулировать понятийную конструкцию, отражающую новое качество социальности, но и сформулированы методологически продуктивные исследовательские стратегии в изучении коммуникативных процессов в различных социальных сферах. В работах ведущих философов и социологов современности – Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, Э. Гидденса, У. Бека, Н. Лумана, И. Кастельса, И. Валлерстайна и других теоретиков заложены концептуальные основания полидисциплинарного анализа коммуникативной проблематики, позволяющие экономистам, психологам, естествоиспытателям и другим специалистам в своих дисциплинарных исследова-

ниях предлагать разнообразные трактовки данного явления, ориентируясь на релевантную социальную и философскую методологию.

Анализ социальных и философских исследований коммуникационной проблематики позволяет сделать вывод о том, что проблемы, обусловленные ролью коммуникации и коммуникационных технологий в различных общественных сферах, могут быть адекватно тематизированы в концептуальной рамке теорий, обусловивших «коммуникативный поворот», являющихся методологическим основанием для осуществления многомерного анализа проблем, связанных с трансформациями различных типов профессиональной коммуникации, таких как политические, маркетинговые, рекламные, организационные и другие.

Политическая коммуникация, как явление общественной жизни и инструмент управления социумом, осмысливалась ещё философами античности, оказавшими большое влияние на дальнейшее развитие политико-коммуникационной проблематики, традиционно исследовавшейся в рамках изучения государственно-общественных отношений. К числу методологически продуктивных и эвристически значимых подходов к анализу политической коммуникации следует отнести работы социологов М. Вебера, Т. Парсонса, К. Манхейма, а также системный анализ политической коммуникации, осуществленный Г. Лассуэллом, П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном, Х. Годэ, Э. Кэмпбэллом, Л. Фестингером, У. Липпманом, Дж. Гербнером и другими авторами.

Системные изменения политической сферы в нашей стране детерминируют модернизацию политико-коммуникационных процессов, способствующих стабильности политической системы. Формирование современных моделей политической коммуникации является фактором, определяющим вектор развития социальных связей, степень консолидации общества, уровень легитимности институтов власти. Являясь средством выражения политических требований, механизмом согласования политических интересов и разрешения политических конфликтов, политическая комму-

никация может служить индикатором степени устойчивости и стабильности политической системы.

Появление новых форм социальности, обусловленных формированием информационного общества, сопровождается усложнением политической системы, появлением новых политических акторов, новых форм политической борьбы, изменением роли традиционных политических институтов. Коммуникативные техники и информационно-коммуникативные технологии используются в политической сфере в качестве базы для реализации политических технологий, а также как фактор конкурентной борьбы за завоевание, осуществление и удержание политической власти в рамках демократического политического процесса. Данная трансформация теоретического и исследовательского контекста коммуникативистики в прагматический, свидетельствующая о модернизационных процессах в сфере практик политической коммуникации, формулирует вызовы современной политической теории, требует акцентирования анализа на различных формах политической коммуникации, предполагает формирование объемной феноменологии коммуникативного пространства политической повседневности.

Elezovich D.M.

THE BACKGROUND ON THE HISTORY OF RUSSIAN POLICY ACCORDING TO THE SERBS (XVIII-XX CENTURY)

Abstract. The paper gives a brief overview of Russia's political relations with the Serbs from the time when a Russian presence in the Balkans began more intense - from the XVIII century to the Russian Revolution in 1917. Diplomatic relations of Russia with the Serbs began in the early XVIII century from the time of Peter the Great, and they particularly evolved in the XIX century. Relations between Russia and Serbia were complex, sometimes they were developing in a stable manner and sometimes unevenly regarding the times we are here observing.

But also in the watchful celebrations of political goals, Russia took its place in Serbian society, and the Serbian people did not care about the political elite field of its particular cultural and religious relationship with the Russians. But even in turbulent times marked by political goals, Russia has always had its place in Serbian society, and the Serbian people have always nurtured special cultural and religious relations with the Russians, regardless of the political elites.

Keywords: Russia, Serbia, Montenegro, political relations

Элзович Д.М.

ОБЗОР ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СЕРБОВ (XVIII-XX ВЕК)

Аннотация. В работе представлен краткий обзор политики России в отношении сербов со времен начала более интенсивного присутствия России на Балканах с XVIII века и до Октябрьской революции 1917-го года. Дипломатические отношения России и Сербии установились еще в начале XVIII века во времена Петра Первого, но особенно развились в XIX веке. Отношения между русскими и сербами были сложными: в рассматриваемом периоде порой они развивались стабильно, а порой неравномерно. Но и в бурные времена, окрашенные политическими конфликтами, Россия всегда занимала важное место в сербском обществе, а сербский народ, независимо от настроения политической элиты, всегда дорожил особенно культурными и религиозными отношениями с русским народом.

Ключевые слова: Россия, Сербия, Черногория, политические отношения.

Serbian-Russian relations can be traced back to the middle Ages, and in this paper, we will deal with the segment dealing with the review of Russia's political relations with the Serbs in modern times. The aim of the paper is to provide an overview of the history of Russia's policy towards the Serbs at a time when

the Russian presence in the Balkans is more intense and stronger, from the XVIII century to the Russian Revolution in 1917. In addition, the aim of the paper is to perceive Russia's policy towards the Serbs in a general way, that is towards the two Serbian states that were created and gained independence at that time, Serbia and Montenegro, but also towards the Serbs in total, that is, those who were in the territory that remained within the Ottoman Empire and Austria, and later also within the other countries that emerged in this period.

In Serbian and Russian historiography a lot of papers on Serbian-Russian relations have been published. Regarding the periodization of relations between the two nations - in this context, several theses have been set that put these relationships in certain temporal contours. M. Jovanovic's framed the relationship between the Serbs and the Russians in the past in three chronological phases: the epoch of sporadic contacts (XII-XV centuries), the time of spiritual connections (XV-XVII centuries) and the epoch of politics (XVIII-XXI centuries). Basically, something can be said about the developed relations and cooperation between the two nations only at this last stage, which Jovanovic presented as an epoch of politics [1].

When it comes to our brief reflection on Russian policy towards the Serbs, we have rounded it in a historical unit that began in the XVIII century and ended with the Russian Revolution. So it is about the duration of the Serbian-Russian relations, from the more intensive diplomatic and political engagement of Russia in the Serbian territory, in 1917, after which new historical circumstances occur that reflected on the Serbian-Russian relations. On the specifics of relations after 1917, modern historiography is generally in agreement.

S. Terzic writes that established political, diplomatic and military co-operation in the period of the First Serbian Uprising laid the broad foundation on which the relations between Serbia and the Serbs in general with Russia will be based up to 1917 and the descent of imperial Russia from the European historical stage [2]

According to A. Timofejev, the first period of Russian politics in the Balkans dates from the establishment of the

Russian state after the Tatar invasion in the XV century, until the mid-XVIII century. The border of the Turkish Empire lay then deep in the east, and all Orthodox nationalities under the power of the Ottomans were seen as one distant and little-known periphery of the Orthodox world. Help, in the form of ecclesiastical items, clothes and a license to collect money in Russia, was given at that time to the Serbs on the basis of confessional closeness. The aid, which was at that time provided to the Orthodox population of the Balkans by the Russian church circles, did not go beyond the boundaries of confessional solidarity and humanitarian activity and did not have any deeper state base [3].

A. Timofejev defines the third period of Russian foreign policy in the Balkans. After the Revolution and the Civil War in 1917-1921, Russia disappears from the political map of the world and the state gets the name-abbreviation - the USSR. The new state is pursuing its own, absolutely unconnected with the previous period, politics in the Balkans. As an example of this completely different policy is the Soviet war aid to Turkey in the conflict against Greece, which the young Soviet state offered to Ataturk during the Greek-Turkish war (1919-1922) [3]

J. Guskova is of the opinion that a permanent interest in the history of relations between Russia and the Yugoslav people is today closely linked to political processes in the Balkans. The fate of Russia and the Yugoslav peoples was closely linked during the last few centuries, and relations between Russia and the South Slavs developed differently with different countries and nations. In relations between Russia and Montenegro, over the centuries, beginning with the Charter of Peter the Great in 1711, the relative stability is observed. Cooperation, which was especially active in the XIX century, developed in many areas - military, cultural, religious, social, regarding state. Relations between Russia and Serbia were more complicated, they were developing unevenly, wavily - from cooperation, help, and harmony to cooling of relations, which was largely connected with the internal political struggle between the Serbian political elite, the interests of other states in the Balkans and the circumstances in Russia, which was constantly in the state of war, fight or diplomatic offensive. But even at the time of the cooling

of relations between Russia and Serbia, Russia has always been "present" in Serbia with a diverse network of its representatives, diplomats, consuls, took a certain position on issues of economic development, disagreement among the parties, mutual relations between the prince and the opposition and implemented a balanced course aimed at stabilizing relations, both within society and in foreign policy. Russian diplomacy had to permanently maneuver not to lose the region of its traditional influence. The merit of Russian diplomacy is undoubtedly the fact that interstate relations with Serbia at that time were not interrupted, although they were many times on the borderline. Strengthening the influence of Russia in the Balkans or its victory in the Russian-Turkish wars has occasionally led to diplomatic isolation. However, Russia has always fought for its priority in the Balkans. When Russia intended to defend the Slovene Balkan nations, Western countries tried in every way to prevent it and not allow the strengthening of Russia's influence in the Balkans, not wanting to disengage control over the Balkan territories [4].

A well-known specialist for the history of Russian-Montenegrin relations J. Anshakov believes that in the XVIII century, Russia was a strategic partner of Montenegro, as a de facto independent part of the Serbian ethnic and state space, so that in the XIX century, the second Serbian state Serbia arose from the time of the First Serbian Uprising [5]. For our research, this moment is one of the most important ones because it is an essential element in the overall political relations of Russia towards the Serbs.

When it comes to Russia's political relations with the Serbs, they can be traced back to the end of the XVII century, that is, from 1698, when the prominent statesman of the Peter the Great, P. A. Tolstoy, during his stay in Venice, arrived in Perast to visit Russian landowners who studied seamanship. In the following period, the Russian emperor began to pay special attention to the Balkan Christians, who he continually encouraged to the uprising against the Ottomans. It is assumed that official Russian-Montenegrin relations began when Peter the Great sent his representatives in Montenegro, lieutenant colonel Mihailo Miloradovic, from Hercegovina, and captain Ivan Lukacevic,

from Podgorica [6]. In a letter dated March 3, 1711, handed over by Miloradovic and Lukacevic at Cetinje to Bishop Danilo, the Russian emperor urges the Montenegrins to rise up in the overall struggle against the Turks [7]. With the arrival of Metropolitan Danilo Petrović Njegos (1697-1735), a new era in Montenegrin history begins, when he establishes relations with Russia, he goes to the distant Russian court, where Peter the Great hosted him and granted him two charters. According to the first, the emperor obliges the Montenegrins to join Russia in the event of a Russian-Turkish war as a nation of the same religion and the language. The second charter granted the Cetinje Monastery a grant of five hundred rubles a year [6].

Danil's successor, Metropolitan Sava (1735-1781), arrived in Russia in April 1743. Jelisaveta Petrovna (1741-1762) gave the order according to which the Cetinje monastery has approved the aid of five hundred rubles every three years and ordered the payment of backlogs, send to the people three thousand, and a thousand rubles for the bishop. There was no political hope in the charter she has sent to the Montenegrins. Metropolitan Vasilije Petrovic Njegos (1750-1766) was oriented towards seeking help from Russia, where he arrived at the beginning of 1753. The Russian government suggested that Montenegrins do not pay taxes to the Turks and that they are in constant war with them and are therefore are free people. Vasilije also published the History of Montenegro, which was immediately translated into Italian. He received monetary help for the Cetinje monastery as well as some religious books. Vasilije went to Petrograd for another two times to provide political and financial assistance to Montenegro but was not satisfied with the reception. During his last visit, he died in 1766 in Petrograd, where he was buried. The episode with Scepan the Little (1767-1773) as a Russian emperor Peter III (1762) and his time at the head of Montenegro intensified Russia's mistrust in a small Serbian country in the Balkans. In Montenegro, the news came that the unknown immigrant Scepan the Little, a Russian Emperor, who had escaped to Montenegro in search of salvation, was recently settled [8]. Jurij Dolgoruki arrived in Montenegro, who first arrested Scepan the Little, and later released him when he swore to loyalty to Russia. It was a

time when Katarina II (1762-1796) forced the cooperation of the Orthodox Balkan peoples with Russia and their inclusion in the anti-Turkish campaign [9].

A very important element of Russian politics towards Serbs is that during the XVIII century Russia's policy of settling Serbs in its territory intensified. The emigration of Serbs to Russia, which saw that country as their second homeland, is growing, and the Russian people are close to them by their origin, culture, religion, and tradition. In the middle of the XVIII century, from Montenegro to Russia, thousands and five hundred people were transferred to New Serbia and Slavjanoserbia. Serbs also settled in these areas from other Serb regions, primarily from the region of the Habsburg Monarchy. Many of the migrants and their descendants occupy high positions on the social rank of the Russian Empire and became military commanders, diplomats, scientists. They made a significant contribution to the consolidation of Russia, but also to the strengthening of Serbian-Russian political and cultural ties [10].

It was a time when Katarina II led two wars against the Ottomans in which Russia made significant political results. The Russian-Turkish War (1768-1774) opened the process of cooperation of Orthodox Balkan peoples under Turkish rule, with Russia, the Serbs played a key role in this project [11]. The turning point in Russia's penetration into the Balkans occurred after the signing of the Kuchuk Kainarji Peace Treaty in 1774, which made Russia a kind of patron of Balkan Christians under Turkish rule [12].

More significant changes occurred during the next Russian-Turkish war (1787-1792), when, with the support of her advisor G. Potemkin, Catherine II launched the so-called "Greek project", which in fact meant the "Balkan" project. It meant the division of European Turkey into two parts, between Austria and Russia, in which the eastern part of the Balkans with Constantinople should be some form of "restored Byzantine Empire" under the hegemony of Russia and with the grandson of Empress Catherine Constantine at the helm. However, this project was interrupted, and the war, although victorious, did not bring any changes to the political map of the Balkans. It is interesting that the Western

Balkans was outside the Russian sphere of interest, even in the most spectacular form of Russian expansionist appetites outlined in the "Greek project" [3].

The Time of the First Serbian Uprising brought a new format of Russia's policy towards the Serbs, when Russia's policy was directed towards Serbia, which became its most important partner in the Balkans. The Serbs were thrilled with the knowledge that in 1806 Emperor Alexander I (1801-1825) declared the war to the Turks, and with the arrival of the Russian army, the Serbs began to believe that after several centuries of slavery he would free their country. According to a peace treaty signed between Russia and Turkey in Bucharest in 1812, Serbia is guaranteed a certain autonomy. Although the insurgents did not accept the decisions of Bucharest's peace, the eight points that were referring to Serbia represented her first notion in modern international politics [1].

It was about the beginning of the internationalization of the Serbian issue and the time when Russia became one of the key factors of international relations at the Vienna Congress where the fate of Europe was decided. It became clear that Russia would play one of the key roles in solving the Eastern issue. The Balkans as a geostrategically important space, and especially Istanbul, is becoming an important issue in Russian foreign policy, which is opposed by other great powers. England, therefore, will influence all of the forces in the Balkans and Bosphorus against the efforts of Russia to dominate this region. This led to the situation that the Western powers and England maintained the Ottoman Empire not to collapse, and the Balkan Christians thus became hostages to that policy. Therefore, those nations most benefited from the results of Russia's foreign policy aimed at the liquidation of "sick man of Europe" [13]. S. Terzic writes that at the time of the Serbian Revolution, the Russian view of the Balkans and Balkan Christians was not determined only by the common origin, language, and culture, but above all by the Russian interests arising from the Russian attitude towards Europe and the changing alliances with the European powers. The role of Russian diplomat Konstantin Konstantinovic Rodofinikin, who was a Russian representative in Serbia (1807-1810), is very interesting for historiography. Terzic writes in a

balanced way about the mission of this diplomat, in contrast to the earlier Serbian historiography, which generally referred to him as an unimportant Greek in the Russian service, who imposed himself as the representative in Serbia, the plotter who escaped in front of Karadjordje's anger after his return to Belgrade. However, Rodofinikin was an educated diplomat who had clear instructions he fulfilled, strengthened his influence on the basis of conflicts within the Serbian leadership, but not with the aim of harming the Serbs and favoring the Phanariotes [2].

Even political relations with Montenegro at the time were not stopped. The Montenegrin metropolitan Peter I (1784-1830), who spent some time in Russia, sought Russian help for a general orthodox uprising against the Turks, offering Serbian territories to be placed under Russian rule [2]. The great Serbian poet and statesman Metropolitan Petar II Petrović Njegoš became a conqueror in Petrograd, he stayed twice in Russia and had great hopes in Russian politics in the Balkans, and he also sang about it. With the arrival of Nikolai I (1825-1855), poor relations between Montenegro and Russia that have been present for a longer period have been smoothed [14].

Regarding Serbia, Russia did not have the ambition to include in its composition a warlike and impoverished province in the center of the Balkan Peninsula, surrounded by the strong and not too friendly empires. Russia in Serbs saw only "Orthodox Christians", and the maximum they could offer was their concern for their status within the foreign empire. This concern was a second-hand issue in the event of a direct threat to the interests of Russia itself. The Bucharest Peace (1812), the Akerman Treaty (1826) and the Adrianople Peace (1829) consistently, among other demands of Russia, fixed Turkey's obligation to protect the right of Serbs to autonomy [3].

The battles during the Second Serbian uprising lasted briefly, and the Sultan ultimately gave the Serbs autonomy. With the Treaty of Edirne in 1829, which came as a result of the Russian military victory over the Turks, Russia created additional autonomy for Serbia. The two edicts from 1830 and 1833 completely destroyed agricultural relations and Ottoman rule in Serbia. Official diplomatic relations between Serbia and Russia

were established in 1838, which was an indirect way to show that Russia would be the guarantor of the survival of the Serbian state [15]. In the context of these developments and through the Russian support to the Serbs in the First and Second Serbian uprisings, the importance of Russian support for the strengthening of modern Serbian statehood is shown.

J. Guskova writes that bright horizon of Russian-Montenegrin relations was sometimes darkened by the tendency of Montenegro to seek sponsorship from other countries, during the reign of Prince Danilo Petrovic (1852-1860), or the fact that Russian court did not want to give up its interests [4]. In the situation after the death of Peter II, Danilo traveled to Russia, allegedly to be ordained as the Metropolitan, and returned to Montenegro in August 1852. He surprised his opponents by bringing with him the written support of Emperor Nicholas for him to become the ruler of Montenegro. Thus, thanks to Russian support, he managed to take power in Montenegro, and later with that support, he became a prince because he did not want to become a monk. In this way, in Montenegro, the definitive state power is separated from the spiritual one.

European forces worked to undermine Russian influence in the Balkans, as well as in Montenegro, where it was extremely strong. At the same time, Russia was not in a position to help Montenegro after being defeated in the Crimean War. At the Paris Congress in 1856, representatives of the Russian government were unable to support the Montenegrin demands for independence and territorial expansion. Russia's failure to fulfill its promise of international recognition of Montenegro turned Danilo to France, who thus gained many enemies in Montenegro who considered it a treachery of Russia [5].

Russia started using Panslavist movement to motivate the masses of Christians in the Balkans and indirectly increased her influence on this territory and the solution of the Eastern question. The policy of this concern towards Christians, in its final instance, should have enabled Russia to control Bosphorus and Dardanelles. The Nevesinje rifle, which echoed through Herzegovina, set fire to Bosnia, which opened the door for Serbia to cross the Drina military and try to extend its power to the

territory of today's BiH. Throughout the XIX century, Russia diplomatically and militarily helped Serbia to a certain extent, but in the end, she always put her interests first in the negotiations with the Ottomans. But a large number of volunteers who came from Russia to fight the Turks testified to the significant interference of Russia. During the Bosnian-Herzegovinian uprising (1875-1878), Austria and Russia had the stance that in the event of the break-up of the Ottoman state they would not support the creation of a large Slav state in the Balkans, and St. Petersburg refused to help the Serbian insurgents because it had already decided to devote itself to the liberation of Bulgaria [16]. Critics of Russian policy towards Serbia most often used as evidence for their claims the Great Eastern Crisis and the San Stefano Peace, which, after the victory of Serbian and Russian weapons against the Turks in 1878, envisaged the creation of Greate Bulgaria. Such a decision by Russia undoubtedly caused disappointment and dissatisfaction in Belgrade, since the formation of such Bulgaria was envisaged in certain territories that were considered Serbian [17]. But it must be taken into account that Russia was above all a great power that had its own policy and strategic interests, which could not always match the interests of Serbia. In this context, the creation of Greate Bulgaria under the Russian protectorate represented a geostrategic defense by which Russia isolated Constantinople from the Western powers and placed it under its control [18].

However, this would certainly not mean that Russia would permanently leave Serbia to the Austrian sphere of influence and focus exclusively on Bulgaria. The two Serbian states, Serbia and Montenegro, were internationally recognized at the Berlin Congress in 1878, convened under the pressure of dissatisfied forces, in the first place Great Britain, in an effort to neutralize the political gains of Russia after the military victory over the Turks. It was precisely the decisions of the Berlin Congress that put an end to the San Stefano Peace, which made the plan for the creation of Greate Bulgaria to fail. Serbia was disappointed with the Russian policy of favoring Bulgaria during the Great East crisis and its continued efforts to maintain such a policy. However, soon this policy turned out to be irrelevant, as Bulgaria

was increasingly turning to the West from which it sought support for its regional policy. At the end of the XIX century, relations between Russia and Serbia were cold, as Austrian influence became dominant during the reign of King Milan Obrenovic [20].

During the XIX century, Russian diplomacy strongly impacted the spread of its influence among the Serb people in the Balkans. In 1804, the Russian consulate was opened in Kotor under the approval of the Austrian Government, and at its head was A. O. Mazurevsky. The Governor and the Montenegrin officials took part in the ceremony. Nevertheless, as Vienna was not interested in expanding the Russian diplomatic presence in the region, the consul stopped working and Russian consulate in Dubrovnik again started dealing with the Montenegrin issues [6]. Russia promoted its policy and represented a glimpse of the hope for the Serbian people in those territories, which were, at the beginning of the 20th century, still under the rule of the Ottomans. The significance of its consulates in northern Albania, Macedonia, and Kosovo was big for the Serbs [1]. Russia played a remarkable role in preserving one of the most important Serbian monasteries, Decani. Metropolitan of Raska and Prizren Nikifor Peric in 1902 addressed Kiril Abramov from the cell of the St. John Chrysostom asking for the Russian monks to come up in Decani. The following year, the order was transferred to the jurisdiction of Russian monks, and Kirilo became the caretaker. On February 4, 1905, Emperor Nicholas II (1894-1917) signed a decree according to which ten thousand rubles were paid each year to the Decani. However, political games in Serbia led to the fact that in 1910 the Russian emperor Nikolai II was forced to withdraw the Russian monks from Decani. A year after that, the Metropolitan of Raska-Prizren Nikifor was forced to resign.

The best example of the attitude of the Serbs towards the Russian consular network in the area of Old Serbia is reflected by the epic conscience of Grigory Stepanovich Scherbina (1868-1903). The turmoil of Albanians made by the establishment of the Russian consulate culminated in the attack on Serbs in Vucitrn and then on the attack on Mitrovica on March 30, 1903. Scherbina escorted a tour on the position of the Mitrovica defense

and on March 31, 1903, was killed by an Albanian. He died of wounds on April 10, 1903. Seriously wounded, then at the epicenter of Serbian historical drama, he said the legendary thought: "I am the first victim in the recent Serbian history for the liberation of Old Serbia." The death of Scherbina was perceived by the Kosovo Serbs as a national disaster because he fell in the struggle for Orthodoxy and for the freedom of the Serbian people [21].

At the beginning of the XX century, Russian politics was an opponent of Obrenovic, who turned to Austria, so the marriage of King Alexander I Obrenovic (1889-1903) with Draga Masin led to the May uprising in 1903 and the killing of the king and the queen. With the end of the Obrenovic dynasty, and taking over the power by Karadjordjevic, Serbian foreign policy focused on Russia. During the Russian-Japanese War (1904-1905), Russia needed the support of two Balkan Serbian states, Serbia and Montenegro. In the war, Serbia sent a squad headed by King's brother Arsen Karadjordjevic, who joined the Russian troops in the east. Montenegro announced the war to Japan, sent a military detachment to Russia and was declared a true Russian ally. Regarding the Balkan political scene, Russia realized that the alliance of the Balkan Orthodox peoples could help her primarily against Austria, which appeared as the most serious opponent in the Balkans. After the annexation crisis, the Panslavists tried to open an agreement among the Balkan Christian states for the division of the Ottoman state according to the principle of nationality. The Russian envoy in Belgrade, Nikolai Henrikovich Hartvig, has done a lot to form the Balkan Alliance, a series of treaties and military conventions, which have been concluded since February 1912 by Serbia, Montenegro, Bulgaria, and Greece. At the London Conference (1913), Russia made a request for territorial compensation to Serbia in the form of an exit to the sea, but it was not accepted [1].

It is a historical fact that Russia has played a key role in gaining the independence of the Balkan peoples. One of the most important episodes in the history of Serbian-Russian relations was played during the First World War when Nicholas II supported Serbia. During the First World War, Russia was

completely on the side of Serbia, and it is said that the Russian Emperor Nicholas II exclusively entered this conflict because of the Serbs. Close relations were a prerequisite for good military cooperation between the two countries, but also a strong proof of Russia's political interests in the Balkans. Russia, indeed, declared the war against Germany in 1914 because of Serbia, but also for clear political reasons, because the cession of Serbia to Austria-Hungary would mean the cession of the Balkans, which Russia could not allow. This would greatly undermine Russia's ambitions to take over Constantinople and ensure the safety of crossing the Bosphorus until it enters the Mediterranean. The historical episode of Russian politics towards Serbia took place during the Albanian Golgotha of the Serbian army when the Serb soldiers and civilians were fleeing to the Adriatic coast and waiting for allies to move them there. On January 15, 1916, Nikola Pasic sent a circular to the Russian emperor Nikolas II asking him for help. The Emperor got it on January 18, and the same day, the Emperor sent a telegram to the King of Great Britain and the President of France, saying that if the Serbian army was not saved that Russia would break up the alliance with them. The intervention of the Russian Emperor accelerated allied assistance, and the Italian government allowed the Serbs to enter Valona [22].

Contemporary European historiography explains that Russia and European countries have experienced political, economic and cultural interweaving in the modern era. Especially since the XVIII century, the relationship between Russia and other countries and European communities was not reflected exclusively through dynastic connections, political alliances, economic exchange and individual cultural transfers. Higher-level cultural ties marked the relationship between Russia and Europe in the XVIII and the XIX century [23]. Similar was the relationship between Russia and the Serbs, which certainly had an additional component of monolingualism and unity.

The period of the worst overall Serbian-Russian relations coincided more or less with the communist dictatorship in Russia and the formation of the Soviet Union. During that time, the Yugoslav kingdom almost did not have any, or occasionally had

markedly negative relations with Moscow. The new ideological matrix that was established implied a policy that did not take into account the religious, cultural and historical ties between the Serbs and the Russians.

Serbian-Russian relations from the XVIII century, when Russia intensified diplomatic and political engagement in the Serbian territory, in 1917, shows the strengthening of the Russian influence among the Serbs. After the Russian Revolution, new historical circumstances emerged that also reflected on Serbian-Russian relations in a negative sense. The relations between Russia and the Serbian states of Serbia and Montenegro in the mentioned time developed differently. Since the beginning of the XVIII century, Russia has been engaged diplomatically in Montenegro, and these relations were mostly stable, they were seen through Russian financial and diplomatic support, while the Montenegrins became faithful allies of the Russians in the struggle against the Ottomans. Relations between Russia and Serbia were even more complex and developed between the starting points on Slavic and Orthodox affinities to Russian interests in relation to other European powers. These relations were torn between Russia's aspirations for a stronger influence in the Balkans, which sought to persuade other forces by acting on Serbian states and political elites to turn from Russian politics. Russia's political presence and influence in the Balkans has never been interrupted and, of course, has been largely achieved through the Serbs, who, ignoring the political elites, always cultivated special cultural and religious relations with the Russians.

References

1. Јовановић, М. Срби и Руси, 12-21. век : историја односа. Београд : Народна библиотека Србије, 2012.
2. Терзић, С. Русија и српско питање : 1804-1815. Нови Сад : Православна реч, 2012.
3. Timofejev, A. Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopoličkih odnosa na Zapadnom

- Балкану, Odnosi Rusije i Србије на роџетку XXI века, Beograd: ISAC fond, 2010, 19-23.
4. Гускова, Ј. Спољна политика Русије на Балкану: историјско испитивање / Глас књ. 14 (2008), с. 57-69.
 5. Аншаков, Ю. Становление черногорского государства и Россия : (1798-1856 гг.) Москва : Институт славјановеденија РАН, 1998.
 6. Бычков, Ю. Е. Черногория : от прошлого к настоящему : страницы истории Черногории и российско-черногорских отношений. Москва : Декоративное искусство, 2008
 7. Распоповић, Р. Дипломатија Црне Горе : 1711-1918. = *Diplomatie du Monténégro : 1711-1918* / Подгорица : Историјски институт Црне Горе ; Београд : Војска, 1996.
 8. Распоповић, Р. Црна Гора и Русија : огледи и есеји. Београд : Службени лист Србије и Црне Горе ; Подгорица : Историјски институт Црне Горе : SANUS, 2005.
 9. Лековић, Џ. Rusko-crnogorski odnosi od sredine 18. i u prvim decenijama 19. vijeka = Russia-Montenegro relations since the mid 18th and in the first decade of the 19th Century / *Medijski dijalozi*, God. 6, br. 15 (februar, 2013), s. 421-448.
 10. Атлагич, М.П., Элезович, Д. М. Служба сербов в Российской империи в XVIII-XIX вв. / *Вопросы истории* 5 (2018), 156-161.
 11. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй. Часть третья (Внешняя политика). С. Петербургъ Тип. А.С. Суворина, 1885.
 12. Elezovic, D. Atlagic, M. Treaty of Küçük Kaynarca 1774: The Beginning of the Russian Patronage over the Balkan Christians, Россия в условиях кризисов XIX—XX веков: Сборник статей Том 1, Оренбуршки државни педагошки универзитет, 2017, pp. 181 – 185.

13. Stavrijanos, L. Balkan posle 1453. Beograd: Equilibrium, 2005.
14. Петр II Петрович Негош и Россия : русско-черногорские отношения в 1830-1850-е гг. : документы / [составители М. Ю. Анисимов ... и др.] Anisimov, Maksim Jurjevič, 1974- Anšakov, Jurij Petrovič, 1947- Raspopović, Radoslav, 1956- Hitrova, Nina Ivanovna, 1925- Москва : Университет Димитрия Пожарского, 2013.
15. Политические и культурные отношения России и Сербии в 30-50-е годы XIX века : документы российского МИД / [ответственный редактор и составитель Е. П. Кудрявцева] Москва : Наука, 2013
16. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине : 1875-1878 : документы / [составители В. И. Косик, Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролина] Москва : Индрик, 2008
17. Косик, В. И. Русофильство и русофобство на Балканах XIX-XX вв. (Болгария, Сербия, Россия) / Српске студије, год. 5, br. 5 (2014), с. 337-353.
18. Искендеров, П. А., Берлинский конгресс – первый опыт «балканского миротворчества» // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. М., 2006.
19. Јовановић, М. Србија и Русија 1804-1878 : политика, традиција и перцепција (оквири тумачења и контекстуализације). Москва - Србија Београд - Русија = Москва - Сербия Белград - Россия : документа и материјали : = сборник документов и материалов. Том 2. = Т. 2, Друштвене и политичке везе 1804-1878 = Обществено-политические связи. 1804-1878 гг..- str. 14-38
20. Терзић, С. Руски словенофили и српско питање (1856-1878) / Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века : примљено на IV скупу

- Одељења историјских наука од 27. априла 2011. године.- с. 95-107
21. Элэзович З. Мумович А. Элэзович Д. Григорий Степанович Щербина (1868-1903) в культуре косовских сербов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 420. с. 141–145. DOI: 10.17223/15617793/420/20
 22. Елезовић, Д. Век српске Голготе (1915-2015) - Историја, Век српске Голготе (1915-2015) - Историја, Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, 1, 2016. с. 1 – 499.
 23. Aust, M. Russland und Europa in der Epoche des Zarenreiches (1547–1917), in: Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2015-11-24. URL: <http://www.ieg-ego.eu/austm-2015-de> URN: urn:nbn:de:0159-2015110919 [3.02.2018].
 24. The study is part of the project of Ministry of Education, Science and Technological Development, “Kosovo and Metohija between national identity and European integration”, no. III 47023.

Юсупова Г.И.

СИНЕРГИЯ ДУХОВНЫХ СИМВОЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Синергия духовных символов и ценностей должна привести к становлению новой духовной парадигмы. Под духовной парадигмой автор предлагает рассматривать переосмысление мировоззрения на основе понимания человеческой природы не только как физического тела, а совокупности определенной духовной субстанции.

Ключевые слова: синкретизм, синергия, духовные ценности, духовная парадигма, диалектика, законы диалектики, религия, теория познания, самопознание.

SINERGY OF SPIRITUAL SYMBOLS AND VALUES

Abstract. The synergy of spiritual symbols and values should lead to the formation of a new spiritual paradigm. Under the spiritual paradigm, the author proposes to consider the re-thinking of worldview on the basis of understanding of human nature not only as a physical body, but as a set of subtle energy structures, a certain spiritual substance.

Keywords: syncretism, synergy, spiritual values, spiritual paradigm, dialectics, laws of dialectics, religion, theory of cognition, self-knowledge.

В наше время понятие «духовное» все чаще воспринимается как синоним нравственного, морального, этического. Подобная трактовка зачастую уводит нас от истинного смысла этого слова. А настоящее значение следует искать в самом термине «духовное». Его корень составляет слово дух.

Дух – это тонкая энергетическая субстанция, имеющая квантовую природу, к необходимости изучения которой вплотную подошло человечество. Правильнее было бы сказать, что развитие современной науки, столкнувшееся неожиданно для себя после многовекового противоборства с религией с открытиями квантовой физики, волновой генетики и других явлений, практически необъяснимых с точки зрения материалистического подхода, внезапно вторглось в пространство духовного, изучение которого всегда признавалось прерогативой религиозных систем. В то же время это подтверждает лишний раз диалектичность самого процесса познания, включая эффективность действия всех трех законов диалектики.

На основе трех законов диалектики мы можем рассмотреть и такой актуальный вопрос как синергия духовных символов и ценностей.

Закон единства и борьбы противоположностей отражает дуальность, двойственность мира. В процессе познания он проявляется в единстве познаваемого и непознанного, внеш-

него и внутреннего, материального и духовного. Как же связан этот принцип с синергией современных духовных ценностей. Его истоки следует искать в символах древних духовных систем человечества. К примеру, в даосизме данная закономерность проявлена через единство светлого и темного начал – Ян и Инь, дополняющих друг друга. Эта конструкция присутствует в авраамистических религиях (иудаизме, христианстве и исламе), которые постулируют противоречие добра и зла в виде борьбы света и тьмы.

Закон перехода количественных изменений в качественные изменения ярко проявлен сегодня в синергетическом эффекте синтеза научных открытий и духовных знаний человечества.

Закон отрицания отрицания демонстрирует возврат древней мудрости в виде современных научных открытий, интегративных тенденций развития всей науки в целом. К примеру, выйдя из единого источника, наука прошла путь разделения на многочисленные направления и отрасли, но сегодня вновь демонстрирует важность и преимущества научного синтеза и интеграции не только различных научных дисциплин. Усилились тенденции синтеза гуманитарных и естественных наук, науки и искусства, науки и образования, наконец, науки и религии.

Если рассматривать под духом, духовным тонкую субстанцию, то на познание природы этой субстанции и были направлены все духовные системы человечества. Уникален сам путь, предлагаемый ими. Вот его суть: «Познай себя. И ты познаешь весь мир». Этот принцип лежит в основе всех древних духовных систем человечества. К признанию его вплотную подошла и современная наука. К примеру, элементом современного научного познания стал закон аналогий. По существу закон аналогий является ничем иным, как интерпретацией религиозного принципа, «что наверху, то и внизу», сотворения Богом человека по своему подобию, принципа микро- и макрокосмоса.

Под духовной парадигмой автор предлагает рассматривать переосмысление мировоззрения на основе понимания человеческой природы не только как физического тела, а со-

вокупности тонких энергетических структур, определенной духовной субстанции. Духовную субстанцию создает набор тончайших вибраций, носящих квантово-волновой характер. На развитие этой энергетической субстанции направлена эзотерическая сторона религий, выраженная в различных мистических практиках.

Предлагаемая автором данной статьи научному сообществу новая категория «духовная парадигма» носит междисциплинарный характер. Эта категория в полной мере отражает синкретизм всех мировых религий, проявившийся в общности их внутренней сущности, единой задаче и целевых установках, направленных на реализацию основного предназначения человека – самопознания и духовного роста.

Жизнеспособность и устойчивость любого общества напрямую зависит от идеологической доминанты, отвечающей велениям времени. Принцип синергии может и должен обеспечить высокий уровень сотрудничества и гармонии в обществе.

Слово «синергия» в переводе с греческого языка означает совместное действие, сотрудничество, содружество. Результатом взаимодействия различных сил может стать новая сила или новый вид энергии. В православии под синергией понимается совместное усилие человека и Бога в деле подвига и созидания. Возможно, с этим эффектом связан феномен духовного воскресения и вознесения.

Ярко наблюдается эффект синергии в музыке, сфере, в которой наиболее наглядно выражен один из важнейших законов мироздания – закон семи или закон октав. В музыке синергетический эффект проявляется в переходе с одной октавы на другую. Синергию демонстрирует гармоничная деятельность оркестра, проявляя суммирующий эффект взаимодействия двух или более музыкальных инструментов, совместное звучание которых рождает новую гармонию, превосходящую эффект простого сложения звуков. Собравшись вместе, музыканты под умелым руководством дирижера рожают высшее из искусств – музыку, которая разговаривает с сердцами.

Умелая организация в музыке рождает прекрасно звучащий оркестр. Умелая организация идеологического пространства должна породить гармоничное общество. Как мы полагаем, важным элементом этой идеологической системы, которую еще предстоит выстроить и сделать мощным средством противодействия идеологическому вакууму, еще хуже того, идеологическому мусору и бездуховности, мог бы стать духовный ресурс. Задействовать потенциал духовного ресурса можно только на основе новой идеологической парадигмы. Такой парадигмой должна стать именно духовная парадигма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксентиевич Лазар Драгољуб - Приштинский университет, студент, г. Косовска-Митровица, Сербия.

Алехина Лариса Леонидовна - кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Алтынникова Людмила Александровна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Баранецкий Андрей Наумович – кандидат философских наук, преподаватель, ГБОУ ПО Севастопольский индустриально – педагогический колледж имени П.К. Менькова, г. Севастополь, РФ.

Баранов Андрей Владимирович - доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ.

Баранов Николай Алексеевич - доктор политических наук, профессор, Балтийский государственный технический университет «Воен-мех», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Барматова Светлана Петровна - доктор социологических наук, профессор, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ.

Гайдошова Мартина - доктор философских наук, доцент, Трнавский университет в Трнаве, г.Трнава, Словацкая Республика.

Гаффаров Ильдар Завдатович - кандидат исторических наук, ассистент, Казанский Приволжский Федеральный Университет, г. Казань, РФ.

Гелих Олег Яковлевич – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, профессор, Санкт-Петербург, РФ.

Гогуадзе Марат Григорьевич - Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ», аспирант, г. Санкт-Петербург, РФ.

Горин Антон Анатольевич - кандидат исторических наук, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, РФ.

Докучаева Светлана Валерьевна - Южно-Уральский Государственный Университет, аспирант, старший преподаватель, г. Челябинск, РФ.

Думнова Наталья Александровна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Иованович Лука Милан - Приштинский университет, философский факультет, кафедра истории, студент, г. Косовска-Митровица, Сербия.

Ковальска-Стус Ханна - доктор гуманитарных наук, профессор, Ягеллонский университет, г. Краков, Польша.

Коловский Денис Игоревич - Казанский (Приволжский) федеральный университет, студент, г. Казань, РФ.

Кузнецова Ирина Владимировна - ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Кузнецова Людмила Михайловна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Лагутин Олег Владимирович - кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Легостаева Светлана Алексеевна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

О. Макарий (Буга) - филолог, переводчик, преподаватель византийского пения, г. Ялта, РФ.

Марченкова Лилия Михайловна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Масаев Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта, РФ.

Минакова Елена Ивановна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Мишин Владислав Витальевич - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студент, г. Симферополь, РФ.

Моравчикова Михаэла - доктор теологии, директор института религиозной свободы, Трнавский университет в Трнаве, юридический факультет, г. Трнава, Словакия.

Омельчук Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Лазаренко Алла Леонидовна - доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВПО Орловский государственный университет экономики и торговли, заведующая кафедрой финансов и кредита, г. Орёл, РФ.

Парахина Валерия Юрьевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, студент, г. Симферополь, РФ.

Пашковский Пётр Игоревич - кандидат политических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, г. Санкт-Петербург, РФ.

Радович Даница Славица – студентка, Приштинский университет, Философский факультет, кафедра истории, г. Косовска-Митровица, Сербия.

Разны Анна – профессор, доктор гуманитарных наук, Ягеллонский Университет, г. Краков, Польша.

Самородова Елена Михайловна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Свешникова Ирина Порфирьевна, председатель Крымской региональной общественной организации «Центр духовной культуры «Лебедь», ректор народного университета духовной культуры и здорового образа жизни, г. Ялта, РФ.

Сенюшкин Евгений Александрович - кандидат политических наук, доцент, философский факультет, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Маргарита Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник образования АР Крым, почётный член Крымской Академии Наук, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Татьяна Александровна - доктор политических наук, профессор, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Силаева Зоя Владимировна - кандидат политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук, г. Казань, РФ.

Степанова Оксана Александровна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Suda Emine Zeuner - доктор философских наук, доцент, факультет политологии, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция.

Таран Ирина Андреевна - Российский университет дружбы народов, магистрант, г. Москва, РФ.

Филин Никита Александрович - кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права, кафедра современного Востока, доцент, г. Москва, РФ.

Шахин Юрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, Институт экономики и права «Академия труда и социальных отношений», филиал в г. Севастополе, г. Севастополь, РФ.

Шевченко Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор, доцент, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ», профессор, г. Санкт-Петербург, РФ.

Шентякова Анна Владимировна - кандидат политических наук, Санкт-Петербургский Государственный Университет, ассистент, г. Санкт-Петербург, РФ.

Шмид Марек - доктор юридических наук, профессор, Трнавский университет в Трнаве, ректор, г. Трнава, Словакия.

Юнес Ибрахим - Российский университет дружбы народов, магистрант, г. Москва, РФ.

Elezovich Dalibor Milorad - кандидат исторических наук, Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич, председатель правления, Приштинский университет, заведующий кафедрой истории, философский факультет, г. Косовска-Митровица, Косово, Сербия.

Юсупова Гурия Ислангараевна - доктор философских наук, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, главный научный сотрудник, г. Махачкала, РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Аксентиевич Л.Д. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ	3
Алехина Л.Л., Легостаева С.А. РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА.....	6
Алтынникова Л.А., Степанова О.А., Кузнецова И.В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	9
Баранецкий А.Н. К ВОПРОСУ О РОЛИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	15
Баранов А.В. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СООБЩЕСТВЕ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛАХ СТУДЕНЧЕСТВА).....	21
Баранов Н.А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ.....	26
Барматова С.П. МИР «МНОЖЕСТВЕННЫХ ПРАВД» ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИФFUЗНОГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	32
Гайдошова Мартина САМОУПРАВЛЕНИЕ АДВОКАТУРЫ И СМЫСЛ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЪЕДИНЕНИИ АДВОКАТОВ В СЛОВАКИИ – ТЕОРЕТИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ.....	35

Гаффаров И.З. ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ФИЛОСОФСКО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА.....	42
Гелих О.Я. ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАТАХ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	48
Горин А. А. ЗАМЕНА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РЕЛИГИОЗНУЮ, КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ.....	54
Докучаева С.В. РОЛЬ ПРОПАГАНДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ФАКТОРА, СНИЖАЮЩЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	59
Лазаренко А.Л., Минакова Е.И., Думнова Н.А. РОЛЬ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ.....	65
Jovanovich L. M. AN ATTEMPT OF SO-CALLED «REPUBLIC OF KOSOVO» TO JOIN UNESCO IN 2015.....	70
Ковальска-Стус Ханна ПОЛЯКИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ. ИДЕЙНАЯ И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ.....	79
Коловский Д.И. ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ЗАМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ.....	84
Кузнецова Л.М. АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОЛГОВ В РОССИИ.....	85

Кузьмина Т.Г. ПОЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ МИНУСИНСКА НАЧАЛА XX ВЕКА: С. Я. ПОЛОТЫНСКИЙ.....	91
Лагутин О.В., Шентякова А.В. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА.....	95
О. Макарий (Буга) КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.....	101
Марченкова Л.М., Самородова Е.М. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	106
Мишин В.В. ВОЙНА КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.....	111
Моравчикова Михаэла, Шмид Марек ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЦЕРКВЕЙ И ИХ АВТОНОМИЯ.....	117
Омельчук Д.В. 1917 – 1937. 1991 – 2011. УМЕСТНО ЛИ СРАВНЕНИЕ?.....	128
Парахина В. Ю. ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И КНЯЖЕСТВА МОНАКО.....	135
Пашковский П. И. ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ РЕАКЦИИ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	138

Попова О.В. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ: БИТВА ПРОИГРАНА?.....	143
Radovich D.S. THE DESTRUCTION OF CULTURAL HERITAGE IN THE MARCH OF 2004 IN KOSOVO.....	152
Разьны А. ПОЛЬША - РОССИЯ. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ И ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА.....	159
Свешникова И. П., Масаев М. В. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ) О СИНЕРГИИ НАУКИ И РЕЛИГИИ.....	164
Сенюшкин Е. А. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ.....	170
Сенюшкина М.А. СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОКОЛЕНИЙ.....	175
Сенюшкина Т.А. СИНЕРГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ.....	181
Силаева З.В. ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УПРАВЛЯЕМЫХ КОНФЛИКТАХ.....	188
Ставицкий А.В. РОЛЬ МИФА В ГЛОБАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН.....	193

Suda Emine Zeynep POLITICS OF REMEMBRANCE: THE CONSTRUCTION OF MEMORY OF THE GREAT WAR.....	197
Таран И.А., Юнес И. АРАБИЗМЫ В СМИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА.....	199
Филин Н. А. ВЗГЛЯДЫ АЯТОЛЛЫ МУХАММАДА ФАДЛАЛЛАХА НА НОРМЫ ШИИТСКОГО ИСЛАМА.....	204
Шахин Ю.В. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЮГОСЛАВИЗМА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГОСЛАВИИ 1950-Х ГГ.....	207
Шевченко Н.Н., Гогуадзе М.Г. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	212
Elezovich D.M. THE BACKGROUND ON THE HISTORY OF RUSSIAN POLICY ACCORDING TO THE SERBS (XVIII-XX CENTURY).....	217
Юсупова Г.И. СИНЕРГИЯ ДУХОВНЫХ СИМВОЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ.....	234
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	239

Для заметок

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ
ВРЕМЯ:**

СИНЕРГИЯ СМЫСЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ

XXXIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

17-20 мая 2018 г.

г. Ялта,

Республика Крым

Под редакцией

Т.А. Сеньюшкиной

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 14,53. Тираж 70 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.

295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru